

Болеслав Прус

ФАРАОН

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Видели ли пророки, молившиеся в подземном храме сфинкса, нового повелителя Египта во время его остановки под пирамидами, дали ли они знать о нем в царский дворец и как они это сделали — неизвестно. Но когда повелитель приближался к переправе, верховный жрец Херихор приказал разбудить придворных, а когда он переплывал Нил, военачальники, сановники уже ожидали его в зале для приемов.

С восходом солнца Рамсес XIII с небольшой свитой подъехал ко дворцу. Слуги пали перед ним ниц, а гвардейцы при звуках труб и барабанов подняли вверх оружие.

Поздоровавшись с солдатами, фараон поспешил во дворец. Затем он принял ванну, насыщенную благовониями, и позволил парикмахеру заняться своими божественными волосами. На вопрос последнего, сбрить ли ему волосы и бороду, владыка ответил:

— Не надо! Я не жрец, а солдат!

Слова эти в одну минуту стали известны в зале для приемов, через час облетели дворец, к полудню разнеслись по всему Мемфису, а к вечеру их уже передавали во всех храмах государства (от Тами-ен-Гора[129] и Сабни-Хетема на севере до Суну и Пилака[130] — на юге).

Узнав о них, номархи, знать, армия, народ и иноземцы были вне себя от радости, святая же каста жрецов тем ревностнее соблюдала траур по умершему фараону.

Выйдя из ванны, фараон надел короткую солдатскую рубаху в черную и желтую полосу, на нее — золотой нагрудник, на ноги — подвязанные ремнем сандалии, а на голову — плоский шлем с острием. Затем он пристегнул стальной ассирийский меч, бывший при нем во время сражения у Содовых озер, и, окруженный множеством военачальников, звеня оружием и хрустя ремнями, вошел в зал.

Здесь его встретил верховный жрец Херихор, рядом с которым выступали верховные жрецы Сэм, Мефрес и другие, а позади них — верховные судьи Мемфиса и Фив, несколько номархов из ближайших номов, верховный казначей и смотрители житниц, скотных дворов, гардероба, дома рабов, хранилищ серебра и золота, а также множество других сановников.

Херихор поклонился Рамсесу и проговорил с волнением в голосе:

— Государь! Вечно живущему отцу твоему угодно было отойти к богам, где он наслаждается вечным счастьем. На тебя легла обязанность заботиться о судьбах

осиротевшего государства. Привет же тебе, господин и повелитель мира, и да живет вечно его святейшество Хемсем-Мерер-Амон-Рамсес-сес-нетер — хег-ан^[131]!

Присутствующие восторженно подхватили этот возглас. Все ожидали, что новый повелитель проявит волнение или растерянность. Но, ко всеобщему удивлению, он лишь нахмурил брови и ответил:

— Согласно воле святейшего отца и законам Египта, принимаю в свои руки власть и буду править во славу государства и на счастье народа...

Вдруг повелитель повернулся к Херихору и, пристально глядя ему в глаза, сказал:

— Я вижу на твоей митре золотую змею. Почему ты надел на себя символ царской власти?

Гробовая тишина воцарилась в зале. Ни один человек в Египте, даже самый дерзкий, не мог бы допустить, что молодой фараон начнет свое правление подобным замечанием, обращенным к самому могущественному лицу в государстве, пожалуй, более могущественному, чем покойный царь.

Но за спиной молодого повелителя стояло около двадцати полководцев, на дворе сверкали, точно отлитые из бронзы, гвардейские полки, а через Нил переправлялась уже его армия, сражавшаяся у Содовых озер, опьяненная победой, боготворящая своего вождя.

Могущественный Херихор стоял бледный как воск, не в силах произнести ни звука.

— Я спрашиваю твое высокопреосвященство, — спокойно повторил фараон, — по какому праву у тебя на митре царский урей?

— Это митра твоего деда, святого Аменхотепа, — тихо ответил Херихор. — Верховная коллегия повелела мне надевать ее в важных случаях...

— Святой дед мой, — сказал фараон, — отец царицы, как особую милость получил право украшать свою митру уреем. Но, насколько мне известно, его торжественный убор должен храниться среди реликвий храма Амона.

Херихор успел уже прийти в себя.

— Соблаговолите вспомнить, ваше святейшество, — пояснил он, — что целые сутки Египет оставался без законного повелителя. Кто-то должен был будить и укладывать ко сну бога Осириса, осенять благословением народ и воздавать почести царственным предкам. На это тяжкое время верховная коллегия повелела мне возложить на себя святую реликвию, потому что управление государством и служба богам не терпели отлагательства. Но поскольку сейчас прибыл законный могущественный повелитель, я снимаю с себя эту чудесную реликвию.

Сказав это, Херихор снял с головы митру, украшенную уреем, и подал ее верховному жрецу Мефресу.

Грозное лицо фараона прояснилось, и владыка направился к трону.

Вдруг святой Мефрес остановил его и, склонившись до земли, сказал:

— Соблаговоли, святейший государь, выслушать всепокорнейшую просьбу. — Однако ни в голосе, ни в глазах его не было покорности, когда он, выпрямившись, продолжал: — Я хочу передать тебе слова верховной коллегии, всех верховных жрецов...

— Говори, — ответил фараон.

— Известно ли вашему святейшеству, — продолжал Мефрес, — что фараон, не посвященный в сан верховного жреца, не может совершать особо торжественных жертвоприношений, а также одевать и раздевать божественного Осириса?

— Понимаю, — перебил его Рамсес. — Я — фараон, не имеющий сана верховного жреца...

— Поэтому, — продолжал Мефрес, — верховная коллегия покорнейше просит ваше святейшинство назначить кого-либо из верховных жрецов своим заместителем для исполнения религиозных церемоний.

Слушая эту твердую, властную речь, сказанную тоном, не допускающим никаких возражений, верховные жрецы и сановники почувствовали себя как на вулкане, военачальники же, как будто невзначай, стали хвататься за мечи. Святой Мефрес посмотрел на них с пренебрежением и снова уставился холодным взглядом в лицо фараона.

Повелитель мира и на этот раз не проявил смущения.

— Хорошо, — ответил он, — что ты напомнил мне об этой важной обязанности. Военные и государственные дела не позволят мне уделять время обрядам нашей святой религии, и мне следует назначить себе заместителя...

Говоря это, повелитель обвел взглядом присутствующих.

По левую руку от Херихора стоял верховный жрец Сэм. Фараон взгляделся в его кроткое, честное лицо и неожиданно спросил:

— Как твое имя, святой отец? И какие обязанности ты несешь?

— Зовут меня Сэм, а состою я верховным жрецом храма Птаха в Бубасте.

— Ты будешь моим заместителем для исполнения религиозных обрядов, — сказал фараон, указывая на него пальцем.

В толпе присутствующих пробежал шепот восторженного удивления. Трудно было бы, даже после долгих размышлений и совещаний, выбрать более достойного жреца на столь высокий пост.

Только Херихор побледнел еще больше, а Мефрес сжал посиневшие губы и опустил глаза.

Вслед за тем новый фараон воссел на трон, резные ножки которого изображали фигуры князей и царей девяти подвластных Египту народов.

Херихор подал фараону на золотом блюде белую и красную корону[132], обвитую золотым змеем. Повелитель молча возложил ее на голову, присутствующие пали ниц.

Это было еще не торжественное коронование, а лишь принятие власти.

Когда жрецы окурили фараона благовониями и пропели гимн Осирису, моля, чтобы он ниспослал на нового владыку всякие благословения, гражданские и военные сановники были допущены к целованию последней ступеньки трона. Потом владыка взял золотую ложку и, повторяя молитвы, произносимые вслух святым Сэмом, воскурил фимиам статуям богов, стоявшим в ряд по обе стороны его царского престола.

— Что я теперь должен сделать? — спросил повелитель.

— Показать народу, — ответил Херихор.

Через позолоченную, широко открытую дверь, по мраморным ступеням фараон вышел на террасу и, воздев руки, обратил лицо по очереди к четырем странам света. Раздались звуки труб, и над пилонами взвились флаги. Кто находился в поле, на дворе или на улице, падал ниц; палка, занесенная над спиной животного или раба, опускалась, не причинив вреда, и все преступники в государстве, осужденные в этот день, получали помилование.

Спускаясь с террасы, повелитель спросил:

— Должен я еще что-нибудь исполнить?

— Теперь ваше святейшество ожидает трапеза, а потом государственные дела, — ответил Херихор.

— Значит, пока я могу отдохнуть, — сказал фараон. — Где находится тело моего святейшего отца?

— Оно бальзамируется... — тихо ответил Херихор.

Слезы подступили к глазам фараона, губы его дрогнули. Однако он сдержал себя и молча опустил голову. Не подобало, чтобы слуги видели волнение на лице столь могучего повелителя.

Чтобы отвлечь внимание государя, Херихор заметил:

— Не соблаговолит ли благочестивый государь принять знаки почитания от царицы-матери?

— Мне?.. Мне принять знаки почитания от моей матери?.. — воскликнул в волнении фараон. И, чтобы заставить себя успокоиться, добавил с принужденной улыбкой: — Ты забыл, что говорит мудрец Ани[133]?.. Может быть, святой Сэм повторит нам эти прекрасные слова о матери?

— «Помни, — начал Сэм, — что она родила тебя и вскормила...»

— Да, да! Продолжай! — горячо отозвался фараон, все еще делая усилия овладеть собой.

— «Если же ты забудешь об этом, она возденет руки свои к богу, и он услышит ее жалобу. Она долго носила тебя под сердцем, как тяжелое бремя, и родила по истечении срока. Потом носила на спине и три года кормила своей грудью. Так воспитала она тебя, не брезгая твоими нечистотами. Когда же ты пошел в школу и стал учиться письму, она каждый день приносила твоему учителю хлеб и пиво из дома своего».[134]

Фараон глубоко вздохнул и сказал уже спокойнее:

— Как видите, не подобает, чтобы мать выходила ко мне. Лучше я пойду к ней.

И прошел через анфиладу покоев, выложенных мрамором, алебастром и драгоценным деревом, расписанных яркими красками и позолотой, украшенных барельефами. За ним шла его огромная свита. У входа в покои царицы он сделал знак, чтобы его оставили одного.

Он прошел переднюю, с минуту постоял у порога, потом постучался и тихо вошел.

В комнате с голыми стенами, в которой вместо мебели стояли, в знак траура, только низкие нары, а рядом с ними надтреснутый кувшин с водой, сидела на камне мать фараона, царица Никотриса. Она была в рубище, босая, лоб ее был измазан нильской грязью, а сбившиеся волосы посыпаны пеплом.

Увидав Рамсеса, почтенная царица склонилась, чтобы пасть к его ногам. Но сын бережно поднял ее и сказал со слезами:

— Если ты, мать, склонишься передо мной до земли, то мне останется разве что спуститься под землю...

Царица прижала его голову к груди, отерла его слезы рукавом своего рубища и, воздев руки, зашептала:

— Пусть все боги... пусть дух отца и деда твоего даруют тебе свое покровительство и благословение... О Исида! Я никогда не скупилась на жертвы тебе, сегодня же приношу самую большую... отдаю тебе моего дорогого сына... Да станет этот царственный отпрыск безраздельно твоим сыном, и пусть его слава и могущество умножат твое божественное достоинство...

Фараон, обняв и несколько раз поцеловав царицу, усадил ее на нары, а сам сел на камень.

— Оставил ли мне отец какие-нибудь распоряжения? — спросил он.

— Он просил тебя только помнить о нем, а верховной коллегии сказал так: «Оставляю вам наследника, это лев и орел в одном лице, слушайте его, и он поднимет Египет до небывалого могущества...»

— Ты думаешь, жрецы будут мне послушны?

— Помни, — ответила мать, — эмблема фараона — змея, а змея — это благоразумие, которое долго молчит, но жалит всегда смертельно. Если ты возьмешь себе в союзники время, ты победишь.

— Херихор слишком дерзок! Сегодня он осмелился надеть на себя митру святого Аменхотепа. Разумеется, я приказал ему снять ее и отстраню его от управления. Его и несколько членов верховной коллегии.

Царица покачала головой:

— Ты владыка Египта, — сказала она, — и боги одарили тебя великой мудростью. Если бы не это, я бы очень опасалась ссоры с Херихором.

— Я не стану ссориться с ним... Я его прогоню...

— Ты владыка Египта, — повторила мать, — но остерегайся борьбы со жрецами. Правда, чрезмерная кротость твоего отца сделала их дерзкими. Не следует, однако, ожесточать их своей суровостью... К тому же подумай, кто тебе поможет советом?.. Они знают все, что было, есть и будет на земле и на небе; они читают сокровеннейшие мысли человека, и все сердца послушны им, как листья ветру. Без них ты не будешь знать, что творится не только в Тире и Ниневии, но даже в Мемфисе и Фивах.

— Я не отвергаю их мудрости, но требую, чтобы они служили мне, — ответил фараон. — Я знаю, что их мудрость велика, но за ними нужно следить, чтобы они не обманывали, и руководить ими, чтоб они не разрушали государства... Ты сама знаешь, матушка, что они сделали за тридцать лет с Египтом!.. Народ терпит нужду или бунтует, армия мала, казна пуста, а тем временем в нескольких месяцах пути от нас, как тесто на дрожжах, поднимается Ассирия и уже сейчас навязывает нам договоры!..

— Поступай как знаешь, но помни, что эмблема фараона — змея. А змея — это молчание и благоразумие.

— Ты права, матушка. Но, поверь мне, бывают случаи, когда необходима смелость. Теперь я уже знаю, что жрецы предполагали затянуть ливийскую войну на целые годы. Я закончил ее в три недели, и только потому, что каждый день делал какой-нибудь рискованный, но зато решительный шаг. Если бы я не бросился навстречу ливийцам в пустыне, что было, конечно, величайшим безрассудством, ливийцы оказались бы сейчас под Мемфисом...

— Я знаю и то, что ты преследовал Техенну и вас настиг тифон, — молвила царица. — Ах, безрассудный мой сын... Ты не подумал обо мне!..

Фараон улыбнулся.

— Будь покойна, — ответил он, — когда фараон воюет, то по левую и по правую его руку становится Амон. А кто с ним сравнится?..

Он еще раз обнял царицу и ушел.

Многолюдная свита фараона все еще находилась в зале, но как будто раскололась на две части: с одной стороны Херихор, Мефрес и несколько престарелых верховных жрецов. С другой — все военачальники, вельможи и большая часть младших жрецов. Орлиный взгляд фараона сразу уловил и отметил этот раскол среди сановников, и в душе молодого повелителя вспыхнула радость и гордость.

«Итак, не извлекая меча, я уже одержал победу», — подумал он.

Между тем военачальники и высшие сановники все дальше и решительнее отодвигались от Херихора и Мефреса. Никто не сомневался, что оба верховных жреца, до сих пор наиболее влиятельных в государстве, не пользуются милостью нового фараона.

Владыка прошел в трапезную, где прежде всего его внимание привлекло число прислуживающих жрецов и подаваемых блюд.

— Неужели я должен все это съесть? — спросил он, не скрывая удивления.

Жрец, наблюдавший за кухней, объяснил, что блюда, оставшиеся от трапезы его святейшества, приносят в жертву умершим членам династии.

Говоря это, он указал на ряд изваяний, расставленных вдоль трапезной. Владыка посмотрел на эти статуи, которые, судя по виду, ничего не ели, а потом на цветущие лица жрецов, которые, очевидно, съедали все, и потребовал себе пива и солдатского хлеба с чесноком.

Старший жрец остолбенел, однако передал приказ дальше.

Младший заколебался было, но повторил поручение отрокам и отроковицам. Отроки, казалось, не поверили своим ушам, но тотчас же разбежались по всему дворцу.

Через четверть часа они вернулись с испуганными лицами, шепча жрецам, что нигде нет солдатского хлеба и чеснока.

Фараон улыбнулся и распорядился, чтобы впредь на кухне всегда были простые блюда. Потом съел голубя, кусок рыбы, пшеничную булку и запил все вином.

Мысленно он признал, что блюда приготовлены отлично, а вино — превосходно, однако подумал и о том, что придворная кухня, наверно, поглощает колоссальные суммы.

Воскурив благовония в честь предков, повелитель направился в царский кабинет, чтобы выслушать доклады.

Первым выступил Херихор. Он поклонился фараону значительно ниже, чем когда приветствовал его в первый раз, и с глубоким волнением в голосе поздравил его с победой над ливийцами.

— Ты, повелитель, бросился на ливийцев, как тифон на жалкие шатры кочевников в пустыне. Ты выиграл большое сражение с весьма незначительными потерями и одним ударом благословенного богами меча закончил войну, которой мы, простые смертные, не предвидели конца.

Фараон почувствовал, что его неприязнь к Херихору начинает ослабевать.

— Поэтому, — продолжал Херихор, — верховная коллегия всеподданнейше просит тебя, владыка, назначить доблестным полкам награду в десять талантов. Сам же ты, пресветлый государь, разреши рядом с твоим именем писать: «Победоносный».

В расчете на молодость фараона Херихор хватил через край в своей лести, и это отрезвило Рамсеса.

— А какое же прозвище вы дадите мне, когда я сокрушу ассирийскую армию и наполню храмы богатствами Ниневии и Вавилона? — спросил он.

«Он не перестает мечтать об этом!..» — подумал про себя верховный жрец.

Фараон же, как бы в подтверждение его опасений, спросил: — Какова же численность нашей армии?

— Здесь, под Мемфисом?

— Нет, во всем Египте.

— У вашего святейшества было десять полков, — ответил верховный жрец. — У достойнейшего Нитагора на восточной границе — пятнадцать. Десять полков стоит на юге, потому что Нубия начинает волноваться... А пять размещены гарнизонами по всей стране.

— Всего, значит, сорок? — подсчитал фараон. — А сколько в них будет солдат?

— Около шестидесяти тысяч.

Фараон вскочил с кресла.

— Шестидесят вместо ста двадцати! — вскричал он. — Что это значит? Что вы сделали с моей армией?

— У нас нет средств на содержание большей...

— О боги! — воскликнул фараон, хватаясь за голову. — Да ведь через какой-нибудь месяц на нас нападут ассирийцы! А мы безоружены!

— С Ассирией у нас заключен предварительный договор, — заметил Херихор.

— Так может ответить женщина, а не военный министр. Какое значение имеет договор, за которым не стоит армия?.. Ведь царю Ассару достаточно половины его армии, чтобы раздавить нас!

— Не изволь беспокоиться, святейший государь. При первом же известии о предательстве ассирийцев у нас будет полмиллиона воинов...

Фараон расхохотался ему в лицо.

— Что? Откуда? В своем ли ты уме? Ты роешься у себя в папирусах, а я семь лет провел в армии, почти не пропуская дня, чтобы не быть на ученье или маневрах. Каким образом за несколько месяцев вы соберете полумиллионную армию?..

— Вся знать выступит...

— Какой прок в твоей знати?.. Знать — это не солдаты. Для полумиллионной армии нужно по крайней мере сто пятьдесят полков, а у нас, как вы сами говорите, их всего сорок... Как же эти люди, которые сейчас пасут скот, пахут землю, лепят горшки или пьют и бездельничают в своих поместьях, — как же они научатся военному делу? Египтяне — плохие солдаты. Я это хорошо знаю, потому что наблюдаю их каждый день. Ливиец, грек, хетт уже ребенком стреляет из лука и пращи и отлично владеет палицей; за один год он научается прекрасно маршировать. А египтянин и после трех лет обучения марширует кое-как. Правда, с мечом и копьем он осваивается за два года, но чтобы научиться попадать в цель, ему мало и четырех. Значит, в несколько месяцев вы соберете не армию, а полумиллионную орду, которую в одно мгновение разобьет другая орда — ассирийская, потому что, хотя у ассирийцев полки неважные и плохо обучены, ассирийский солдат умеет метать камни и стрелы, рубить и колоть, а главное — бросаться в бой, как дикий зверь, что совсем несвойственно мирному египтянину. Мы побеждаем неприятеля тем, что наши дисциплинированные и хорошо обученные полки бьют, как таран. Чтобы расстроить нашу колонну, надо истребить половину ее солдат. Но если нет колонн, то нет и египетской армии.

— Истину говоришь ты, государь, — ответил Херихор взволнованному фараону. — Только богам дано такое знание дела. Я тоже вижу, что силы Египта слабы и что для укрепления их потребуются многолетняя работа. Потому-то я и хочу заключить договор с Ассирией.

— Ведь вы его уже заключили.

— Временный. Саргон, узнав о болезни царя и опасаясь твоего святейшества, отложил окончательное подписание договора до твоего восшествия на трон.

Фараон опять пришел в ярость.

— Что? — вскричал он. — Так они действительно думают захватить Финикию? И надеются, что я подпишу позорный приговор своему царствованию? Злые духи обуяли всех вас!..

Аудиенция была окончена. Херихор на этот раз пал ниц. Возвращаясь от фараона, он рассуждал про себя:

«Фараон выслушал доклад — значит, он не отвергает моих услуг. Я сказал ему, что он должен подписать договор с Ассирией, следовательно, самое трудное дело сделано... Может быть, пока Саргон придет к нам снова... Но это лев... даже не лев... а разъяренный слон, этот юноша... А ведь его сделали фараоном только потому, что он — внук верховного жреца. Он еще не понимает, что те же руки, которые подняли его так высоко...»

В передней достойнейший Херихор остановился, о чем-то подумал и, вместо того чтоб пойти к себе, направился к царице Никотрисе.

В саду никого не было, только из рассеянных по нему павильонов доносились вопли. Это женщины умершего фараона оплакивали того, кто ушел на запад.

Скорбь их, казалось, была искренней.

После Херихора в кабинет нового повелителя вошел верховный судья.

— Что ты скажешь мне, достойнейший? — спросил Рамсес.

— Несколько дней назад близ Фив произошел необыкновенный случай, — ответил судья. — Какой-то крестьянин убил жену, троих детей и сам утопился в священном пруду.

— Сошел с ума?

— Очевидно, голод побудил его...

Фараон задумался.

— Странный случай, — сказал он. — А у меня к тебе другой вопрос. Какие преступления чаще всего наблюдаются в последнее время?

Верховный судья стоял в нерешительности.

— Говори смело, — сказал фараон, начиная терять терпение, — ничего не скрывай от меня. Я знаю, что Египет попал в трясину, и хочу его извлечь оттуда, а для этого мне нужно знать все источники зла...

— Чаще всего... наиболее обычные преступления — это бунты. Но бунтует только чернь... — поспешил прибавить судья.

— Я слушаю, — сказал фараон.

— В Косеме^[135], — продолжал судья, — взбунтовался полк каменщиков и каменотесов, которых вовремя не снабдили всем необходимым. В Сехеме крестьяне убили писца, собиравшего налоги. В Мелькатисе и Пи-Хебите^[136] опять-таки крестьяне разрушили дома финикиян-арендаторов. У Касы они отказались чинить канал, утверждая, что за эту работу им полагается плата от казны. Наконец, в порфириновых каменоломнях каторжники избili надсмотрщиков и хотели всей толпой бежать к морю.

— Твои сообщения для меня отнюдь не новость, — ответил фараон. — Но что ты думаешь об этом?

— Прежде всего надо наказать виновных... А я думаю, что прежде всего надо дать работнику то, что ему полагается, — сказал фараон. — Голодный вол ложится на землю, голодная лошадь шатается на ходу и падает. Так разве можно требовать, чтобы голодный человек работал и не жаловался, что ему плохо?

— Значит, ваше святейшество...

— Пентуэр создаст комиссию для расследования этих дел, — перебил фараон. — А пока я не хочу, чтоб наказывали виновных.

— Но тогда вспыхнет общий бунт! — воскликнул с ужасом судья.

Фараон, подперши голову руками, молчал и о чем-то думал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Пусть судьи делают свое дело, только... без жестокостей... А Пентуэр пусть сегодня же созывает комиссию... Право, — прибавил он немного погодя, — легче распорядиться на поле сражения, чем в том хаосе, какой водворился в Египте...

После ухода верховного судьи Рамсес позвал Тутмоса и приказал ему приветствовать от имени фараона войска, возвращающиеся от Содовых озер, и раздать двадцать талантов офицерам и солдатам. Затем фараон велел позвать Пентуэра, а до его прихода принял главного казначея.

— Мне хотелось бы знать, — сказал фараон, — каково состояние нашей казны.

— В данный момент, — ответил сановник, — у нас имеется приблизительно на двадцать тысяч талантов ценного имущества в житницах, скотных дворах, амбарах и сундуках. Кроме того, ежедневно поступают налоги.

— Ежедневно бывают и бунты, — прибавил фараон. — А каковы наши доходы и расходы? На армию мы тратим в год двадцать тысяч талантов. На двор фараона от двух до трех тысяч талантов в месяц.

— Неужели? А общественные работы?

— В настоящее время они выполняются бесплатно, — ответил главный казначей, опустив глаза.

— А доходы?..

— Сколько мы тратим, столько и получаем... — бормотал казначей.

— Значит, мы получаем сорок — пятьдесят тысяч талантов в год, — подытожил фараон. — А где остальное?..

— В залоге у финикиян, у некоторых ростовщиков, у торговцев, наконец — у святых жрецов...

— Хорошо, — сказал фараон. — Но ведь существует неприкосновенный фонд фараонов в золоте, платине, серебре и драгоценных камнях. Сколько он составляет?..

— Он нарушен уже десять лет тому назад и израсходован...

— На что?.. Для кого?..

— На нужды двора, — ответил казначей, — на подарки номархам, храмам...

— Двор ведь получал средства из текущих налогов, разве подарки могли истощить всю сокровищницу моего отца?

— Осирис-Рамсес, отец ваш, был щедрым государем и делал крупные пожертвования...

— Ну, например, какие?.. Я хочу, наконец, узнать... — продолжал с раздражением допытываться фараон.

— Точные счета находятся в архивах. Я помню только общие цифры...

— Говори...

— Например, храмам, — сказал нерешительно казначей, — за время своего счастливого царствования Осирис-Рамсес подарил около сотни городов, до ста двадцати кораблей, два миллиона голов скота и два миллиона мешков зерна, сто двадцать тысяч лошадей, восемьдесят тысяч рабов, пива и вина около двухсот тысяч бочек, миллиона три караваев хлеба, тысяч тридцать дорогих одеяний, тысяч триста кувшинов меду, оливкового масла и благовоний. Кроме того, тысячу талантов золота, три тысячи серебра, десять тысяч листов бронзы, пятьсот тысяч талантов темной бронзы, шесть миллионов венков, тысячу двести статуй богов и около трехсот тысяч драгоценных камней^[137]. Других цифр я сейчас не помню, но все это записано...

Фараон рассмеялся, вскинув кверху руку, но вдруг вспыхнул и, ударив кулаком по столу, воскликнул:

— Это неслыханное дело, чтобы кучка жрецов употребила столько пива, меда, венков и одежд, имея собственные доходы. Огромные доходы, в несколько сот раз превышающие потребности этих святых...

— Ваше святейшество изволили забыть, что жрецы поддерживают десятки тысяч бедняков, лечат больных и содержат около двадцати полков за счет храмов.

— На что им эти полки?.. Ведь фараоны пользуются ими только во время войны. Что касается больных, то почти каждый платит за себя или отработывает, что должен храму за лечение. А бедняки? Они работают на храмы — носят богам воду, принимают участие в торжественных процессиях, а главное — помогают творить чудеса. Ведь это им возвращают у врат храмов потерянный рассудок, зрение, слух, у них исцеляются руки и ноги, а народ, глядя на эти чудесные исцеления, тем усерднее молится и приносит богам тем более щедрые жертвы. Бедняки — это как бы волы и овцы храмов. Они приносят им чистую прибыль.

— Да ведь жрецы, — решил заметить казначей, — и не расходуют всех жертвоприношений, а копят их и увеличивают фонд.

— Для чего?

— На случай какой-нибудь внезапной нужды государства.

— А кто видел этот фонд?

— Я сам, — ответил сановник. — Сокровища, спрятанные в Лабиринте, не убывают, а множатся из поколения в поколение, чтобы в случае...

— Чтобы, — перебил фараон, — было что взять ассирийцам, когда они завоюют Египет, так чудно управляемый жрецами! Спасибо тебе, казначей, — прибавил он. — Я знал, что положение Египта очень скверно, но не предполагал, что государство разорено вконец. В стране бунты, армии нет, фараон в нужде... но зато сокровищница в Лабиринте обогащается из поколения в поколение!.. Если бы каждая династия, только династия, приносила храмам столько, сколько им подарил мой отец, в Лабиринте было бы уже девятнадцать тысяч талантов золота, около шестидесяти тысяч талантов серебра, а сколько зерна, скота, земли, рабов и городов, сколько одежд и драгоценных камней — этого не сосчитать самому лучшему счетоводу!..

Главный казначей ушел от повелителя удрученный. Но и фараон не был собой доволен. Подумав, он решил, что слишком откровенно разговаривал со своими сановниками.

3

Стража, дежурившая в приемной, доложила о приходе Пентуэра. Жрец пал ниц перед фараоном и спросил, нет ли у него каких-нибудь приказаний.

— Не приказывать я хочу, а просить тебя, — сказал фараон. — Ты знаешь, что в Египте бунты!.. Бунтуют крестьяне, рабочие и даже заключенные... Бунты от самого моря до рудников! Не хватает только, чтобы взбунтовались мои солдаты и объявили фараоном... ну, хотя бы Херихора...

— Да живешь ты вечно! — ответил жрец. — Нет в Египте человека, который бы не пожертвовал собой для тебя и не благословлял бы твоего имени.

— О, если бы знали, — проговорил с возмущением повелитель, — как нищ и бессилён фараон, каждый номарх объявил бы себя хозяином своего нома!.. Я думал, что, унаследовав двойную корону, я буду иметь кое-какое значение... Но уже в первый день убеждаюсь, что я — только тень прежних властителей Египта! Да и чем может быть фараон без денег, без армии, а главное — без верных слуг?.. Я — как статуя богов, перед которой курят фимиам и совершают жертвоприношения. Но статуи бессильны, а от жертвоприношений жиреют жрецы... Впрочем, что ж это я? Ведь ты на их стороне!..

— Мне очень больно, — ответил Пентуэр, — что ты, государь, так говоришь в первый день своего царствования. Если бы слух об этом разошелся по Египту...

— Кому же я могу сказать о том, что меня мучит? — перебил его фараон. — Ты — мой советник, ты спас мне или, во всяком случае, хотел спасти мне жизнь. И, конечно, не для того, чтоб разглашать то, что творится в сердце фараона, которое я раскрываю перед тобой. Но ты прав...

Фараон прошелся по комнате и после небольшой паузы проговорил значительно более спокойным тоном:

— Я поручил тебе учредить комиссию, которая должна расследовать причины непрекращающихся бунтов в моем государстве. Я хочу, чтобы наказывали только виновных и относились справедливо к несчастным.

— Да поддержит тебя бог своею милостью, — прошептал жрец. — Я исполню, государь, что ты велишь. Но причины бунтов известны мне и без расследования.

— Так объясни мне их!

— Я не раз говорил об этом. Трудящийся народ голоден, работает сверх сил и платит чрезмерные налоги. Кто раньше трудился с восхода солнца до заката, сейчас должен начинать работу за час до восхода и кончать на час позже заката. Не так давно простой человек мог каждые десять дней навещать могилы родителей, беседовать с их тенями и приносить им жертвенные дары, а сейчас ни у кого нет времени. Прежде крестьянин съедал по три пшеничные лепешки в день, а сейчас у него не всегда хватает на одну ячменную. Прежде работа на каналах, плотинах и дорогах засчитывалась как налог, — сейчас налоги приходится платить само собой, а общественные работы исполнять даром. Вот причины бунтов.

— Я — самый бедный представитель знати в государстве! — воскликнул фараон, хватаясь за голову. — Любой крестьянин дает своей скотине нужный ей корм и отдых, а мой скот всегда голоден и изнурен! Скажи, что же мне делать?..

— Ты приказываешь, господин, чтобы я сказал?

— Прошу... Приказываю... Как хочешь... Только говори.

— Да будет благословенно твое правление, истинный сын Осириса, — ответил жрец. — А делать следует вот что: прежде всего повели, государь, чтобы за общественные работы платили, как это было раньше.

— Разумеется...

— Затем распорядись, чтобы земледельческие работы длились только от восхода до заката солнца; чтобы народ отдыхал каждый седьмой день, — не десятый, а седьмой, как было во времена божественных династий. Потом еще прикажи, чтобы господа не имели права закладывать крестьян, а писцы бить их и мучить по своему произволу. И, наконец, дай... десятую или хотя бы двадцатую часть земли крестьянам в собственность, чтобы никто не мог отнять ее или отдать в залог. Если у крестьянской семьи будет хотя бы такой кусок земли, как пол в этой комнате, она уже не будет голодать. Дай, господин, в собственность крестьянам пустынные пески, и за несколько лет там вырастут сады...

— Ты хорошо говоришь, — заметил фараон, — но говоришь то, что подсказывает тебе сердце, а не жизнь. Человеческие помыслы, даже самые благие, не всегда совпадают с естественным ходом событий.

— Ваше святейшество, я уже наблюдал такие опыты и их результаты, — ответил Пентуэр. — При некоторых храмах проделывают всякие эксперименты: там лечат больных, обучают детей, разводят лучшие породы скота и сорта растений,

наконец, исправляют людские нравы. И вот что получалось: когда ленивому, отощавшему крестьянину давали хорошую еду и отдых каждые семь дней, человек этот становился здоровым и трудолюбивым и вспахивал больше земли, чем прежде. Наемный рабочий веселее и работает лучше, чем раб, сколько ни бей его железным прутом. У сытых рождается больше детей, чем у голодных и перегруженных работой; потомство людей свободных — здоровое и сильное, а потомство рабов — хилое, угрюмое и склонно к воровству и лжи.

Признано наконец, что земля, которую обрабатывает сам владелец, дает зерна и овощей в полтора раза больше, чем та, которую вспахивает раб. И вот еще любопытное явление: когда люди работают в поле под звуки песни и музыки, то не только они, но и скот, на котором они пашут, меньше устает! Все это подтвердилось во владениях наших храмов.

Фараон улыбнулся.

— Надо бы и мне завести музыку на своих хуторах и рудниках, — сказал он. — Но если жрецы убедились в таких чудесах, как ты мне рассказал, почему они не поступают так с крестьянами в своих поместьях?

Пентуэр опустил голову.

— Потому что, — ответил он, вздохнув, — не все жрецы мудры и не все благородны сердцем...

— Вот то-то же! — воскликнул фараон. — А теперь скажи мне ты, Пентуэр, сын крестьянина, почему, зная, что среди жрецов есть негодяи и глупцы, ты не хочешь служить мне в борьбе против них?.. Ведь ты же понимаешь, что я не улучшу жизни крестьян, если раньше не научу жрецов повиноваться моей воле?

Пентуэр стиснул руки.

— Государь, — ответил он, — грешно и опасно бороться с жрецами!.. Не один фараон начинал такую борьбу и... не мог довести ее до конца.

— Потому что их не поддерживали такие люди, как ты!.. — воскликнул фараон. — И в самом деле, я никогда не пойму, почему умные и честные жрецы терпят рядом с собой банду бездельников, какую представляет большинство этого сословия?..

Пентуэр покачал головой.

— Тридцать тысяч лет, — начал он наконец, — святая жреческая каста печется о судьбе Египта и сделала его таким, каков он ныне, — государством, которому дивится весь мир. Чем же объяснить, что, несмотря на пороки этой касты, ей удалось достигнуть этого?.. А тем, что жрец — это светильник, в котором горит свет мудрости. Светильник может быть грязным и даже зловонным, но он хранит в себе божественный огонь, без которого среди людей царили бы мрак и невежество.

Ты говоришь, государь, о борьбе с жречеством, — продолжал Пентуэр. — Чем может она кончиться для меня?.. Если ты проиграешь — я буду несчастен, потому

что ты не улучшишь жизни крестьян. А если ты выиграешь? О, я не хотел бы дожить до этого!.. Ибо, если ты разобьешь светильник, кто знает, не погасишь ли ты и тот свет мудрости, который тысячи лет горит над Египтом и над всем миром. Вот, господин мой, почему я не хочу вмешиваться в твою борьбу со святой жреческой кастой. Я чувствую, что эта борьба приближается и страдаю от того, что — ничтожный червь — не могу ее предупредить. Но вмешиваться в нее я не стану, потому что мне пришлось бы изменить или тебе, или богу — творцу мудрости...

Фараон, слушая Пентуэра, задумчиво шагал по комнате.

— Гм! — произнес он без гнева. — Поступай как хочешь. Ты не солдат, и я не могу упрекать тебя в недостатке смелости... Ты не можешь быть мне советником... Прошу тебя все же заняться расследованием крестьянских бунтов, и, когда я призову тебя, ты скажешь мне, что повелит тебе мудрость.

Прощаясь с фараоном, Пентуэр преклонил колени.

— Во всяком случае, — прибавил фараон, — знай, что я не хочу гасить божественный свет. Пусть жрецы лелеют мудрость в своих храмах, но пусть они не разваливают мне армию, не заключают позорных договоров и... — продолжал он уже с жаром, — пусть не обкрадывают царских сокровищниц. Уж не думают ли они, что я буду стоять как нищий, у их ворот, чтобы они дали мне средства на поддержание государства, разоренного их нелепым и негодным правлением?.. Ха-ха!.. Пентуэр, я и богов не стану просить о том, что является моим правом и моей силой... Можешь идти...

Жрец вышел, пятясь назад и отвешивая поклоны, а в дверях припал лицом к земле.

Фараон остался один.

«Люди, — размышлял он, — что дети. Ведь Херихор умен. Он знает, что Египту на случай войны потребуется полмиллиона солдат, знает, что этих солдат нужно обучить, и тем не менее сократил число и состав полков. Главный казначей тоже не глуп, но ему кажется вполне естественным, что все сокровища фараонов перекочевали в Лабиринт! Наконец, Пентуэр. Вот странный человек!.. Он хочет, чтобы крестьяне хорошо питались, владели землей и достаточно отдыхали... Хорошо... но ведь это только уменьшит мои доходы, которые и так уже слишком ничтожны. А если я ему скажу: „Помоги мне отнять у жрецов царские сокровища...“ — он назовет меня безбожником, гасителем света в Египте!.. Чудак!.. Готов всю страну перевернуть, когда речь идет о благе крестьян, но ни за что не решится взять за шиворот верховного жреца и бросить в тюрьму. Он совершенно спокойно требует, чтобы я отказался от доброй половины моих доходов, но, я уверен, не посмеет вынести медного дебена из Лабиринта».

Рамсес улыбался, продолжая рассуждать:

«Все хотят быть счастливыми. Но только попытаешься сделать что-либо для общего счастья, как тебя хватают за руку, словно человек, которому рвут большой

зуб... Поэтому повелитель должен быть решительным. И мой божественный отец был неправ, оставляя в пренебрежении крестьян и безгранично доверяя жрецам... Он оставил мне тяжелое наследие... Но я все-таки справлюсь. У Содовых озер было тоже нелегко... Труднее, чем здесь. Тут все только болтуны и трусы, а там были люди с оружием в руках, готовые идти на смерть. Одна битва открывает нам то, чего мы не узнаем за десять лет спокойного правления... Тот, кто скажет себе: „Преодолею препятствие!“ — преодолет его. Но кто остановится в нерешительности, тому придется отступить».

Смеркалось. Во дворце сменился караул, в отдаленных залах зажгли факелы.

Только в покои властителя никто не смел войти без зова.

Фараон, утомленный бессонной ночью, путешествием и делами, опустился в кресло. Ему казалось, что он царствует уже сотни лет, и трудно было поверить, что нет еще и суток с тех пор, как он был под пирамидами.

«Сутки!.. Не может быть!..»

Потом ему пришло в голову, что в груди наследника престола обитают души прежних фараонов. Наверно, так, иначе откуда в нем это чувство чего-то знакомого, что уже было когда-то. И почему сегодня управление государством кажется ему таким простым, тогда как еще месяца два назад он боялся, что не справится.

«Прошел только один день! А мне кажется, что я здесь уже тысячи лет!»

Вдруг он услышал глухой голос:

— Сын мой!.. Сын мой!..

Фараон вскочил с кресла.

— Кто здесь? — воскликнул он.

— Это я!.. Неужели ты забыл меня?..

Фараон не мог понять, откуда доносится голос — сверху, снизу, или, может быть, от большой статуи Осириса, стоящей в углу.

— Сын мой! — снова раздался голос. — Чти волю богов, если хочешь получить их благословение... О, чти богов, ибо без их помощи высшее могущество на земле — прах и тень... О, чти богов, если хочешь, чтобы горечь твоих ошибок не отравила моего пребывания в блаженной стране Заката!..

Голос смолк. Фараон приказал принести свет. Одна дверь комнаты была заперта, у другой стоял караул. Никто посторонний не мог сюда войти.

Гнев и тревога терзали сердце фараона. Что же это было? Неужели в самом деле с ним говорила тень его отца? Или этот голос — новый обман жрецов? Но если жрецы могут говорить с ним на расстоянии, несмотря на толстые стены, то, следовательно, они могут и подслушивать, а тогда, значит, повелитель мира — дикий зверь, попавший в облаву.

Правда, в царском дворце подслушивание было обычным делом. Но фараон надеялся, что по крайней мере в своем кабинете он может не бояться этого и что дерзость жрецов не переступит его порога.

А что, если это дух?

Фараон не стал ужинать и лег спать. Он думал, что не заснет, но усталость взяла верх над возбуждением.

Через несколько часов его разбудил звон колокольчиков и свет. Была полночь, и жрец-астролог пришел с докладом о расположении небесных светил. Фараон выслушал доклад.

— Не можешь ли ты, почтенный пророк, с завтрашнего дня делать свои донесения достойному Сэму? Он — мой заместитель в делах, касающихся религии...

Жрец-астролог очень удивился равнодушию фараона к делам небесным.

— Ваше святейшество пренебрегает указаниями, которые дают повелителям звезды?..

— Дают? — повторил фараон. — Что же сулят мне звезды?

Астролог, по-видимому, только и ждал этого вопроса, ибо ответил, не задумываясь:

— Горизонт временно затемнен. Повелитель мира не ступил еще на путь истины, ведущей к познанию воли богов. Но рано или поздно он найдет его, а вместе с ним долгую счастливую жизнь и царствование, исполненное славы...

— Вот как!.. Спасибо тебе, святой муж. Теперь я уже знаю, к чему я должен стремиться, и постараюсь следовать указаниям. А тебя еще раз прошу отныне обращаться к достойнейшему Сэму. Он — мой заместитель, и, если когда-нибудь ты прочтешь на звездном небе что-либо поучительное, он мне расскажет об этом утром.

Жрец покинул опочивальню фараона, качая головой.

— Перебили мне сон, — с досадой сказал Рамсес.

— Высокопочтимейшая царица Никотриса, — доложил неожиданно адъютант, — час назад приказала мне просить у тебя свидания.

— Сейчас? В полночь? — удивился фараон.

— Она сказала, что как раз в полночь ты проснешься.

Фараон подумал и ответил адъютанту, что будет ожидать царицу в золотом зале. Он полагал, что там никто не подслушает их разговора.

Он накинул на себя плащ, надел, не завязав, сандалии и велел ярко осветить зал. Потом вышел, приказав слугам не провожать его.

Мать он застал уже в зале в траурной одежде из грубого холста. Увидав фараона, царица хотела пасть на колени, но сын поднял ее и обнял.

— Разве случилось что-нибудь очень важное, матушка, что ты утруждаешь себя в такой час? — спросил он.

— Я не спала... молилась, — ответила она. — О, сын мой! Твоя мудрость подсказала тебе, что дело важное. Я слышала божественный голос твоего отца...

— В самом деле?.. — проговорил фараон, чувствуя, что в нем закипает ярость.

— Вечно живущий отец твой говорил мне с глубокой скорбью, что ты вступил на неверный путь. Ты отказываешься от посвящения в верховные жрецы и оскорбляешь слуг божьих... «Кто же останется с Рамсесом, — говорил твой божественный родитель, — если он вооружит против себя богов и если жрецы его покинут? Скажи... скажи ему, что он погубит Египет, себя и династию».

— Ото! Так вот чем они мне угрожают! — воскликнул фараон. — В первый же день царствования!.. Собака громче всего лает, когда сама боится. Матушка! Эти угрозы — плохое предзнаменование, но не для меня, а для жрецов!..

— Но ведь это говорил твой отец, — повторила с сокрушением мать.

— Вечно живущий мой отец, — ответил фараон, — и святой дед Аменхотеп, как чистые духи, знают мое сердце и видят плачевное состояние Египта. А так как я стремлюсь укрепить благосостояние страны, прекратив злоупотребления, то они не захотят помешать мне.

— Так ты не веришь, что дух отца дает тебе советы? — спросила мать, с ужасом взирая на сына.

— Не знаю, но у меня есть основания предполагать, что голоса духов, раздающиеся в разных углах нашего дворца — какой-то фокус жрецов. Только жрецы могут бояться меня, но никак не боги и духи... Это не духи пугают нас, матушка.

Царица задумалась, слова сына явно произвели на нее впечатление. Она видела немало чудес в своей жизни, и некоторые ей самой казались подозрительными.

— В таком случае, мой сын, — сказала она, — ты неосторожен. Сегодня после полудня у меня был Херихор. Он очень недоволен свиданием с тобой. Он говорил, что ты хочешь отстранить жрецов от двора.

— А на что они мне? Разве для того, чтобы увеличивать расходы на мою кухню и погреб... Или для того, чтобы они подслушивали, что я говорю, и подсматривали, что я делаю?

— Вся страна возмутится, если жрецы объявят, что ты безбожник, — настаивала царица-мать.

— Страна уже волнуется... Но по вине жрецов, — ответил фараон. — Да и о благочестии египетского народа я начинаю составлять себе другое мнение. Если бы ты знала, матушка, сколько в Нижнем Египте ведется дел об оскорблении

богов, а в Верхнем об ограблении умерших, ты бы убедилась, что для нашего народа дело жрецов уже перестало быть святым.

— Это влияние иноземцев, заполонивших Египет! — воскликнула царица. — Особенно финикиян...

— Не все ли равно, чье это влияние. Достаточно, что Египет уже не считает ни статуи, ни жрецов существами сверхъестественными... А если б ты, матушка, послушала, что говорит знать, офицеры, солдаты, ты бы поняла, что пришло время поставить власть фараона над властью жрецов, чтобы не рушился всякий порядок в этой стране.

— Ты владыка Египта, — вздохнула царица, — и мудрость твоя велика. Поступай же как знаешь... Но действуй осторожно... О, осторожно!.. Скорпион, даже раздавленный, может ужалить опрометчивого победителя.

Мать и сын обнялись, и фараон вернулся в свою опочивальню. Но теперь он уже не мог заснуть. Он ясно видел, что между ним и жрецами началась борьба или, вернее, нечто отвратительное, что не заслуживает даже названия борьбы и с чем, он, полководец, не знал еще, как справиться.

Где тут враг? Против кого должна выступать его верная армия? Против жрецов, которые падают перед ним ниц? Или против звезд, которые говорят, что фараон еще не вступил на путь истины. С кем и с чем тут бороться?

Может быть, с этими голосами духов, раздающимися в сумерки? Или с родной матерью, которая в ужасе молит его, чтобы он не прогонял жрецов...

Фараон метался на своем ложе, чувствуя полную беспомощность. Но вдруг у него мелькнула мысль:

«Какое мне дело до врага, который подобен грязи, что расползается между пальцами?.. Пусть грозят мне в пустых залах, пусть сердятся на мое неверие... Я буду повелевать, и кто посмеет не исполнять моих повелений, тот мой враг и против того я обращаю полицию, суд и армию».

4

Итак, фараон Мери-Амон-Рамсес XII, повелитель обоих миров, владыка вечности, дарующий жизнь и всяческую радость, скончался в месяце атир после тридцати четырех лет благополучного царствования.

Он умер, ибо почувствовал, что тело его становится слабым и нежизнеспособным. Умер, ибо затосковал по вечной родине и пожелал передать земную власть в более молодые руки. Наконец, потому, что он так хотел, такова была его воля. Божественный дух его отлетел, как ястреб, который, покружив над землей, исчезает в лазурном просторе.

Как жизнь его была лишь временным пребыванием бессмертного существа в этом бренном мире, так его смерть явилась лишь одним из моментов его божественного бытия.

В последний день своей земной жизни фараон проснулся с восходом солнца и, поддерживаемый двумя пророками, окруженный хором жрецов, направился к часовне Осириса. Там, как всегда, воскресил божество, омыл его и одел, совершил жертвоприношение и воздел руки для молитвы.

В это время жрецы пели.

Хор первый. «Хвала тебе, возносящийся над горизонтом и обегаящий небо...»

Хор второй. «Чудесный путь твой — залог благополучия тех, на чей лик падут твои лучи...»

Хор первый. «Мог ли бы я, о солнце, шествовать, как ты, не останавливаясь!..»

Хор второй. «Великий путник бесконечного пространства, над которым нет господина и для которого сотни миллионов лет — одно мгновение...»

Хор первый. «Ты заходишь, но продолжаешь существовать. Ты множишь часы, дни и ночи, сам же ты вечен и творишь для себя законы...»

Хор второй. «Ты озаряешь землю своими руками, отдавая в жертву самого себя, когда в облике Ра восходишь на горизонте...»

Хор первый. «О светоч, восходящий на горизонте, великий своей лучезарностью, — ты сам творишь свои формы...»

Хор второй. «И, никем не рожденный, сам рождаешь себя на горизонте...»

После этого раздался голос фараона:

— «О лучезарный на небе! Дозволь мне войти в вечность, соединиться с великими и совершенными тенями высшего мира и вместе с ними созерцать твой свет утром и вечером, когда ты соединишься со своей матерью Нут[138]. И когда-ты обратишь свой лик на запад, пусть мои руки вознесутся для молитвы во славу засыпающей за горами жизни...»[139]

Так, воздев к небу руки, говорил фараон, окруженный облаком фимиама. И вдруг умолк и откинулся назад, стоявшие за ним жрецы подхватили его.

Он был уже мертв.

Весть о смерти фараона молнией облетела дворец. Слуги бросили свою работу, надсмотрщики перестали наблюдать за рабами. Вызвали гвардию, поставили караулы у всех входов. На главном дворе стала собираться толпа поваров, кладовщиков, конюхов, женщин фараона и детей. Одни спрашивали: правда ли это? Другие удивлялись, что солнце светит на небе. И все громко зывали:

— «О господин!.. О наш отец!.. О любимый!.. Может ли быть, что ты уже уходишь от нас!.. О да, он идет в Абидос[140]... На Запад!.. На Запад! В землю правоверных. Место, которое ты возлюбил, стонет и плачет по тебе!..».[141]

Ужасные вопли раздавались по всем дворам, по всему парку. Они докатились до восточных гор, на крыльях ветра перелетели через Нил и посеяли тревогу в Мемфисе.

Между тем жрецы с молитвами усадили тело умершего в богатые крытые носилки. Восемь человек взялись за шесты, четверо держали опахала из страусовых перьев, у остальных были в руках кадила.

Тогда прибежала царица Никотриса и, увидев тело уже на носилках, бросилась к ногам умершего.

— «О муж мой!.. О брат мой!.. О возлюбленный мой!.. — кричала она, заливаясь слезами. — О возлюбленный, останься с нами, останься в своем доме! Не покидай того места на земле, где ты пребываешь!..»

— «С миром, с миром, на Запад!.. — пели жрецы. — О великий владыка! Иди с миром на Запад!..»

— «Увы! — продолжала рыдать царица. — Ты спешишь к переправе, чтобы переплыть на другой берег! О жрецы, о пророки, не спешите, оставьте его!.. Ведь вы вернетесь домой, а он уйдет в страну вечности».

— «С миром, с миром, на Запад! — пел хор жрецов. — Если будет угодно богу, мы снова увидим тебя, повелитель, когда наступит день вечности! Ибо идешь ты в страну, объединяющую всех людей...»[142]

По знаку, данному достойным Херихором, прислужницы оторвали госпожу от ног фараона и насильно увели в ее покои.

Носилки, несомые жрецами, тронулись, и в них повелитель, одетый, как при жизни. Справа и слева, перед ним и за ним шли военачальники, казначеи, судьи и верховные писцы, оруженосец с секирой и луком и, наконец, жрецы всех ступеней.

Во дворе прислуга, вопя и рыдая, пала ниц, а солдаты взяли на караул; зазвучали трубы, словно приветствуя живого царя.

И действительно, царь, как живой, сидел в носилках, несомых к переправе. Когда же достигли берега Нила, жрецы поставили носилки на золоченую барку под пурпурным балдахином, как и при жизни фараона.

Здесь носилки засыпали цветами. Против них поставили статую Анубиса[143], и царское судно направилось к противоположному берегу Нила, провожаемое плачем прислуги и придворных женщин.

В двух часах пути от дворца, за Нилом, за каналом, за плодородными полями и рощами пальм, между Мемфисом и «плоскогорьем мумий», расположился своеобразный город. Все его строения были посвящены мертвым и заселены лишь колхитами[144] и парасхитами, бальзамировавшими трупы.

Город этот был как бы преддверием настоящего кладбища, мостом, соединявшим мир живых с местом вечного покоя. Сюда доставляли покойников и делали из них мумии. Здесь готовили священные свитки и опояски, гробы, утварь, сосуды и статуи для умерших.

Отдаленный от Мемфиса на значительное расстояние, город был окружен длинной стеной с несколькими воротами. Процессия, сопровождавшая тело фараона, остановилась перед воротами, которые поражали своим величием. Один из жрецов постучался.

— Кто там? — спросили изнутри.

— Осирис-Мери-Амон-Рамсес, повелитель обоих миров, прибыл к вам и требует, чтобы вы приготовили его к вечному странствию, — ответил жрец.

— Может ли быть, чтобы погасло солнце Египта?..

— Такова была его воля, — отвечал жрец. — Примите же повелителя с должными почестями, окажите ему все услуги, как подобает, чтобы не постигла вас кара в земной и грядущей жизни.

— Все сделаем по вашему слову, — произнес голос изнутри.

Тогда жрецы оставили носилки у ворот и поспешно удалились, чтобы не повеяло на них нечистым дыханием скопившихся в этом месте трупов. Остались только сановники с верховным судьей и казначеем во главе.

После долгого ожидания ворота открылись, и из них вышло десятка полтора людей в жреческих одеяниях и закрытых капюшонах.

При виде их судья сказал:

— Отдаем вам тело господина нашего и вашего. Сделайте с ним все, что повелевает религия, не забудьте ничего, чтобы великий покойник по вашей вине не испытывал неудобств на том свете.

Казначей же прибавил:

— Не жалейте золота, серебра, малахита, яшмы, изумрудов, бирюзы и редчайших благовоний для нашего владыки, чтобы у него ни в чем не было недостатка и все было самого лучшего качества. Это говорю вам я, казначей. Если же найдется негодяй, который захотел бы подменить благородные металлы жалкими подделками, а драгоценные камни — финикийским стеклом, пусть помнит, что у него будут отсечены руки и выколоты глаза.

— Будет так, как вы требуете, — ответил один из жрецов с закрытым лицом.

Остальные подняли носилки и вошли с ними внутрь «города мертвых». Они пели:

— «Ты идешь с миром в Абидос. Да достигнешь ты с миром фиванского Запада... На Запад! На Запад!.. В страну праведных!..»

Ворота закрылись. Верховный судья, казначей и сопровождавшие их сановники повернули назад к переправе, чтобы возвратиться во дворец.

Жрецы в капюшонах отнесли носилки в огромное здание, в котором бальзамировались только тела царей и высших сановников, пользовавшихся исключительной милостью фараона. Они остановились при входе, где стояла золотая ладья на колесах, и стали снимать покойника с носилок.

— Поглядите-ка!.. — воскликнул один из тех, что были в капюшонах. — Ну, не разбойники ли это?.. Фараон умер в часовне Осириса и, значит, должен был быть в парадном наряде, а тут — нате-ка! Вместо золотых запястий — медные, цепь — тоже медная, а в перстнях — поддельные камни...

— Верно, — подтвердил второй. — Любопытно, кто это его так обрядил: жрецы или чиновники?

— Наверняка жрецы... Чтоб у вас руки отсохли, негодяи! Вор на воре, а еще смеют нас учить, чтоб мы давали покойнику все лучшего качества.

— Это не они требовали, а казначей.

— Все они хороши...

Так, обмениваясь замечаниями, бальзамировщики сняли с покойника царские одежды, надели на него тканый золотом халат и перенесли тело в ладью.

— Теперь, благодарение богам, у нас новый фараон, — сказал один из тех, что были в капюшонах. — Этот наведет порядки среди жрецов. Они за все заплатят сторицей.

— Ого!.. Говорят, это будет строгий владыка! — добавил другой. — Дружит с финикийцами, с Пентуэром, хотя тот не родовитый жрец, а из таких же бедняков, как мы с вами... А солдаты, как слышно, готовы за него в огонь и в воду...

— И только на днях наголову разбил ливийцев.

— А где он сейчас, этот новый фараон? — спросил кто-то. — В пустыне? Как бы с ним не случилось несчастья, прежде чем он вернется в Мемфис.

— Кто ему что сделает, когда войско за него! Не дожидаться мне честных похорон, если молодой наш государь не вытопчет жрецов, как буйвол пшеницу!

— Ну и дурак же ты! — выругался молчавший до сих пор парасхит. — Разве фараону осилить жрецов!

— А почему бы и нет?

— А ты слышал когда-нибудь, чтобы лев разодрал пирамиду?

— Тоже сказал!

— Или буйвол поднял ее на рога?

— Разумеется, нет!

— Может, вихрь ее развеет?

— Да что ты пристал со своими вопросами!

— Вот я тебе и говорю, что скорее лев, буйвол или вихрь свалят пирамиду, нежели фараон одолеет жрецов... будь он лев, буйвол и вихрь в одном лице!..

Тут сверху кто-то позвал:

— Эй вы там, готов покойник?

— Готов, готов, только у него челюсть отвалилась, — ответили из сеней.

— Неважно! Давайте его сюда! Исиде некогда, ей через час в город идти.

Золотая ладья с покойником была немедленно поднята на канате вверх, на внутреннюю галерею.

Из первой комнаты вход вел в большой зал со стенами, выкрашенными в голубой цвет и усеянными желтыми звездами. Во всю длину зала, вдоль одной из стен тянулась галерея, изогнутая в виде дуги; концы ее находились на уровне первого этажа, а середина была на пол-этажа выше. Зал должен был изображать собой небесный свод, галерея — путь солнца на небе, умерший же фараон представлял Осириса, или солнце, движущееся с востока на запад. Внизу стояла кучка жрецов и жриц, которые в ожидании торжества разговаривали о своих делах.

— Готово!.. — крикнули с галереи.

Разговоры прекратились.

Наверху раздался троекратный звон бронзовой доски, и на галерее показалась золоченая ладья солнца, в которой плыл покойник.

Внизу зазвучал гимн в честь солнца:

— «Вот он является в облаке, чтобы отделить небо от земли, а затем соединить их... Постоянно находясь в каждой вещи, он — единственный из живущих, в котором нашли бессмертное воплощение различные предметы».

Ладья медленно подвигалась к середине дуги и, наконец, остановилась на самом верху.

В это время на нижнем конце дуги появилась жрица, одетая богиней Исидой, с сыном Гором, и так же медленно стала подниматься вверх. Это был образ луны, движущейся за солнцем. Ладья Осириса-фараона с вершины дуги стала спускаться к западу.

Внизу опять послышался хор:

— «Бог, воплощенный во всех предметах, дух Шу^[145], живущий во всех богах. Он есть плоть живого человека, творец дерева, несущего плоды, он — виновник оплодотворяющих землю разливов, без него ничто не живет на земле».^[146]

Ладья опустилась на западном конце галереи. Исида с Гором остановилась на вершине дуги. К ладье подбежала группа жрецов, и тело фараона извлекли и положили на мраморный стол, словно Осириса для отдыха после дневных трудов.

К покойнику подошел парасхит, одетый богом Тифоном. На голове у него были чудовищная маска и рыжий косматый парик, на спине кабанья шкура, а в руке — каменный эфиопский нож.

Этим ножом он стал быстро срезать у покойника подошвы.

— Что делаешь ты со спящим, брат Тифон? — спросила его с галереи Исида.

— Очищаю ноги брата моего Осириса, чтобы он не грязнил неба земным прахом, — ответил парасхит, одетый Тифоном.

Отрезав подошвы, парасхит взял в руки изогнутую проволоку, погрузил ее в нос покойника и стал извлекать мозг. Затем вспорол ему живот и через отверстие быстро вынул внутренности, сердце и легкие.

Тем временем помощники Тифона принесли четыре большие урны, украшенные головами богов Хапе, Эмсета, Дуамутфа, Кебхеснеуфа[147], и в каждую из этих урн положили какой-нибудь из внутренних органов умершего.

— А теперь что ты там делаешь, брат Тифон? — спросила во второй раз Исида.

— Очищаю брата моего Осириса от всего земного, чтобы придать ему высшую красоту, — ответил парасхит.

Рядом с мраморным столом находился бассейн с водой, насыщенной содой. Парасхиты, очистив труп, опустили его в бассейн, в котором он должен был мокнуть семьдесят дней. Между тем Исида, пройдя всю галерею, спустилась в зал, где парасхит только что вскрыл и очистил тело фараона. Она взглянула на мраморный стол и, видя, что он пуст, спросила в испуге:

— Где мой брат? Где мой божественный супруг?..

В этот момент грянул гром, зазвучали трубы и бронзовые доски. Парасхит, одетый Тифоном, захохотав, воскликнул:

— Прекрасная Исида, ты, которая вместе со звездами делаешь ночи радостными! Нет больше твоего супруга! Никогда больше лучезарный Осирис не воссядет на золоченую ладью, никогда больше солнце не покажется на небосводе. Я это сделал, — я, Сет, я спрятал его так глубоко, что не найдет его ни один из богов, ни даже все вместе!..

При этих словах богиня, разодрав одежды, стала рыдать и рвать на себе волосы. Снова загремели трубы, громы и бронзовые доски, среди жрецов и жриц поднялся ропот, и вдруг все набросились на Тифона с криком:

— Проклятый дух тьмы, вздымающий вихри пустыни, волнующий море, затмевающий свет дневной!.. О, провались в бездну, из которой сам отец богов не сможет тебя извлечь! Проклятый! Проклятый Сет!.. Пусть имя твое будет ненавистно людям!

Все стали колотить Тифона кулаками и дубинками, а рыжеволосый бог бросился удирать и наконец выбежал из зала.

Три новых удара по бронзовой доске, и церемония окончилась.

— Ну, довольно! — крикнул старший жрец на парасхитов, которые стали драться уже не на шутку. Ты, Исида, можешь отправляться в город, а остальные беритесь за других покойников; они уже давно ждут вас... Вы напрасно пренебрегаете простыми смертными, потому что еще неизвестно, как нам за этого заплатят...

— Разумеется, не много! — откликнулся бальзамирщик. — Говорят, казна пуста, а финикияне грозят прекратить займы, если им не дадут новых привилегий.

— Нет на них погибели, на ваших финикиян! Они нас заграбастали в свои руки, того и гляди, придется просить у них на ячменную лепешку.

— Однако если они не дадут на погребение фараона, мы тоже ничего не получим.

Постепенно разговоры утихли, и все покинули голубой зал. Только у бассейна, где мокли останки фараона, стояла стража.

На фоне этого торжества, воссоздающего легенду об убиении Осириса (солнца) Тифоном (богом ночи и преступлений), происходил ритуал вскрытия и очистки тела фараона и подготовка его к бальзамиранию.

Семьдесят дней лежал покойник в насыщенной содой воде, очевидно в память того, что злой Тифон утопил брата в Содовых озерах. И все эти дни, утром и вечером, жрица, переодетая Исидой, приходила в голубой зал, рыдала и рвала на себе волосы, спрашивая присутствующих, не видал ли кто ее божественного супруга и брата.

По истечении этого срока траура в зале появился Гор, сын и наследник Осириса, со своей свитой.

— Не поискать ли здесь труп моего отца и брата? — спросил Гор.

При громких и радостных возгласах жрецов, под звуки музыки тело фараона извлекли из укрепляющей ванны.

Затем тело было вложено в каменную трубу, сквозь которую в течение нескольких дней пропускался горячий воздух, и после сушки было отдано бальзамирщикам.

Теперь начались наиболее важные церемонии, которые совершали над покойником высшие жрецы «города мертвых».

Тело фараона, обращенное головой к югу, обмывали снаружи освященной водой, а внутри — пальмовым вином. На полу, посыпанном пеплом, сидели плакальщики, рвали на себе волосы и, раздирая лица, причитали над умершим. Вокруг смертного одра собрались жрецы, переодетые богами: обнаженная Исида в короне фараонов, юноша Гор, Анубис с головой шакала, бог Тот^[148] с птичьей головой, держащий в руках таблички, и много других.

Под наблюдением этого высокого собрания бальзамирщики стали наполнять внутренние полости тела сильно пахнущими травами, опилками, а также вливать туда благовонные смолы, сопровождая эти действия молитвами. Вместо его собственных умершему вставили стеклянные глаза в бронзовой оправе. Затем тело посыпали содовым порошком.

Тогда приблизился новый жрец и объявил присутствующим, что тело усопшего есть тело Осириса и все его особенности суть особенности Осириса.

— «Чудодейственная сила его левой височной кости — это сила височной кости бога Тума[149], а его правый глаз — глаз Тума, своими лучами пронизывающий тьму. Его левый глаз — глаз Гора, приводящий в оцепенение все живое; его верхняя губа — Исида, и нижняя — Нефтис[150]. Шея покойника — богиня, руки — души богов, пальцы — небесные змеи — сыновья богини Селькит[151]. Его бедра — два пера Амона, хребет — позвоночный столб Сибу[152], живот — богиня Нуэ».

Другой жрец провозгласил:

— «Даны мне уста, чтобы говорить, ноги — чтобы ходить, руки — чтобы повергать в прах моих врагов. Воскресаю, существую, отверзаю небо, делаю то, что повелели мне в Мемфисе».

В это время на шею мумии надевали изображение жука скарабея, сделанное из драгоценного камня, со следующей надписью:

«О мое сердце, сердце, которое я получил от матери, которое было у меня, когда я пребывал на земле, — о сердце, не восстань против меня и не дай злого свидетельства обо мне в день суда»[153].

Затем жрецы обвивали каждую руку и ногу, каждый палец мумии лентами, на которых были написаны молитвы и заклинания. Ленты эти склеивали обычно смолами и бальзамами. На грудь и шею мумии положили полный манускрипт «Книги мертвых», причем жрецы произносили при этом вслух следующие слова:

— «Я — тот, которому ни один бог не ставит препятствий.

Кто это?

Это Тум на своем щите, это Ра на своем щите, что появляется на восточной стороне неба.

— Я — Вчера, и мне известно Завтра.

Кто это?

Вчера — это Осирис, Завтра — это Ра, в день, когда он истребит врагов повелителя вселенной и когда принесет в жертву своего сына Гора. Другими словами: в день, когда гроб Осириса встретит на своем пути его отец Ра. Он победит богов по велению Осириса, господина горы Аменти[154].

Что это?

Аменти — это тот, кого сотворили души богов, согласно велению Осириса, господина горы Аменти.

Другими словами: Аменти — это гнев, рожденный Осирисом; каждый бог, пребывающий там, вступает с ним в единоборство. Знаю великого бога, что пребывает там.

Я явился сюда из своей страны, пришел из своего города, истребляю злое, отвращаю недоброе, очищаюсь от грязного. Направляюсь в страну обитателей неба, вступаю через великие ворота.

О мои спутники, дайте мне руку, ибо я буду одним из вас»[155].

Когда каждая часть тела умершего была обернута молитвенными лентами и снабжена амулетами, когда у него уже был достаточный запас наставлений, которые должны были помочь ему ориентироваться в стране богов, пора было подумать о документе, который открыл бы ему врата в эту страну. Ибо между могилой и небом умершего ожидают сорок два страшных судьи, которые под председательством Осириса рассматривают его земную жизнь. Лишь когда сердце покойного, взвешенное на весах правосудия, окажется равным богине истины и когда бог Тот, записывающий на табличках дела умершего, признает их добрыми, лишь тогда Гор возьмет тень за руку и поведет ее к трону Осириса.

И вот для того, чтобы умерший мог оправдаться перед судом, необходимо обернуть его мумию в папирус, на котором написана полная его исповедь. Пока мумию заворачивают в этот документ, жрецы четко и внушительно, чтобы усопший ничего не забыл, читают:

— «Владыки истины, приношу вам самое истину: ни одному человеку не сотворил я зла, нарушив клятву. — Не сделал несчастным никого из моих ближних. — Не позволял себе сквернословия и лжи в доме истины. — Не дружил со злом. — Не причинял сам зла. — Повелитель страны, я не принуждал подвластных мне людей работать сверх сил. — Никто по моей вине не стал боязливым, калекой, больным или несчастным. — Я не делал ничего, что отвратило бы от меня богов. — Я не истязал раба. — Не морил его голодом. — Не доводил до слез. — Не убивал. — Не принуждал другого к вероломному убийству. — Не лгал. — Не расхищал имущества храмов. — Не уменьшал доходов, жертвуемых богам. — Не крал хлеба и опоясок у мумий. — Не содеял греха со жрецом моего округа. — Не отнимал и не урезывал его имения. — Не употреблял фальшивых весов. — Не отнимал младенца от груди его кормилицы. — Не совершал зверских поступков. — Не ловил сетями жертвенных птиц. — Не вредил разливу рек. — Не отводил течения каналов. — Не гасил огня в неположенное время. — Не похищал у богов жертвенных даров, которые они выбрали для себя. — Я чист... Я чист... Я чист...»[156]

Когда покойник благодаря «Книге мертвых» уже знал, как вести себя в стране бессмертия и прежде всего как оправдаться перед судом сорока двух богов, жрецы излагали ему предисловие к этой книге, объясняя всю важность ее. Поэтому бальзамировщики, окружавшие только что приготовленную мумию фараона, удалялись, а приходил верховный жрец «города мертвых» и шептал покойнику на ухо:

— «Знай, что, овладев этой книгой, ты будешь принадлежать к живущим и пользоваться среди богов особым влиянием.

Знай, что благодаря ей никто не осмелится противоречить и препятствовать тебе. Боги сами подойдут, чтобы обнять тебя, ибо причислят к своему сонму.

Знай, что эта книга расскажет тебе, что было вначале.

Ни один человек не читал ее вслух, ни один глаз не видел, и ни одно ухо не слышало ее. Эта книга — сама истина, но никто никогда ее не знал. Да будет она зрима лишь через тебя и того, кто дал тебе ее в назидание. Не прибегай для ее толкования к тому, что может подсказать твоя память или воображение. Пишется она только в зале, где бальзамируют умерших. Это великая тайна, которая неизвестна ни одному простому смертному на свете.

Книга эта будет твоей пищей в низшей стране духов, она доставит твоей душе возможность пребывания на земле, даст ей вечную жизнь и сделает так, что никто не будет иметь власти над тобою»[157].

Тело фараона облачили в драгоценные одежды, на лицо надели золотую маску, на скрещенные руки — перстни и запястья. Под голову ему подставили подпорку из слоновой кости, на какой спали обычно египтяне. Наконец уложили тело в три гроба: из папируса, покрытого надписями, в золоченый из кедрового дерева и в мраморный. Форма двух первых точно соответствовала форме тела умершего. Даже вырезанное в дереве лицо было похоже, только улыбалось.

Пробыв три месяца в «городе мертвых», мумия фараона была готова для торжественного погребения. Тогда ее отнесли обратно в царский дворец.

5

Все эти семьдесят дней, пока священное тело мгло в насыщенной содой воде, Египет был погружен в траур.

Храмы были закрыты; прекратились процессии, всякая музыка смолкла. Кончились всякие пиршества. Танцовщицы преобразились в плакальщиц и, вместо того чтобы танцевать, рвали не себе волосы, что тоже приносило им доход. Люди не пили вина, не ели мяса. Высшие сановники ходили в рубище, босиком. Никто не брился, кроме жрецов, наиболее же ревностные даже не умывались, а мазали лицо грязью и волосы посыпали пеплом.

Повсюду, от Средиземного моря до первого Нильского водопада, от Ливийской пустыни до Синайского полуострова, царили тишина и печаль. Погасло солнце Египта, ушел на Запад и покинул слуг своих господин, дававший им радость и жизнь.

В высшем обществе самым модным был разговор о всеобщей скорби, которую разделяла далее природа.

— Ты заметил, — говорил один сановник другому, — что дни стали короче и темнее?

— Да. Мне не хотелось признаваться тебе в этом, но это факт. Я даже обратил внимание, что ночью на небе меньше звезд и что полнолуние было коротким, а молодой месяц светил дольше, чем обычно.

— Пастухи говорят, что на пастбище скот не ест, а только ревет.

— А я слышал от охотников, что львы, горько оплакивая владыку, отказались от мяса и уже не бросаются на ланей.

— Ужасное время! Зайди ко мне сегодня вечером, выпьем вместе по стаканчику поминальной влаги... выдумка моего пивовара.

— Знаю... должно быть, черное сидонское пиво?..

— Да хранят нас боги!.. В такое время и вдруг веселящие напитки! То, что изобрел мой пивовар, вовсе не пиво... Я сравнил бы его скорее с настойкой на мускусе и благовонных травах.

— Вполне подходящее вино для такого времени, когда наш повелитель пребывает в «городе мертвых», где воздух пропитан ароматом мускуса и бальзамических зелий.

Так скорбели вельможи все семьдесят дней.

Первый трепет радости пробежал по Египту, когда из «города мертвых» дали знать, что тело повелителя вынуто из раствора и что бальзамировщики и жрецы уже совершают над ним обряды.

В этот день люди впервые остригли волосы и смыли грязь с лица, а кто хотел — вымылся. И действительно, не было оснований больше скорбеть: Гор нашел тело Осириса, повелитель Египта благодаря искусству бальзамировщиков, молитвам жрецов и «Книге мертвых» обретал снова жизнь и становился равным богам.

С этого момента покойный фараон Мери-Амон-Рамсес уже официально назывался Осирисом; неофициально его называли так сразу же после смерти.

Прирожденная жизнерадостность египетского народа стала брать верх над скорбью, особенно в армии, среди ремесленников и крестьян. Неизвестно откуда начали распространяться слухи, что новый фараон, которого весь народ уже заранее полюбил, хочет облегчить жизнь крестьян, работников и даже рабов.

Вот почему все чаще и чаще случалось нечто доселе неслыханное: каменщики, плотники и гончары, сидя в харчевне, вместо того чтобы спокойно пить и толковать о своем ремесле или о семейных делах, осмеливались не только жаловаться на тяжесть налогов, но даже роптать на власть жрецов. Крестьяне же в свободное от работы время не молились и не поминали предков, а собирались и говорили о том, как хорошо было бы, если б каждый имел несколько полосок своей собственной земли и мог отдыхать каждый седьмой день!..

Про солдат, особенно иноземных полков, нечего и говорить. Эти люди вообразили, что они избранная каста или скоро станут ею после некоей удачной войны, которая вот-вот разразится.

Зато номархи и знать, проживавшая в загородных поместьях, а особенно верховные жрецы различных храмов, тем торжественнее справляли траур по

умершему владыке, несмотря на то, что можно уже было радоваться, так как фараон стал Осирисом.

В сущности, новый повелитель до сих пор никому не сделал никакого зла. И причиной печали знатных вельмож; были лишь слухи, которые так радовали простой народ. Номархи и знать горевали при одной мысли, что их крестьяне будут бездельничать пятьдесят дней в году и, что еще хуже, получают в собственность участки земли — пусть и такой, на котором человека можно только похоронить. Жрецы, глядя на хозяйничанье Рамсеса XIII, бледнели, стискивали зубы и возмущались тем, как он обращался с ними.

Действительно, в царском дворце произошли большие перемены.

Фараон поселился в одном из дворцовых флигелей, в котором почти все помещения заняли военачальники. В подвальном этаже он разместил греческих солдат, в первом — гвардию, а в помещении, тянувшемся вдоль ограды, — эфиопов. Караулы вокруг флигеля несли азиаты, а у самых покоев Рамсеса XIII был расквартирован эскадрон, солдаты которого участвовали вместе с ним в погоне за Техенной через пустыню.

Больше того, его святейшество, невзирая на столь недавнее восстание ливийцев, вернул им свою милость и никого не велел наказывать.

Правда, жрецы, проживавшие в большом дворце, были в нем оставлены и совершали религиозные обряды под главенством достойнейшего Сэма. Но так как они не участвовали больше в завтраках, обедах и ужинах фараона, то питание их заметно ухудшилось.

Тщетно святые мужи напоминали, что им необходимо кормить представителей девятнадцати династий и множество богов. Казначей, угадавший желание фараона, отвечал жрецам, что для богов и предков достаточно цветов и благовоний, сами же пророки, как повелевает высокая добродетель, должны питаться ячменными лепешками и запивать их водой или пивом. Для подкрепления своих грубых рассуждений казначей ссылался на пример верховного жреца Сэма, который вел жизнь кающегося, и более того — на пример фараона, который, как и его военачальники, ел из солдатского котла.

Ввиду всего этого придворные жрецы стали подумывать, не лучше ли покинуть негостеприимный дворец и перебраться в собственные уютные убежища в окрестностях храмов, где и обязанности у них будут полегче, и не придется голодать. И, пожалуй, они так и поступили бы, если б достойнейшие Херихор и Мефрес не приказали им оставаться на своих постах.

Однако и положение Херихора при новом повелителе нельзя было назвать завидным. Еще недавно всемогущий министр, никогда почти не покидавший царских покоев, сидел одиноко в своем загородном доме и, случалось, не видел нового фараона в течение многих декад. Он по-прежнему оставался военным министром, но уже почти не издавал приказов, ибо все военные дела фараон решал сам. Сам читал донесения военачальников, сам разрешал сомнительные

вопросы, для чего его адъютанты брали из военной коллегии необходимые материалы. Дстойный же Херихор если и приглашался повелителем, то разве затем, чтобы выслушать выговор.

Все сановники, должны были признать, что новый фараон много работает.

Рамсес XIII вставал до восхода солнца, шел купаться или принимал ванну и возжигал благовония перед статуей Осириса. Затем он выслушивал доклады верховного судьи, главного писца житниц и скотных дворов всего Египта, старшего казначея и, наконец, министра двора. Последний страдал больше всех, так как не было дня, чтоб господин не говорил ему, что содержание двора обходится слишком дорого и что при дворе слишком много людей.

Действительно, в царском дворце проживало несколько сот женщин покойного фараона с соответствующим количеством детей и прислуги. Ввиду постоянных напоминаний министр двора каждый день выселял по десятку, по два обитателей, остальным ограничивал расходы. В результате по прошествии месяца все придворные дамы с воплями и слезами побежали к царице Никотрисе, умоляя ее о заступничестве.

Досточтимейшая царица-мать тотчас же отправилась к повелителю и, пав перед ним ниц, просила его сжалиться над женщинами своего отца и не допустить, чтобы они умерли от нужды.

Фараон выслушал ее, нахмутив лоб, и отдал приказ министру двора приостановить дальнейшую экономию, но одновременно заявил царице-матери, что после похорон отца женщины будут выселены из дворцовых покоев и размещены по усадьбам.

— Содержание нашего двора, — объяснил он ей, — обходится больше чем в тридцать тысяч талантов в год, то есть дороже, чем содержание всей армии. Я не могу тратить такую сумму, не разоряя себя и государства.

— Поступай как знаешь, — ответила царица. — Египет — твой. Но я боюсь, что изгнанные придворные станут твоими врагами.

В ответ на это фараон молча взял мать за руку, подвел ее к окну и указал на лес копий. Это обучалась во дворе его пехота.

Этот жест фараона возымел неожиданное действие. В глазах царицы, за минуту перед тем полных слез, блеснула гордость, она нагнулась, поцеловала руку сына и сказала взволнованно:

— Воистину ты сын Исиды и Осириса! И я хорошо поступила, вручив тебя богине. Наконец-то у Египта настоящий повелитель!..

С тех пор досточтимая госпожа никогда не обращалась к сыну с просьбой заступиться за кого-либо. А когда ее просили оказать покровительство, отвечала:

— Я слуга его святейшества и советую и вам исполнять его повеления беспрекословно, потому что все его действия вдохновлены богами. А кто станет противиться богам!

После завтрака фараон занимался делами военной коллегии и казначейства, а часа в три пополудни, окруженный многочленной свитой, выезжал к полкам, стоявшим в окрестностях Мемфиса, и наблюдал, как проходят учения.

Самые большие перемены произошли в военных делах государства.

Меньше чем за два месяца фараон сформировал пять новых полков, вернее — восстановил те, что были уничтожены в предшествовавшее царствование. Офицеры, которые пьянствовали и играли в кости или плохо обращались с солдатами, были уволены.

В канцелярию военной коллегии, где работали одни жрецы, фараон посадил своих наиболее способных адъютантов, и те очень быстро научились разбираться в документах, касавшихся армии. Он велел составить списки всех мужчин, принадлежащих к военному сословию, но уже давно не исполнявших никаких воинских обязанностей и занимавшихся хозяйством. Открыл две новые офицерские школы для мальчиков от двенадцати лет и восстановил старый обычай, чтобы военная молодежь получала завтрак лишь после трехчасовой маршировки в шеренгах и колоннах.

Наконец, ни одной воинской части не разрешалось больше стоять в деревне, а только в казарме или в лагере. Для каждого полка был отведен учебный плац, где по целым дням солдаты или метали камни, или стреляли из лука по мишеням, находящимся на расстоянии в сто — двести шагов.

Было издано также распоряжение, обращенное к семьям военных, чтобы все мужчины упражнялись в метании снарядов под руководством офицеров и сотников регулярной армии. Спустя два месяца после смерти Рамсеса XII весь Египет стал похож на военный лагерь. Даже деревенские и городские дети, игравшие до сих пор в чиновников и жрецов, теперь, подражая старшим, стали играть в солдат. На всех площадях и во всех садах с утра до вечера свистели камни и стрелы, и суды были завалены жалобами на телесные увечья.

Египет стал неузнаваем. Несмотря на траур, в нем благодаря новому повелителю царило большое оживление.

Фараон же возгордился тем, что все государство выполняет его царскую волю.

Однако вскоре наступило отрезвление.

В тот самый день, когда бальзамировщики извлекли тело Рамсеса XII из содового раствора, главный казначей, делая свой обычный доклад, заявил фараону:

— Не знаю, как быть... У нас в казне всего две тысячи талантов, а на похороны покойного владыки требуется не меньше тысячи...

— Как это две тысячи?.. — удивился фараон. — Когда я принимал управление, ты говорил, что у нас двадцать тысяч.

— Восемнадцать мы истратили.

— За два месяца?

— У нас были огромные расходы.

— Верно, — ответил фараон, — но ведь каждый день поступают новые налоги.

— Налоги, — продолжал казначей, — не знаю почему, поступают не в таком размере, как я рассчитывал. Но и этих денег уже нет... Осмелюсь напомнить вашему святейшеству, что у нас пять новых полков. Значит, около восьми тысяч человек оставили свои постоянные занятия и живут за счет государства.

Фараон задумался.

— Надо, — сказал он, — получить новый заем. Переговори с Херихором и Мефресом, чтобы храмы дали нам денег займы.

— Я уже говорил об этом... Храмы ничего не дадут нам...

— Пророки обиделись!.. — усмехнулся фараон. — В таком случае нам придется обратиться к язычникам. Пришли ко мне Дагона.

Вечером явился финикийский ростовщик, пал на колени перед фараоном и преподнес ему в дар золотой кубок, усыпанный драгоценными камнями.

— Теперь я могу умереть спокойно, — воскликнул Дагон. — Мой все милостивейший повелитель воссел на трон!..

— Но прежде чем умирать, — заявил фараон, — раздобудь мне несколько тысяч талантов.

Финикиянин оторопел или, быть может, только притворился испуганным.

— Лучше прикажите мне, ваше святейшество, поискать жемчуг в Ниле, — ответил он, — тогда я погибну сразу, и господин мой не заподозрит меня в нежелании что-нибудь сделать. Но добыть такую сумму... в теперешнее время!..

— Как же это? — удивился Рамсес XIII. — У финикиян, значит, нет для меня денег?..

— Кровь и жизнь нашу, детей наших отдадим вашему святейшеству, — сказал Дагон. — Но деньги... Откуда нам взять денег?.. Прежде храмы давали нам займы из пятнадцати или двадцати процентов годовых, но с тех пор как ваше святейшество, еще будучи наследником, побывали в храме Хатор под Бубастом, жрецы совсем отказали нам в кредите. Если б они могли, они сегодня же выгнали бы нас из Египта, а еще охотнее перебили бы. Ох, чего только мы не терпим из-за них! Крестьяне работают, как и когда им хочется... налоги платят, чем заблагорассудится... Ударишь кого-нибудь — поднимают бунт, а если несчастный финикиянин обратится за помощью в суд, то он или проиграет дело, или должен платить огромные деньги... Видно, придется нам скоро убираться отсюда!.. — плакался Дагон.

Фараон нахмурился.

— Я займусь этими делами, — ответил он. — Суды будут относиться к вам справедливо. А пока что мне нужно около пяти тысяч талантов.

— Где мы возьмем, государь? — стонал Дагон. — Укажите нам, ваше святейшество, покупателей, мы им продадим всю нашу движимость и недвижимость, лишь бы выполнить этот приказ... Но где же эти покупатели? Разве что жрецы, которые возьмут наше имущество за бесценок и вдобавок не заплатят наличными.

— Пошлите в Тир, Сидон. Ведь каждый из этих городов мог бы дать займы не пять, а сто тысяч талантов.

— Тир, Сидон... Сейчас вся Финикия копит золото и драгоценности, чтоб расплатиться с ассирийцами. По нашей стране уже шныряют посланцы царя Ассара и говорят, что если только мы будем вносить ежегодно щедрый выкуп, цари и чиновники не только не будут нас притеснять, но и обеспечат нам большие доходы, больше тех, что мы получаем сейчас по милости вашего святейшества и Египта...

Фараон побледнел и стиснул зубы.

Финикиянин спохватился и поспешил добавить:

— Впрочем, зачем я отнимаю у вашего святейшества время своими глупыми разговорами? Здесь, в Мемфисе, находится сейчас князь Хирам... Он, может быть, лучше все объяснит, ибо он мудрец и член Высшего совета наших городов.

Рамсес оживился.

— А!.. Давай, давай мне сюда Хирама, — ответил он. — А то ты разговариваешь со мной не как банкир, а как плакальщица на похоронах.

Финикиянин еще раз ударил челом и спросил:

— Нельзя ли достойнейшему Хираму прийти сюда сейчас? Правда, уже поздно, но он так боится жрецов, что предпочел бы выразить тебе свое глубокое почтение ночью.

Фараон закусил губу, но согласился. Он даже послал с Дагоном Тутмоса, чтобы тот привел Хирама во дворец потайным ходом.

6

Часов около десяти вечера к фараону явился Хирам, одетый в темное платье, какое носят мемфисские торговцы.

— Что это ты так прячешься? — спросил неприятно задетый фараон. — Разве мой дворец — тюрьма или дом прокаженных?

— О владыка!.. — вздохнул старый финикиянин. — С тех пор как ты стал повелителем Египта, те, кто осмеливается говорить с тобой, не отдавая кому следует отчета, считаются преступниками...

— А кому это вы должны передавать мои слова?.. — спросил фараон.

Хирам поднял к небу глаза и руки.

— Тебе, государь, известны твои враги!.. — ответил он.

— Не стоит поминать о них, — сказал фараон. — Ты знаешь, зачем я тебя вызвал? Я хочу получить займы несколько тысяч талантов.

Хирам застонал и еле удержался на ногах. Фараон разрешил ему сесть в своем присутствии, что являлось высочайшей честью.

Усевшись поудобнее и передохнув, Хирам сказал:

— Зачем брать займы, когда можно иначе получить огромные богатства?

— Когда я завоюю Ниневию? — перебил фараон. — Но это еще не скоро, а деньги нужны мне сейчас.

— Я не говорю о войне, — ответил Хирам, — я говорю о таком деле, которое немедленно принесет казне большие суммы и постоянный годовой доход.

— Каким образом?

— Разрешите нам и посодействуйте прорыть канал, который соединит бы Средиземное море с Красным.

Фараон вскочил с кресла.

— Ты шутишь, старик! — вскричал он. — Кто может взяться за такое дело и кто захочет подвергнуть Египет опасности? Ведь море зальет нас...

— Какое море?.. Во всяком случае, не Красное и не Средиземное, — спокойно ответил Хирам. — Я знаю, что египетские жрецы, инженеры занимались этим вопросом и подсчитали, что это очень выгодное предприятие. Выгоднее трудно придумать... Но... они хотят все сделать сами, вернее — не хотят, чтобы за это взялся фараон.

— Где у тебя доказательства? — спросил Рамсес.

— У меня нет доказательств, но я пришлю жреца, который пояснит тебе все чертежами и расчетами.

— Кто этот жрец?

Хирам замялся и, помолчав сказал:

— Могу ли я рассчитывать, что это останется между нами? Он тебе, государь, окажет большие услуги, чем я сам. Ему известно много тайн и много... подлостей жрецов...

— Обещаю, — ответил фараон.

— Этот жрец — Самонту. Он служит в храме Сета под Мемфисом. Это великий мудрец, но ему нужны деньги, и он очень честолюбив... А так как жрецы не дают ему возвыситься, то он сказал мне, что если ваше святейшество пожелает, он... свергнет жреческую касту. Он знает много их секретов... О, много!..

Рамсес глубоко задумался. Он понял, что этот жрец — величайший изменник. Но в то же время он знал, какие ценные услуги Самонту может ему оказать.

— Хорошо, — сказал фараон, — я подумаю об этом Самонту. А теперь предположим на минуту, что можно построить такой канал. Какая же мне будет от этого польза?

Хирам стал отсчитывать на пальцах левой руки.

— Во-первых, — сказал он, — Финикия отдаст Египту пять тысяч талантов невыплаченной дани. Во-вторых, Финикия заплатит пять тысяч талантов за право производства работ. В-третьих, когда начнутся работы, мы будем платить Египту тысячу талантов в год налога и, кроме того, столько талантов, сколько десятков рабочих он нам предоставит. В-четвертых, за каждого египетского инженера мы дадим вашему святейшеству по таланту в год. В-пятых, когда работы будут закончены, ваше святейшество сдадите нам канал в аренду на сто лет, и мы будем платить за это по тысяче талантов в год. Разве это малая прибыль? — спросил Хирам.

— А сейчас... сегодня, — сказал фараон, — вы мне дадите эти пять тысяч дани?..

— Как только будет заключен договор, мы дадим десять тысяч и еще добавим тысячи три в счет налога за три года вперед.

Рамсес XIII задумался. Уже не первый раз финикияне предлагали египетским фараонам провести этот канал, но всегда наталкивались на упорное сопротивление жрецов. Египетские жрецы говорили фараону, что Египет может быть затоплен и Красным морем и Средиземным. Но вот Хирам утверждает, что ничего подобного не случится и что жрецы это знают.

— Вы обещаете, — сказал фараон после долгого раздумья, — платить по тысяче талантов в год в продолжение ста лет. Вы говорите, что этот канал, прорытый в песках, — дело, выгоднее которого трудно придумать... Мне это непонятно, и, признаюсь, Хирам, я подозреваю...

У финикиянина заблестели глаза.

— Государь, — сказал он, — я скажу тебе все. Но заклинаю тебя твоей короной, тенью твоего отца никому не открывать этой тайны. Это величайшая тайна халдейских и египетских жрецов и даже всей Финикии. От нее зависит будущее мира!

— Ну, ну, Хирам!.. — улыбнулся фараон.

— Тебе, государь, — продолжал финикиянин, — боги даровали мудрость, энергию и благородство, поэтому ты — наш. Ты — единственный из земных повелителей, которого можно посвятить в это, потому что только ты способен совершить великие дела. И ты достигнешь такого могущества, какого не достигал еще ни один человек...

Фараон почувствовал в душе приятную гордость, но не показал и виду.

— Ты меня не хвали, — остановил он Хирама, — за то, чего я еще не совершал, а скажи лучше, какие выгоды от этого канала получают Финикия и мое государство?

Хирам уселся в кресле поудобнее и стал говорить шепотом:

— Знай, повелитель, что на восток, на юг и на север от Ассирии и Вавилона нет ни пустыни, ни болот, населенных чудовищами, а лежат обширные страны и государства. Страны эти настолько велики, что пехоте вашего святейшества, славящейся своими переходами, пришлось бы два года идти по направлению к востоку, пока она достигла бы их границ.

Рамсес иронически поднял брови, как человек, позволяющий другому лгать, хоть и понимает, что это ложь.

Хирам слегка пожал плечами и продолжал:

— На восток и на юг от Вавилона, у великого моря, проживает до ста миллионов человек; у них могущественные цари, у них жрецы мудрее, чем египетские, у них есть древние книги, опытные мастера... Эти народы умеют выделывать не только ткани, мебель и посуду так же искусно, как египтяне, но с незапамятных времен строят на земле и под землей храмы, более величественные и богатые, чем в Египте...

— Продолжай!.. Продолжай!.. — подбадривал его фараон. Но по лицу его было трудно понять, заинтересован ли он рассказом финикиянина или возмущен его враньем.

— В этих странах есть жемчуг, драгоценные камни, золото, медь... Там произрастают удивительнейшие сорта хлебов, цветы и плоды... Там, наконец, есть леса, по которым можно в течение месяцев блуждать среди деревьев, более толстых, чем колонны ваших храмов, и более высоких, чем пальмы... Население же этих стран простодушно и кротко... и если б ты послал туда на кораблях два своих полка, ты мог бы завоевать земли обширнее, чем весь Египет, богаче, чем сокровищницы Лабиринта... Завтра, если разрешишь, я пришлю тебе образцы тамошних тканей, дерева и бронзовых изделий. Кроме того, пришлю две крупинки чудесных бальзамов, обладающих таким свойством, что, как только человек проглотит их, перед ним открываются врата вечности и он испытывает счастье, доступное лишь богам...

— Пришли мне образцы тканей и изделий, — заметил фараон, — а что касается бальзамов... пожалуй, не стоит!.. Успеем натешиться вечностью и богами после смерти...

— А дальше на восток от Ассирии, — продолжал Хирам, — лежат еще более обширные страны; там миллионов двести населения.

— Легко же ты обращаешься с миллионами! — улыбнулся фараон.

Хирам приложил руку к сердцу.

— Клянусь, — сказал он, — духами моих предков и своей честью, что говорю правду!

Фараон сделал движение, его поразила такая торжественная клятва.

— Продолжай!.. Продолжай!.. — сказал он.

— Страны эти, — начал снова финикийнин, — весьма удивительны. Их населяют народы с косыми глазами и желтым цветом кожи. У них есть царь, который называется сыном неба и управляет ими с помощью мудрецов, но это не жрецы, и они не пользуются такой властью, как в Египте. Обычаи этих народов схожи с египетскими. У них почитают умерших предков и проявляют заботу об их телах. Они пользуются письменами, напоминающими письмена ваших жрецов, но ходят в длинных одеждах из тканей, совсем у нас неизвестных, носят сандалии в виде скамеечек, а головы покрывают остроконечными коробками... Крыши их домов тоже остроконечны и по краям загнуты кверху. Эти необыкновенные народы выращивают злак, более плодоносный, чем египетская пшеница, и готовят из него напиток крепче вина. Есть у них также растение, листья которого придают человеку силу, жизнерадостность и даже помогают бороться со сном. Они умеют делать бумагу и раскрашивают ее разноцветными картинками, у них есть глина, которая после обжига просвечивает, как стекло, и звенит, как металл... Завтра, если ваше святейшество разрешит, я пришлю вам образцы изделий этого народа.

— Чудеса ты рассказываешь, Хирам!.. — отозвался фараон. — Но я не вижу связи между этими диковинами и каналом, который вы хотите прорыть...

— Я сейчас вкратце объясню. Когда будет канал, весь финикийский и египетский флот выйдет в Красное море, а из него дальше и через несколько месяцев доплывет до этих богатых стран, куда по суше почти невозможно добраться. А разве вы, ваше святейшество, — продолжал Хирам, у которого разгорелись глаза, — не видите перед собою всех сокровищ, которые можно добыть там: золота, драгоценных камней, злаков, дерева? Клянусь, государь, — продолжал он с воодушевлением, — что у тебя тогда будет больше золота, чем сейчас меди, дерево будет не дороже соломы, а невольник — дешевле коровы... Разрешите только, государь, прорыть канал и предоставьте нам за плату тысяч пятьдесят ваших солдат.

Рамсес тоже загорелся.

— Пятьдесят тысяч солдат, — повторил он. — А сколько вы мне дадите за это?..

— Я сказал уже: тысячу талантов в год за право производства работ и пять тысяч за рабочих, которых мы сами будем кормить и оплачивать.

— И замучаете их работой?..

— Да хранят нас боги! — воскликнул Хирам. — Что проку, когда рабочие гибнут? Солдаты вашего святейшества не будут работать на канале больше, чем сейчас на укреплениях или дорогах. А какая слава для тебя, государь! Какие доходы казне!.. Какая польза Египту!.. У самого бедного крестьянина будет деревянный дом, несколько голов скота и, пожалуй, даже раб... Ни один фараон не поднял государства до такой высоты и не свершил столь великого дела!.. Что такое

мертвые и бесполезные пирамиды по сравнению с каналом, который облегчит перевоз товаров всего мира?

— А главное, — прибавил от себя фараон, — у меня будет пятьдесят тысяч солдат на восточной границе?..

— Разумеется!.. — воскликнул Хирам. — При наличии этой силы, содержание которой ничего не будет стоить вашему святейшеству, Ассирия не посмеет протянуть руку к Финикии.

План был настолько блестящим и обещал такие выгоды, что Рамсес XIII был опьянен. Но он и виду не подал.

— Хирам, — сказал он, — ты рисуешь заманчивые перспективы... Настолько заманчивые, что я побаиваюсь, не скрываются ли за ними какие-нибудь менее приятные последствия. Поэтому я должен и сам хорошо подумать, и посоветоваться с жрецами...

— Они никогда не согласятся подобру! — воскликнул финикиянин. — Хотя — пусть боги простят мне кощунство! — я уверен, что если б сейчас верховная власть в государстве перешла в руки жрецов, то через два-три месяца они предложили бы нам приступить к этому сооружению...

Рамсес посмотрел на него с холодным презрением.

— Предоставь заботу о жрецах мне, — сказал он, — и лучше докажи, что все, что ты говорил, — правда. Я был бы очень плохим царем, если бы не сумел устранить препятствий, стоящих между моей волей и интересами государства.

— Воистину ты великий властелин, государь, — прошептал Хирам, склоняясь до земли.

Была уже поздняя ночь. Финикиянин простился с фараоном и вместе с Тутмосом покинул дворец. А на следующий день прислал через Дагона ларец с образцами сокровищ из неведомых стран. Фараон нашел в нем статуэтки богов, индийские ткани и перстни, крупинки опиума, а во втором отделении горсточку риса, листочки чая, несколько фарфоровых чашечек, украшенных живописью, и несколько рисунков, исполненных красками и тушью на бумаге.

Фараон осмотрел все это с величайшим вниманием и должен был признать, что никогда не видал ничего подобного: ни риса, ни бумаги, ни изображений людей в остроконечных шляпах, с раскосыми глазами.

Он не сомневался больше в существовании какой-то новой страны, где все было иное, чем в Египте: горы, деревья, дома, мосты, корабли...

«И эта страна существует, должно быть, уже много веков, — думал он. — Наши жрецы знают про нее, знают про ее богатства, но молчат... Коварные предатели!.. Они желают ограничить власть фараонов, сделать их нищими, чтобы затем свергнуть с престола. О мои предки и наследники! — восклицал он мысленно. — Вас призываю в свидетели, что я этому положу конец. Я возвышу мудрость; но уничтожу лицемерие и дам Египту долгие годы спокойствия».

Так размышляя, фараон поднял глаза и увидел Дагона, ожидавшего распоряжений.

— Твой ларец очень любопытен, — обратился он к ростовщику. — Но... не этого я хотел от вас...

Финикиянин подошел на цыпочках и, опустившись на колени перед фараоном, прошептал:

— Когда ты соблаговолишь подписать договор с достойным Хирамом, Тир и Сидон повергнут к твоим стопам все свои богатства.

Рамсес сдвинул брови. Его возмутила наглость финикиян, осмелившихся ставить ему условия. Он ответил холодно:

— Я еще подумаю и тогда дам Хираму ответ. Можешь идти, Дагон.

После ухода финикиянина Рамсес снова задумался. В душе его росло недовольство.

«Эти торгаши, — размышлял он, — считают меня своим. Хм!.. Они пытаются прельстить меня мешком золота, чтобы заставить подписать договор!.. Такой наглости не допустил бы ни один фараон. Довольно! Люди, падающие ниц перед посланцами Ассара, не могут говорить мне: „Подпиши, тогда получишь...“ Глупые финикийские крысы, которые, прокравшись в царский дворец, считают его своей норой!..»

Чем дальше размышлял он, чем подробнее вспоминал поведение Хирама и Дагона, тем сильнее становилось его возмущение.

«Как они смеют!.. Как они смеют ставить мне условия!»

— Эй... Тутмос!.. — позвал он.

Фаворит тотчас же явился.

— Что прикажешь, государь?

— Пошли кого-нибудь из низших офицеров к Дагону сообщить, что он больше не будет моим банкиром. Он слишком глуп, чтобы занимать такое высокое положение!

— А кому же ты предоставишь эту честь?

— Пока не знаю. Надо будет найти кого-нибудь из числа египетских или греческих купцов... В крайнем случае — обратимся к жрецам.

Весть об этом облетела все царские дворцы, и не прошло и часа, как докатилась до Мемфиса. По всему городу говорили о том, что финикияне уже в немилости у фараона, а к вечеру чернь начала громить лавки ненавистных чужеземцев. Жрецы облегченно вздохнули. Херихор явился даже к святому Мефресу и сказал ему:

— Сердце мое предчувствовало, что господин наш отвернется от этих язычников, сосущих кровь из народа. Я думаю, что надо выразить ему в какой-нибудь форме нашу благодарность.

— И, может быть, распахнуть перед ним двери наших сокровищниц? — язвительно спросил святой Мефрес. — Не торопитесь, достойнейший... Я раскусил уже этого юнца, и горе нам, если мы хоть раз позволим ему одержать над нами верх.

— А если он порвет с финикиянами?

— Он на этом только выиграет, потому что не заплатит им долга, — ответил Мефрес.

— По-моему, — начал после некоторого раздумья Херихор, — сейчас наступил момент, когда мы можем вернуть себе милость молодого фараона. Вспыльчивый в гневе, он умеет, однако, быть благодарным. Я это испытал на себе.

— Что ни слово, то заблуждение! — перебил его упрямый Мефрес. — Во-первых, этот царевич еще не фараон, так как не короновался в храме. Во-вторых, он никогда не будет настоящим фараоном, ибо относится с презрением к посвящению в сан верховного жреца. И, наконец, не нам нужна его милость, а ему милость богов, которых он оскорбляет на каждом шагу!..

Мефрес задыхался от гнева, но, переведя дух, продолжал:

— Он пробыл месяц в храме Хатор, где изучал высшую мудрость, и вдруг сразу же после этого стал якшаться с финикиянами. Мало того, он посещал храм Ашторет и взял оттуда жрицу, что противоречит законам всех религий... Потом во всеуслышание насмеялся над моим благочестием... Он связался с такими же, как сам, смутьянами и с помощью финикиян выводил государственные тайны... А едва сел на трон... вернее, на первую ступеньку трона, уже бесчестит жрецов, мутит крестьян и солдат и возобновляет тесную связь со своими друзьями-финикиянами... Ты забыл обо всем этом, достойнейший Херихор?.. А если помнишь, то разве не понимаешь, какую опасность представляет для нас этот молокосос?.. Ведь он стоит у кормила государственного корабля, плывущего среди водоворотов. Кто поручится, что безумец, который вчера позвал к себе финикиян, а сегодня поссорился с ними, не сделает завтра чего-нибудь такого, что будет грозить государству гибелью.

— Ну, что из этого следует? — спросил Херихор, пристально смотря в глаза верховному жрецу.

— А то, что у нас нет оснований выразить ему благодарность, так как это означало бы нашу слабость. Ему хочется во что бы то ни стало получить деньги, а мы не дадим!

— А... а дальше что?.. — снова спросил Херихор.

— А дальше пусть правит государством и увеличивает армию без денег, — ответил раздраженно Мефрес.

— А... если его голодная армия станет грабить храмы? — продолжал спрашивать Херихор.

— Ха-ха-ха!.. — расхохотался Мефрес.

Вдруг он принял серьезный вид и, отвесив низкий поклон, сказал насмешливым тоном:

— Это уж: твое дело, достойнейший. Человек, столько лет управлявший государством, должен был подготовиться к подобной опасности.

— Предположим, — осторожно начал Херихор, — предположим, что я нашел бы средство против опасности, угрожающей государству. Но ты сам, святейший отец, будешь ли ты как старейший верховный жрец готов дать отпор тому, кто оскорбляет жреческую касту и святыни?

Мгновение они смотрели друг другу в глаза.

— Ты спрашиваешь меня, готов ли я? — повторил Мефрес. — Готов ли?.. Мне не надо готовиться к этому. Боги дали мне в руки небесный огонь, который уничтожит всякого святотатца.

— Тс-с... — прошептал Херихор. — Да будет так.

— С согласия или без согласия верховной коллегии жрецов, — добавил Мефрес. — Когда судно идет ко дну, не время объясняться с гребцами.

Оба расстались в мрачном настроении.

В тот же вечер фараон призвал их к себе.

Они явились в назначенный час порознь, низко поклонились фараону и стали по углам, не глядя друг на друга.

«Неужели поссорились? — подумал про себя Рамсес. — Ну что ж, это неплохо».

Немного спустя вошли святой Сэм и пророк Пентуэр.

Рамсес сел на возвышении и, указав четверем жрецам на низкие табуреты против себя, обратился к ним:

— Святые отцы!.. Я не приглашал вас до сих пор на совет, потому что все мои распоряжения касались исключительно военных вопросов.

— Это твое право, государь, — прервал его Херихор.

— Я сделал что мог за такое короткое время, чтобы укрепить государство. Я открыл две новые школы для офицеров и восстановил пять полков.

— Это твое право, государь, — проговорил Мефрес.

— Об остальных военных реформах я не говорю, ибо вас, святые отцы, эти дела не могут интересовать...

— Ты прав, государь, — подтвердили в один голос Мефрес и Херихор.

— Но на очереди другое дело, — заявил фараон, довольный сговорчивостью сановников, со стороны которых он ожидал возражений. — Приближается день похорон божественного моего отца, а у казны нет достаточных средств...

Мефрес встал с табурета.

— Осирис-Мери-Амон-Рамсес, — сказал он, — был справедливым царем. Он обеспечил своему народу долголетний мир и умножил славу богов. Разрешите, ваше святейшество, чтобы похороны этого благочестивого фараона были совершены за счет храмов.

Рамсес XIII был удивлен и тронут честью, оказанной его отцу. С минуту он помолчал, как бы не находя ответа, и наконец сказал:

— Я очень благодарен, достойнейшие отцы, за честь, оказываемую богоравному отцу моему. Даю вам свое согласие и еще раз благодарю...

Он остановился, склонил голову на руки и сидел так с минуту, как бы борясь в душе с самим собою. Вдруг он поднял голову, лицо его оживилось, глаза заблестели.

— Я тронут, — сказал он, — доказательством вашего расположения ко мне, святые отцы. Если вам так дорога память моего отца, то, я думаю, вы и мне не пожелаете зла...

— Неужели ты сомневаешься в этом? — спросил верховный жрец Сэм.

— Ты прав, — продолжал фараон, — я несправедливо подозревал вас в предубеждении против меня. Но я хочу исправить это и буду с вами откровенен.

— Да благословят тебя боги, государь, — сказал Херихор.

— Скажу прямо. Божественный отец мой ввиду преклонного возраста и болезни не мог посвящать столько сил и времени делам государства, сколько могу я. Я молод, здоров, свободен и потому хочу и буду править сам. Как полководец должен командовать армией по собственному разумению и руководясь своим планом, так и я буду управлять государством. Такова моя непреложная воля, и от этого я не отступлю. Но я понимаю, что, даже если б я обладал глубоким опытом, мне не обойтись без верных слуг и мудрых советников. Поэтому я буду иногда спрашивать вашего мнения по различным вопросам...

— Для того мы и существуем как верховная коллегия при особе государя, — заявил Херихор.

— Хорошо, — продолжал с прежним оживлением фараон, — я буду прибегать к вашим услугам, и даже не откладывая, сейчас, с настоящего момента...

— Приказывай, государь... — сказал Херихор.

— Я хочу улучшить жизнь египетского народа. Но так как в подобных делах слишком поспешные действия могут принести лишь вред, то для начала я предоставлю ему не много: после шести дней труда — седьмой день отдыха...

— Так было при восемнадцати династиях. Это закон столь же древний, как сам Египет, — заметил Пентуэр.

— Отдых в каждый седьмой день даст пятьдесят дней в год на каждого работника, то есть лишит его господина пятидесяти драхм. А на миллионе рабочих государство потеряет около десяти тысяч талантов в год, — сказал Мефрес. — Мы это уже подсчитывали в храмах, — прибавил он.

— Да, — подтвердил Пентуэр, — убытки будут, но только первый год, ибо, когда народ укрепит свои силы отдыхом, он в последующие годы отработает все с лихвой.

— Это ты верно говоришь, — ответил Мефрес, — но, во всяком случае, необходимо иметь эти десять тысяч талантов на первый год. А я думаю, что не хватит и двадцати тысяч...

— Ты прав, достойный Мефрес, — вмешался фараон, — при тех реформах, какие я хочу провести в своем государстве, двадцать и даже тридцать тысяч талантов будут не слишком большой суммой... А потому, — прибавил он тут же, — мне нужна будет ваша помощь, святые мужи...

— Мы готовы всякое твое желание поддержать молитвами и процессиями, — заявил Мефрес.

— Пожалуйста! Молитесь и поощряйте молиться народ. Но, кроме того, дайте государству тридцать тысяч талантов, — ответил фараон.

Верховные жрецы молчали.

Фараон подождал, а затем обратился к Херихору:

— Ты молчишь?..

— Ты сам сказал, повелитель, что у казны нет средств даже на похороны Осириса-Мери-Амон-Рамсеса. Откуда же взять тридцать тысяч талантов?..

— А сокровища Лабиринта?..

— Это достояние богов, которое можно тронуть лишь в минуту величайшей нужды государства, — ответил Мефрес.

Рамсес XIII вскипел.

— Если не крестьянам, — вскричал он, ударив рукой по поручню трона, — то мне нужна эта сумма!..

— Ты можешь, — ответил Мефрес, — за год получить больше чем тридцать тысяч талантов, а Египет — вдвое.

— Каким образом?

— Весьма простым. Прикажи, повелитель, изгнать из государства финикийн, — сказал Мефрес.

Казалось, что фараон вот-вот бросится на дерзкого жреца. Он побледнел, губы у него дрожали, глаза выкатились из орбит. Но он сдержал себя и произнес удивительно спокойным тоном:

— Ну, довольно. Если вы мне не можете дать лучших советов, то я обойдусь без них... Ведь мы дали финикиянам обязательство выплатить им полученные займы деньги!.. Об этом ты не подумал, Мефрес?

— Прости, государь, в ту минуту я думал о другом. Твои предки не на папирусах, а на бронзе и камнях запечатлели, что дары, принесенные ими богам и храму, принадлежат и будут вечно принадлежать богам и храму.

— И вам... — заметил насмешливо фараон.

— В такой же мере, как государство принадлежит тебе, повелитель, — дерзко ответил верховный жрец. — Мы охраняем эти сокровища и приумножаем, и расточать не имеем права...

Задыхаясь от гнева, фараон покинул собрание и ушел к себе в кабинет. Его положение представилось ему с беспощадной ясностью.

Он больше не сомневался в ненависти к нему жрецов. Это были все те же самые ослепленные гордыней сановники, которые в прошлом году не дали ему корпуса Менфи и сделали его наместником только потому, что приняли его уход из дворца за акт покорности, те же, что следили за каждым его движением, писали на него доносы и ему, наследнику престола, не сказали ни слова о договоре с Ассирией, те же, что обманывали его в храме Хатор, а у Содовых озер перебили пленников, которым он обещал помилование.

Фараон припомнил поклоны Херихора, взгляды Мефреса и тон того и другого. За внешней почтительностью поминутно проглядывало высокомерие и пренебрежение к нему. Ему нужны деньги, а они обещают ему молитвы. Мало того, они осмеливаются намекать ему, что он не единственный повелитель Египта...

Молодой фараон невольно улыбнулся; он представил себе наемных пастухов, говорящих хозяину, что он не волен распоряжаться своим стадом. Но в действительности ему было не до смеха. В казне оставалась какая-нибудь тысяча талантов, которой могло хватить на семь, самое большее на десять дней. А что потом?.. Что скажут чиновники, прислуга, а главное — солдаты, которые не только не получают жалованья, но попросту будут голодать?..

Верховным жрецам, конечно, известно это положение дел и, если они не спешат помочь ему, — значит, хотят его погубить... и погубить в ближайшие дни, еще до похорон отца...

Рамсесу вспомнился случай из его детства.

Он был еще в жреческой школе, когда на празднике в честь богини Мут в числе выступавших был знаменитый во всем Египте комедиант. Он изображал неудачливого героя. Герой приказывал — его не слушались. На его гнев отвечали смехом. Когда же для того, чтоб наказать насмешников, он схватил топор,

топорище сломалось у него в руке. Наконец на него выпустили льва. Беззащитный герой стал удирать, но оказалось, что за ним гонится не лев, а свинья в львиной шкуре. Ученики и учителя хохотали до слез над этими злоключениями, а маленький царевич сидел угрюмый; ему жаль было человека, который рвется к великим делам и гибнет, осыпаясь насмешками.

Эта сцена и чувства, которые он испытал тогда, ожили сейчас в его памяти.

«Таким же они хотят сделать меня», — говорил он себе.

Его охватило отчаяние. Он понял, что как только будет истрачен последний талант, придет к концу его власть, а с нею и жизнь.

Но тут его мысли приняли другое направление. Фараон остановился посреди комнаты.

«Что может меня ожидать?.. Только смерть... Я отправлюсь к моим славным предкам, к Рамсесу Великому... Но я им не могу сказать, что погиб не защищаясь... Иначе после бедствий земной жизни меня постигнет вечный позор...»

Как? Он, победитель ливийцев, будет вынужден отступить перед кучкой лицемеров, с которыми нечего было бы делать одному азиатскому полку?.. Значит, потому, что Мефрес и Херихор хотят повелевать Египтом и фараоном, его войска должны голодать, а миллион крестьян не получают благодатного отдыха?.. Разве не его предки построили эти храмы?.. Разве не они наполнили их военной добычей? Кто выигрывал сражения — жрецы или солдаты? Так кто же имеет право на сокровища? Жрецы или фараон и его армия.

Молодой фараон пожал плечами и велел позвать Тутмоса.

Несмотря на ночное время, царский любимец явился немедленно.

— Знаешь, — сказал фараон, — жрецы отказали мне в займе, а между тем казна пуста...

Тутмос выпрямился.

— Прикажешь отвести их в тюрьму?.. — спросил он.

— А ты бы решился это сделать?

— Нет в Египте офицера, который не исполнил бы приказа нашего повелителя и вождя.

— В таком случае, — медленно произнес фараон, — в таком случае... не надо никого отводить в тюрьму... У меня достаточно веры в себя и презрения к ним. Пададь, которую человек увидит на дороге, он не станет прятать в кованный сундук, а просто обойдет ее.

— Но гиену сажают в клетку, — возразил Тутмос.

— Пока еще рано, — ответил Рамсес. — Я вынужден быть снисходительным к этим людям, по крайней мере, до похорон моего отца, иначе они способны оскорбить его священную мумию и нарушить покой его души... А теперь вот что:

ступай завтра к Хираму и скажи ему, чтобы он прислал мне того жреца, о котором мы с ним говорили.

— Будет исполнено. Но я должен довести до твоего, государь, сведения, что сегодня народ громил дома мемфисских финикийян.

— Вот как? Ну, это уж напрасно!

— И еще мне кажется, — продолжал Тутмос, — что с тех пор, как ты приказал Пентуэру изучить положение крестьян и рабочих, жрецы подстрекают номархов и знать... Они внушают им, государь, что ты хочешь разорить знать в пользу крестьян.

— И знать верит этому?

— Находятся и такие, что верят, но другие говорят прямо, что это интриги жрецов против тебя.

— А если бы я и в самом деле задумал улучшить жизнь крестьян?.. — спросил фараон.

— Ты сделаешь, государь, все, что найдешь нужным, — ответил Тутмос.

— Вот такой ответ я понимаю!.. — радостно воскликнул Рамсес XIII. — Будь спокоен и скажи знати, что она не только ничего не потеряет, исполняя мои распоряжения, а напротив, положение ее улучшится и значение возрастет. Богатства Египта должны быть наконец вырваны из рук недостойных и отданы верным слугам.

Фараон простился со своим любимцем и, довольный, ушел отдыхать. Его минутное отчаяние казалось ему сейчас смешным.

На следующий день около полудня его святейшеству доложили, что явилась депутация финикийских купцов.

— Они собираются, вероятно, жаловаться на разгром их домов? — спросил фараон.

— Нет, — ответил адъютант, — они хотят преподнести тебе дары.

Действительно, человек двенадцать финикийян, во главе с Рабсуном, явились с подарками. Когда фараон вышел к ним, они пали ниц, после чего Рабсун заявил, что, по старинному обычаю, они осмеливаются повергнуть свои скромные дары к стопам повелителя, дарующего им жизнь, а их имуществу безопасность.

И стали выкладывать на столы золотые чаши, цепи и кубки, наполненные драгоценными камнями. Рабсун же положил на ступени трона поднос с папирусом, в котором финикийяне письменно обязывались дать для армии всякого снаряжения на две тысячи талантов.

Это был крупный подарок, в общей сложности составлявший около трех тысяч талантов.

Фараон милостиво поблагодарил преданных купцов и пообещал им свое покровительство. Они ушли от него ошастливленные.

Рамсес XIII облегченно вздохнул. Банкротство казны, а с ним и необходимость прибегнуть к насильственным средствам против жрецов отодвинулись на десять дней. Вечером опять под охраной Тутмоса в кабинет его святейшества явился Хирам. На этот раз он не жаловался на усталость, а пал ниц и начал плаксивым голосом проклинать дурака Дагона.

— Я узнал, что этот паршивец, — начал он, — осмелился напомнить вашему святейшеству о нашем договоре относительно канала до Красного моря... Чтоб он пропал... чтоб его изъела проказа... Пусть его дети пасут свиней, а внуки родятся евреями. Изволь только, повелитель, приказать, и, сколько ни есть богатств в Финикии, она все повергнет к твоим стопам, не требуя никаких договоров и расписок. Разве мы ассирийцы или... жрецы, — добавил он шепотом, — и нам недостаточно одного слова столь могущественного владыки?

— А если бы я, Хирам, действительно потребовал большой суммы? — спросил фараон.

— Какой?

— Например, тридцать тысяч талантов?

— Сейчас? Сразу?

— Нет — в продолжение года.

— Ты получишь ее, — ответил Хирам, не задумываясь.

Фараон был поражен его щедростью.

— Но я должен вам дать что-нибудь в залог...

— Только для формы, — ответил финикиянин. — Ваше святейшество даст нам в залог рудники, чтобы не вызвать подозрений у жрецов. Если б не это, Финикия предалась бы вам вся без залогов и расписок.

— А канал?.. Я должен сейчас же подписать договор? — спросил фараон.

— Вовсе нет. Ты заключишь с нами договор, когда пожелаешь.

Рамсес был вне себя от радости. Только теперь он ощутил прелесть царской власти — и то благодаря финикиянам.

— Хирам, — сказал он, уже не владея собой от волнения, — сегодня же я даю вам, финикиянам, разрешение строить канал, который соединит Средиземное море с Красным...

Старик припал к ногам фараона.

— Ты — величайший царь, какого когда-либо знал мир! — воскликнул он.

— Пока ты не должен говорить об этом никому, ибо враги моей славы не дремлют. А чтобы подтвердить это, я даю тебе вот этот мой царский перстень...

— Он снял с пальца перстень, украшенный магическим камнем, на котором было выгравировано имя Гора, и надел его на палец финикиянина.

— Богатство всей Финикии к твоим услугам! — повторил глубоко взволнованный Хирам. — Ты совершишь подвиг, который будет славить имя твое, доколе не погаснет солнце.

Фараон обнял его седую голову и велел ему сесть.

— Итак, значит, мы — союзники, — проговорил после минутного молчания фараон, — и я надеюсь, что этот союз принесет благоденствие Египту и Финикии...

— Всеми миру! — воскликнул Хирам.

— Скажи мне, однако, князь, откуда у тебя столько веры в меня?

— Я знаю твой благородный характер... Если бы ты, повелитель, не был фараоном, ты через несколько лет стал бы богатейшим финикийским купцом и главой нашего Совета...

— Допустим, — ответил Рамсес, — но ведь для того, чтобы сдержать данное вам обещание, я должен сперва раздавить жрецов. Это — борьба, а исход борьбы неизвестен.

Хирам улыбнулся.

— Государь, — сказал он, — если мы будем так низки, что покинем тебя, когда казна пуста, а враг поднял голову, ты проиграешь борьбу! Человек без средств легко теряет мужество, а от нищего царя отворачивается и его армия, и подданные, и вельможи... Поскольку же у тебя, государь, есть наше золото и наши агенты, да твоя армия с военачальниками, то со жрецами будет у тебя так же мало хлопот, как у слона со скорпионом. Ты ступишь на них ногой, и они будут раздавлены... Впрочем, это не мое дело. В саду ожидает верховный жрец Самонту, которому вы, ваше святейшество, велели прийти. Я удаляюсь. Теперь его час... Но достать тридцать тысяч талантов я постараюсь, пусть только ваше святейшество прикажет...

Хирам снова пал ниц и ушел, обещая прислать Самонту.

Вскоре верховный жрец явился. Как полагалось служителю Сета, он не брил бороды и густых всклокоченных волос. Лицо у него было строгое, а в глазах светился глубокий ум. Он поклонился без излишнего смирения и спокойно выдержал пронизывающий взгляд фараона.

— Садись, — сказал владыка.

Жрец сел на пол.

— Ты мне нравишься, — сказал Рамсес. — У тебя осанка и лицо гиксоса, а они — самые храбрые солдаты в моей армии.

И вдруг спросил:

— Это ты рассказал Хираму о договоре наших жрецов с ассирийцами?..

— Я, — ответил Самонту, не опуская глаз.

— Ты тоже участвовал в этой подлости?

— Нет, я подслушал этот договор... В храмах, как и во дворцах вашего святишества, стены пронизаны каналами, через которые даже с вершин пилонов можно слышать, что говорится в подземельях.

— А из подземелий можно говорить с людьми, живущими в верхних покаях... — заметил фараон.

— Выдавая это за голос богов, — прибавил с серьезным видом жрец.

Фараон улыбнулся. Значит, предположение, что это не дух отца говорил с ним и с матерью, было правильно.

— Почему ты доверил финикиянам столь важную государственную тайну? — спросил Рамсес.

— Потому что я хотел предотвратить позорный договор, который повредит и нам, и финикиянам.

— Ты мог предупредить кого-нибудь из знатных египтян.

— Кого? — спросил жрец. — Тех, кто бессилен против Херихора, или тех, кто донес бы ему на меня, обрекая на мученическую смерть? Я сказал Хираму, потому что он знается с нашими вельможами, с которыми я никогда не встречаюсь.

— А почему Херихор и Мефрес заключили подобный договор? — попытался фараон.

— Это, по моему мнению, люди недалекие. Их напугал Бероэс, великий халдейский жрец. Он сказал им, что над Египтом десять лет будет тяготеть злой рок и что если мы в течение этого времени начнем войну с Ассирией, то будем разбиты...

— И они поверили этому?

— Очевидно, Бероэс показывал им чудеса. Даже поднимался в воздух... Это, конечно, дело удивительное, но я никак не пойму, отчего мы должны терять Финикию, если Бероэс умеет подниматься над землей.

— Значит, и ты не веришь в чудеса?..

— Кое-чему верю, — ответил Самонту. — Бероэс, кажется, действительно совершает необыкновенные вещи. А наши жрецы только обманывают и народ и повелителя.

— Ты ненавидишь жреческую касту?

Самонту развел руками.

— Они меня тоже не терпят и, что еще хуже, глумятся надо мной будто бы потому, что я служу Сету. А между тем, что это за боги, которым приходится

поворачивать голову и руки при помощи веревочек. Или что это за жрецы, которые, притворяясь благочестивыми и воздержанными, имеют по десять женщин, тратят десять, а то и двадцать талантов в год, крадут жертвоприношения, возлагаемые на алтари, и ненамного умнее учеников высшей школы?

— Но вот ты же получаешь приношения от финикиян?

— А от кого мне получать?.. Одни только финикияне по-настоящему чтят Сета, боясь, чтобы он не потопил их кораблей. А у нас его чтят только бедняки, и если бы я довольствовался их жертвоприношениями, то умер бы с голоду вместе с моими детьми.

Фараон подумал, что этот жрец все же неплохой человек, хотя и выдает тайны храмов. К тому же он, по-видимому, умен и говорит то, что есть.

— Ты слыхал что-нибудь, — спросил опять государь, — про канал, который должен соединить Средиземное море с Красным?

— Это дело мне известно. Еще несколько сот лет тому назад наши инженеры разработали этот проект.

— А почему его до сих пор не выполнили?

— Жрецы боятся, чтобы в Египет не нахлынули иноземцы, которые могут подорвать нашу веру, а вместе с нею и их доходы.

— А правда то, что говорил Хирам про племена, живущие на далеком востоке?

— Все это совершенно верно. Мы знаем о них давно, и не проходит десятка лет, чтобы мы не получали из тех стран какого-нибудь драгоценного камня, рисунка или искусного изделия.

Фараон опять задумался и вдруг спросил:

— Ты будешь верно служить мне, если я сделаю тебя моим советником?

— Я буду служить тебе не на жизнь, а на смерть... Но... если я стану советником фараона, возмутятся жрецы, которые меня ненавидят.

— А не думаешь ли ты, что их можно сломить?

— И даже очень легко! — ответил Самонту.

— Какой же у тебя план на случай, если б я решил от них избавиться?

— Надо было бы завладеть сокровищницей Лабиринта, — объявил жрец.

— А мог бы ты добраться до нее?

— У меня есть уже кое-какие указания. Остальное я найду, потому что знаю, где искать.

— Ну, а потом что? — спросил фараон.

— Надо возбудить дело против Херихора и Мефреса по обвинению в государственной измене, в тайных сношениях с Ассирией...

— А где доказательства?..

— Мы их найдем при помощи финикийян, — ответил жрец.

— А не грозит ли это какой-нибудь опасностью для Египта?

— Никакой. Четыреста лет назад фараон Аменхотеп Четвертый свергнул власть жрецов, установив веру в единого бога Ра-Гормахиса[158]. При этом, разумеется, он захватил сокровища у храмов других богов. И вот уже тогда ни народ, ни армия, ни знать не заступились за жрецов... Что же говорить о нашем времени, когда былая вера давно пала!

— А кто же помогал Аменхотепу?

— Простой жрец Эйе.

— Тот самый, который после смерти Аменхотепа занял его трон, — сказал Рамсес, пристально глядя в глаза жрецу.

Но Самонту ответил спокойно:

— Этот случай доказывает, что Аменхотеп был никуда не годным правителем, который больше заботился о славе Ра, чем о государстве.

— Ты, право, настоящий мудрец! — вскричал Рамсес.

— Рад служить тебе, государь!

— Я назначаю тебя своим советником, — сказал фараон, — но ты не должен посещать меня тайком, а поселишься у меня во дворце.

— Прости, государь, но пока члены верховной коллегии не сядут в тюрьму за переговоры с врагами государства, мое присутствие во дворце принесет больше вреда, чем пользы. Я буду служить и давать советы вашему святейшеству, но тайно.

— И найдешь дорогу к сокровищнице Лабиринта?

— Я надеюсь, что, пока ты вернешься, государь, из Фив, мне удастся это сделать. Когда же мы перенесем сокровища во дворец и когда суд осудит Херихора и Мефреса, которых ваше святейшество может затем помиловать, тогда я, с разрешения фараона, выступлю явно и не буду больше служить Сету, что только отпугивает от меня людей.

— И ты думаешь, что все обойдется благополучно?

— Ручаюсь жизнью, — ответил жрец. — Народ любит тебя, и его нетрудно поднять против сановных предателей... Солдаты послушны тебе, как ни одному из фараонов со времен Рамсеса Великого... Кто же может устоять против этих сил?.. А ко всему этому к услугам твоим будут финикийяне и деньги — величайшая сила в мире.

Когда Самонту собрался уходить, фараон разрешил ему припасть к своим ногам и подарил тяжелую золотую цепь и запястье, украшенное сапфирами.

Не всякий вельможа удостаивался подобной милости за долгие годы службы.

Посещение Самонту и его обещания преисполнили сердце фараона новыми надеждами.

«Если бы только удалось добыть сокровища Лабиринта!..»

Ничтожной части их хватило бы на то, чтобы освободить знать от долгов финикиянам, улучшить жизнь крестьян и выкупить заложенные поместья фараона.

А какими сооружениями обогатилось бы государство!.. Да, богатства Лабиринта могли бы устранить все заботы. Ибо какой прок от того, что финикияне собирались предоставить Рамсесу большой заем? Заем надо будет когда-нибудь погасить с процентами или рано или поздно отдать в залог остальные царские поместья. Это могло только отсрочить разорение, но не предупредить его.

7

В половине месяца фаменот (январь) началась весна. Весь Египет зеленел всходами пшеницы, а на свежевспаханной земле сновали крестьяне, сеявшие люпин, бобы, фасоль и ячмень. В воздухе веяло ароматом померанцевых цветов. Вода почти совсем спала, и с каждым днем обнажались все новые и новые участки земли.

Приготовления к похоронам Осириса-Мери-Амон-Рамсеса были закончены. Освященная мумия фараона была уже заключена в белый футляр, верхняя часть которого точно воспроизводила черты покойного. Фараон, казалось, глядел своими эмалевыми глазами, и божественное лицо его выражало кроткую скорбь не о покинутом мире, а о людях, которым предстояло еще пережить страдания земной жизни. На голове у него был египетский чепец в белую и синюю полосу, на шее — нитки драгоценных камней; на груди — изображение человека, стоящего на коленях с распростертыми руками; на ногах — изображения богов, священных птиц и глаз, не принадлежащих никакому существу, а как будто смотрящих из пространства.

В таком виде останки царя покоились на драгоценном ложе в небольшом ящике из кедрового дерева, стенки которого были испещрены надписями, восхваляющими жизнь и подвиги покойного. Над телом парил чудесный ястреб с человеческой головой, а у ложа дежурил днем и ночью жрец, переодетый Анубисом, богом погребения, с головой шакала.

Кроме того, был приготовлен еще тяжелый базальтовый саркофаг, представляющий собою наружный гроб мумии. Этот саркофаг тоже имел формы и черты покойного фараона и был покрыт надписями и изображениями молящихся людей, священных птиц и скарабеев.

Семнадцатого фаменота мумию вместе с ящиком и саркофагом перенесли из «города мертвых» в царский дворец и установили в самом большом зале. Зал этот немедленно заполнили жрецы, поющие траурные гимны, представители знати и слуги покойного царя, особенно много было женщин умершего фараона, которые причитали так громко, что их вопли слышны были на другом берегу Нила.

— О господин!.. О господин наш!.. — взывали они. — Зачем ты покидаешь нас? Ты — такой прекрасный, такой добрый, так радушно беседовавший с нами... Почему ты теперь молчишь?.. Ведь ты нас любил, а теперь так далек от нас!

В это же время жрецы пели.

Хор первый. «Я — Тум, который один...»

Хор второй. «Я — Ра, первый в его лучах...»

Хор первый. «Я — бог, что сам себя создает...»

Хор второй. «И сам дает себе имя, и никто не удержит его среди богов...»

Хор первый. «Я знаю имя великого бога, который там...»

Хор второй. «Ибо я — великая птица Бенну[159], и я вижу все, что есть»[160].

После двух дней причитаний и молебствий к дворцу подъехала огромная колесница в виде ладьи. Ее края украшали бараньи головы и опахала из страусовых перьев, а над дорогим балдахинном парил орел и блестела золотом змея — урей, символ власти фараона.

На эту колесницу возложили священную мумию, невзирая на упорное сопротивление придворных женщин. Одни из них хватались за гроб, другие заклинали жрецов, чтобы те не отнимали у них дорогого господина, третьи царапали лица и рвали на себе волосы, даже били людей, несших саркофаг. Крик стоял ужасный.

Наконец, колесница, приняв божественные останки, тронулась, окруженная толпами народа, растянувшимися на огромное расстояние от дворца до Нила. И здесь были люди, измазанные грязью, исцарапанные, в траурных повязках, вопившие нечеловеческими голосами. Согласно траурному ритуалу по всему пути были расставлены хоры.

Хор первый. «На Запад, в обитель Осириса, на Запад идешь ты — первый среди людей, ненавидевший ложь».

Хор второй. «На Запад! Не оживет уже человек, который так любил правду и ненавидел ложь».

Хор возничих. «На Запад, быки, везущие траурную колесницу, на Запад!.. Ваш господин следует за вами».

Хор третий. «На Запад, на Запад, в страну справедливых. Место, которое ты возлюбил, стонет и плачет по тебе».

Толпа народа. «С миром иди в Абидос!.. С миром иди в Абидос!.. Да дойдешь ты с миром до Запада!»

Хор плакальщиц. «О господин наш... о господин наш, когда ты отходишь на Запад, сами боги рыдают!..»

Хор жрецов. «Он счастлив, наиболее чтимый среди людей! Его судьба позволяет ему отдохнуть в гробу, уготованном им самим».

Хор возничих. «На Запад, быки, везущие траурную колесницу!.. На Запад!.. Ваш господин следует за вами...»

Толпа народа. «С миром иди в Абидос!.. С миром иди в Абидос!.. К западному морю!..»[161]

Через каждые две-три сотни шагов стояли отряды солдат, приветствовавшие повелителя глухим барабанным боем и провожавшие его пронзительным воем труб. Это были не похороны, а триумфальное шествие в страну богов.

На некотором расстоянии за колесницей шел Рамсес XIII, окруженный многолюдной свитой военачальников, а за ним царица Никотриса, поддерживаемая двумя придворными дамами. Ни сын, ни мать не плакали, ибо им было известно (чего не знал простой народ), что покойный царь уже находится вместе с Осирисом и так доволен пребыванием на родине блаженства, что не хотел бы вернуться на землю.

После шествия, длившегося несколько часов и сопровождаемого несмолкающими криками, колесница с телом остановилась на берегу Нила.

Тут тело сняли с колесницы, имевшей форму ладьи, и перенесли на настоящую, раззолоченную, украшенную резьбой и живописью барку с белыми и пурпурными парусами.

Придворные женщины еще раз пытались отнять мумию у жрецов, еще раз запели хоры, заиграли военные оркестры. Затем на барку, увозящую царскую мумию, вошла царица Никотриса и несколько жрецов, народ стал бросать венки и букеты. Плеснули по воде весла...

Рамсес XII в последний раз покинул свой дворец, направляясь по Нилу к своей гробнице в Фивах. По дороге, как заботливый повелитель, он должен был заезжать во все знаменитые места, чтобы проститься с ними.

Путешествие тянулось очень долго. До Фив было около ста миль, плыть приходилось вверх по реке, и мумия должна была посетить больше десятка храмов и принять участие в торжественных службах.

Спустя несколько дней после отбытия Рамсеса XII на вечный покой по пути следования его тела выехал Рамсес XIII, чтобы видом своим утешить омертвелые от скорби сердца подданных, принять от них почести и совершить жертвоприношения богам. За покойным царем следовали, каждый на собственном судне, все верховные жрецы, множество старших жрецов, наиболее богатые владельцы поместий и большая часть номархов.

Новый фараон с горечью думал, что его свита будет немногочисленна. Но оказалось иначе. Вокруг Рамсеса XIII группировались все полководцы, очень много чиновников, множество представителей знати и все низшие жрецы, что скорее удивило, чем обрадовало его. Но это было только начало. Ибо, когда судно молодого фараона двинулось по Нилу, навстречу ему выплыло такое множество больших и малых, бедных и богатых лодок, что почти вся река была покрыта ими. В них сидели нагие крестьяне и работники со своими семьями, нарядные купцы, финикияне в ярких одеждах, проворные греческие матросы и даже ассирийцы и хетты.

Эта толпа уже не кричала, а выла, не радовалась, а безумствовала. Поминутно на царское судно взбиралась какая-нибудь депутация, чтобы облобызать палубу, которой касались ноги повелителя, и поднести дары: горсточку зерна, лоскут ткани, простой глиняный кувшин, несколько птичек, а большей частью просто букет цветов. И еще прежде чем фараон отъехал от Мемфиса, барку, куда складывали приношения, пришлось несколько раз разгружать, чтобы она не утонула. Младшие жрецы переговаривались между собой о том, что, кроме Рамсеса Великого, ни одного фараона не приветствовали с таким восторгом.

Так прошло все путешествие от Мемфиса до Фив, причем неистовство народа не ослабевало, а, напротив, усиливалось. Крестьяне покидали свои поля, ремесленники — свои мастерские, чтобы порадоваться созерцанием нового повелителя, о планах которого уже создались легенды. Ожидали огромных перемен, хотя никто не знал — каких. Одно только было известно, что строгость чиновников смягчилась, что финикияне с меньшей жестокостью собирают подати и что всегда покорный египетский народ уже не склоняет так низко голову перед жрецами.

— Пусть только разрешит фараон, — говорили в харчевнях, на полях и на рынках, — мы сразу наведем порядок и расправимся со святыми мужами. Это они виноваты, что мы платим большие налоги и что раны на наших спинах никогда не заживают.

В семи милях к югу от Мемфиса, между отрогами Ливийских гор, лежала страна Пиом, или Фаюм, замечательная тем, что она была создана человеческими руками.

Когда-то в этом месте была пустынная котловина, окруженная амфитеатром голых гор. Фараон Аменемхет^[162] за 3500 лет до рождения Христа возымел дерзкое намерение превратить ее в цветущий край.

С этой целью он отделил восточную часть котловины и окружил этот участок мощной плотиной. Она была высотой с двухэтажный дом, толщиной у основания около ста шагов и больше сорока километров длиной.

Таким образом, было создано водохранилище вместимостью до тех миллиардов кубических метров (три кубических километра) воды, поверхность которой занимала около трехсот квадратных километров. Водоохранилище это служило для орошения четырехсот тысяч моргов почвы, а, кроме того, в период разлива

принимало в себя избыток воды и предохраняло значительную часть Египта от внезапного наводнения.

Этот огромный водоем назывался Меридовым озером и считался одним из чудес мира. Благодаря ему пустынная местность превратилась в плодородную страну Пиом, где проживало и благоденствовало около двухсот тысяч жителей. В провинции этой, наряду с пальмами и пшеницей, выращивались прекрасные розы. Из них вырабатывали розовое масло, которое славилось не только в Египте, но и за его пределами.

Существование Меридова озера было связано с другим чудом искусства египетских инженеров — каналом Иосифа[163]. Канал этот, шириной в двести шагов, тянулся на несколько десятков миль в длину по западную сторону Нила. Расположенный в двух милях от реки, он служил для орошения земель, граничащих с Ливийскими горами, и отводил воду в Меридово озеро.

Вокруг страны Фаюм возвышалось несколько древних пирамид и множество более мелких гробниц. А на восточной ее границе, неподалеку от Нила, стоял знаменитый Лабиринт. Он был тоже построен Аменемхетом и имел форму исполинской подковы, занимавшей участок земли в тысячу шагов длиной и шестьсот шириной. Здание это было величайшей сокровищницей Египта. В нем покоились мумии многих прославленных фараонов, знаменитых жрецов, полководцев, строителей, а также чучела священных животных, особенно крокодилов. Тут хранились накопленные в продолжение веков богатства египетского царства, о которых в настоящее время трудно даже составить себе представление.

Лабиринт не был недоступен снаружи и не очень бдительно охранялся: охрану его составлял лишь небольшой караул солдат жреческой армии и несколько жрецов испытанной честности. Безопасность сокровищницы зиждилась, собственно, на том, что, за исключением нескольких лиц, никто не знал, где искать ее среди Лабиринта, состоявшего из двух ярусов — надземного и подземного, в которых насчитывалось по тысяче пятисот комнат.

Каждый фараон, каждый верховный жрец, наконец, каждый главный казначей и верховный судья был обязан немедленно по вступлении в должность собственными глазами осмотреть государственное достояние. Однако никто из вельмож не только не нашел бы туда пути, но не мог бы даже представить себе, где находится сокровищница: в главном ли корпусе или в одном из флигелей, над землей или под землей.

Некоторым казалось, что сокровищница находится действительно под землей, далеко за пределами самого Лабиринта; другие полагали, что она лежит под дном озера, чтобы в случае нужды ее можно было затопить. Вообще же никто из вельмож не вникал в этот вопрос, зная, что покушение на достояние богов влечет за собой гибель святотатца.

Возможно, впрочем, что кому-нибудь из непосвященных и удалось бы найти туда дорогу, если бы всякую такую попытку не парализовал страх. Тому, кто

осмелился бы безбожным разумом посягнуть на открытие этих тайников, и всем его близким угрожала земная и вечная смерть.

Прибыв в эти места, Рамсес XIII посетил прежде всего провинцию Фаюм. Она была похожа на внутренность глубокой чаши, дном которой было озеро, а краями — холмы. Повсюду взор его встречал сочную зелень трав, пестреющих цветами, верхушки пальм, рощи смоковниц и тамариндов, в которых с восхода до заката солнца раздавалось пение птиц и веселые голоса людей. Это был, пожалуй, самый счастливый уголок Египта.

Народ встретил фараона восторженно. Его и свиту засыпали цветами, ему преподнесли несколько кувшинчиков драгоценнейших духов и больше десяти талантов золота и драгоценных камней.

Два дня провел фараон в роскошной местности, где радость, казалось, расцветала на деревьях, кружилась в воздухе, отражалась в водах озера. Но ему напомнили, что он должен посетить Лабиринт. С грустью покинул он Фаюм и, уезжая, все время оглядывался назад. Вскоре, однако, его внимание поглотило величественное здание серого цвета, возвышавшееся на холме.

У ворот пережившего века Лабиринта встретила фараона небольшая группа жрецов аскетического вида и отряд солдат с бритыми головами и лицами.

— Эти солдаты скорее похожи на жрецов! — воскликнул Рамсес.

— Потому что все они получили посвящение в низший сан, а их сотники — в высший, — ответил верховный жрец храма.

Всмотревшись поближе в лица странных воинов, которые не ели мяса и жили в безбрачии, фараон уловил в них пронизательный ум и спокойную энергию. Убедился он также, что его священная персона не производит в этом месте никакого впечатления.

«Интересно, как думает попасть сюда Самонту?» — мелькнуло в голове у фараона.

Он понял, что этих людей нельзя ни запугать, ни подкупить. От них веяло такой уверенностью, точно у каждого были в распоряжении непобедимые полчища духов.

«Посмотрим, — подумал Рамсес, — испугаются ли этих богобоязненных мужей мои греки и азиаты? К счастью, они такие дикари, что даже не заметят особой торжественности этих физиономий...»

По просьбе жрецов свита Рамсеса XIII осталась у ворот как бы под наблюдением солдат с бритыми головами.

— И меч надо оставить? — спросил фараон.

— Он нам не мешает, — ответил старший смотритель.

За такой ответ молодой фараон готов был огреть этим мечом благочестивого мужа, однако сдержался.

Пройдя огромный двор между двумя рядами сфинксов, фараон и жрецы попали в главный корпус. Тут в просторных, но несколько затененных сенях было восемь дверей. Смотритель спросил:

— Через какую дверь, ваше святейшество, хотите пройти к сокровищнице?

— Через ту, которая нас скорее приведет.

Каждый из пяти жрецов взял по два пучка факелов, но только один из них зажег свет. Рядом с ним шел старший смотритель, держа в руке длинную нитку четок, на которых были какие-то знаки. За ними следовал Рамсес с тремя остальными жрецами.

Старший жрец с четками повернул вправо; они вошли в большой зал, стены и колонны которого были испещрены надписями и рисунками. Оттуда прошли через узкий коридор наверх и очутились в другом зале с большим количеством дверей. Тут перед ними сдвинулась в сторону одна из плит пола, открыв отверстие, через которое они спустились вниз и опять по узкому коридору направились в комнату, где совсем не было дверей. Но проводник дотронулся до одного из иероглифов, и стена раздвинулась перед ними.

Рамсес хотел определить направление, в каком они идут, но сразу же сбился. Он видел только, что они быстро проходят через большие залы, маленькие комнаты, узкие коридоры и то карабкаются вверх, то спускаются вниз и что в некоторых залах много дверей, а в других их совсем нет. Одновременно он заметил, что перед тем, как войти, проводник передвигает одно зерно своих четок, а иногда при свете факела сравнивает знаки на четках со знаками на стенах.

— Где мы сейчас, — спросил вдруг фараон, — в подземном ярусе или наверху?..

— Во власти богов, — ответил один из его спутников.

После нескольких поворотов и переходов фараон опять нарушил молчание.

— Да ведь мы уже были здесь чуть не два раза, — сказал он.

Жрецы не ответили, только несший факел осветил по очереди стены, и Рамсес, всмотревшись, должен был согласиться в душе, что они здесь, кажется, еще не были.

В небольшой комнате без дверей жрец, несший факел, опустил его, и фараон увидал на полу черный высохший труп, укутанный полуистлевшей одеждой.

— Это, — сказал смотритель здания, — труп одного финикиянина, который при шестнадцатой династии пытался пробраться в Лабиринт и дошел до этого места.

— Его убили? — спросил фараон.

— Он умер с голоду.

Они шли уже с полчаса, как вдруг державший факел осветил в коридоре нишу, где тоже лежал высохший труп.

— Это, — заявил смотритель, — труп нубийского жреца, который в царствование деда вашего святейшества пытался сюда проникнуть.

Фараон не спрашивал, что с ним случилось. Ему казалось, что он находится где-то глубоко внизу и что здание давит его своей тяжестью. О том, чтобы как-нибудь ориентироваться в сотнях коридоров, зал, комнат, он больше не думал. И даже не пытался уяснить себе, каким чудом расступаются перед ними каменные стены или проваливаются полы.

«Самонту ничего не сделает, — думал он, — или погибнет, как эти двое, про которых я должен буду ему рассказать».

Такого удрученного состояния, такого сознания своего ничтожества и бессилия он никогда еще не испытывал. Иногда ему казалось, что жрецы покинут его вдруг в одной из этих узких комнат без дверей. Его охватывало отчаяние, и он протягивал руку к мечу, готовый изрубить их. Но тут же спохватывался, что без их помощи ему не выйти отсюда, и поникал головой.

«О, если б хоть на минуту увидеть дневной свет!.. Как страшна должна быть смерть в этих трех тысячах комнат, наполненных мраком!»

Души героев испытывают иногда минуты такого уныния, каких обыкновенный человек даже не может себе представить.

Шествие длилось уже около часа, когда они наконец дошли до длинного зала с двумя рядами восьмиугольных колонн. Трое жрецов, окружавших фараона, разошлись по сторонам, причем Рамсес заметил, что один из них прислонился к колонне и как будто вошел в нее. Минуту спустя в одной из стен открылся узкий проход, жрецы вернулись на свои места, а их проводник велел зажечь четыре факела. Все направились к этому проходу и осторожно протиснулись в него.

— Вот кладовые... — сказал смотритель здания.

Жрецы быстро зажгли факелы, укрепленные у колонн и стен, и Рамсес увидел ряд длинных комнат, заполненных всевозможными изделиями, которым цены не было. В эту коллекцию каждая династия, если не каждый фараон, вкладывали все, что было у них наиболее красивого и ценного.

Здесь были колесницы, ладьи, кровати, столы, ларцы и троны, золотые или обитые листовым золотом и инкрустированные слоновой костью, перламутром, разноцветным деревом — с таким необычайным искусством и так богато, что на каждую из этих вещей были потрачены ремесленниками-художниками десятки лет; были доспехи, шлемы, щиты и колчаны, сверкавшие драгоценными камнями, были кувшины, чаши и ложки из чистого золота, драгоценные одежды и балдахины.

Все это благодаря сухости и чистоте воздуха в продолжение столетий сохранялось без изменения и порчи. Среди особых достопримечательностей фараон заметил серебряную модель ассирийского дворца, подаренную Рамсесу XII Саргоном. Верховный жрец, объясняя фараону, какой подарок кем

преподнесен, внимательно всматривался в его лицо, но вместо восторга улавливал одно лишь недовольство.

— Скажите мне, — спросил вдруг фараон, — какая польза от этих сокровищ, запертых в темном подземелье?

— В них заключается огромная сила на случай, если бы Египет оказался в опасности. За несколько этих шлемов, колесниц, мечей мы можем купить себе расположение всех ассирийских наместников. А может быть, не устоял бы и царь Ассар, если бы мы преподнесли ему утварь для тронного зала или оружейной.

— Я думаю, что они предпочтут все отнять мечом, чем получить только кое-что за свое расположение к нам, — заметил фараон.

— Пусть попробуют, — ответил жрец.

— Понимаю. У вас, по-видимому, имеется способ уничтожить сокровища. Но в таком случае уже никто ими не воспользуется.

— Это не моего ума дело. Мы стережем то, что нам поручено, и поступаем, как нам приказано.

— А разве не лучше было бы использовать часть этих сокровищ для подкрепления государственной казны, чтобы вывести Египет из плачевного положения, в каком он сейчас находится? — спросил фараон.

— Это уже зависит не от нас.

Рамсес нахмурил брови. Некоторое время он рассматривал предметы — без особого, впрочем, восхищения — и снова спросил:

— Хорошо. Эти искусные изделия могут пригодиться, чтоб приобрести расположение ассирийских вельмож. Но если вспыхнет война с Ассирией, на какие средства мы добудем хлеб, людей и оружие у народов, которые не очень разбираются в художественных диковинах?

— Откройте сокровищницу!.. — распорядился верховный жрец.

Жрецы немедленно повиновались. Двое скрылись, как будто вошли внутрь колонны, а один по лесенке взобрался на стену и стал вертеть что-то около резного украшения.

Опять раздвинулась потайная дверь, и Рамсес вошел в настоящее хранилище.

Это была просторная комната, заполненная бесценными сокровищами. Там стояли глиняные бочки, наполненные золотым песком, золотые слитки, сложенные как кирпичи, и связанные пучками золотые стержни. Серебряные слитки составляли как бы стену шириной в несколько локтей, высотой до потолка. В нишах и на каменных столах лежали драгоценные камни всех цветов радуги: рубины, топазы, изумруды, сапфиры, алмазы, наконец, жемчужины величиной с орех и даже с птичье яйцо. Были среди них такие драгоценности, что за одну можно было бы купить целый город.

— Вот наше богатство на случай бедствия, — сказал жрец-смотритель.

— Какого же еще бедствия вы ждете? — спросил фараон. — Народ нищ, знать и двор в долгах, армия сокращена наполовину, у фараона нет денег — разве был когда-нибудь Египет в худшем положении?

— Он был в худшем, когда его покорили гиксосы.

— Еще через десяток-другой лет, — ответил Рамсес, — нас покорят даже израильтяне, если их не опередят ливийцы и эфиопы. А тогда эти чудесные камни, разбитые на мелкие осколки, пойдут на украшение еврейских и негритянских сандалий...

— Будьте спокойны, ваше святейшество, — в случае нужды не только сокровищница, но и весь Лабиринт исчезнет бесследно вместе со своими хранителями.

Рамсес окончательно понял, что перед ним фанатики, которые думают только об одном — чтобы никого не допустить к овладению этим богатством.

Фараон присел на груды золотых слитков и сказал:

— Так вы храните эти драгоценности на случай народных бедствий?

— Да, святейший государь.

— Хорошо. Но кто же вас, хранителей, известит, что именно такое бедствие наступило, если оно наступит?

— Для этого должно быть созвано чрезвычайное собрание, в котором примут участие фараон, тринадцать высших жрецов, тринадцать номархов, тринадцать представителей знати, тринадцать офицеров и по тринадцати человек из купцов, ремесленников и крестьян, обязательно коренных египтян.

— Значит, такому собранию вы отдадите сокровища? — спросил фараон.

— Дадим необходимую сумму, если все собрание единодушно решит, что Египет находится в опасности, и...

— И что?..

— И если статуя Амона в Фивах подтвердит это решение.

Рамсес склонил голову, чтобы скрыть свою радость. У него уже был готов план.

«Я созову такое собрание и склоню его к единодушию, — подумал он про себя. — Думаю, что и божественная статуя Амона подтвердит его решение, если я окружу жрецов моими азиатами».

— Спасибо вам, благочестивые мужи, — сказал он громко, — за то, что вы показали мне драгоценности, колоссальная стоимость которых не мешает мне быть самым нищим из всех царей на свете. А теперь я попрошу вас вывести меня самой короткой и удобной дорогой.

— Желаем вашему святейшеству, — ответил смотритель, — прибавить в Лабиринт еще столько же богатств, сколько вы сейчас видели. А что касается выхода отсюда, то есть только один путь, и по нему нам придется возвращаться.

Один из жрецов подал Рамсесу несколько фиников, другой флягу с вином, приправленным укрепляющими веществами. К фараону вернулись силы, и он пошел бодрее.

— Много бы дал я, — сказал он, смеясь, — чтобы понять все извилины этой причудливой дороги.

Жрец-проводник остановился.

— Уверяю вас, ваше святейшество, мы и сами не знаем и не помним дороги, хотя каждый из нас ходил по ней больше десятка раз.

— Каким же образом вы сюда попадаете?

— Мы пользуемся некоторыми указаниями, но если бы у нас, хотя бы, например, сейчас, какое-нибудь из них исчезло, мы погибли бы здесь от голода.

Наконец они вышли в наружные комнаты, а из них во двор.

Фараон огляделся вокруг и несколько раз глубоко вздохнул.

— За все сокровища Лабиринта я не хотел бы их сторожить!.. Грудь сжимается от страха, когда подумаешь, что можно умереть в этой каменной темнице.

— Но можно и привязаться к ней, — ответил с улыбкой старший жрец.

Фараон поблагодарил каждого из своих провожатых и в заключение сказал:

— Я бы хотел оказать вам какую-нибудь милость. Требуйте...

Но жрецы равнодушно молчали, а начальник их сказал:

— Прости мне, государь, дерзость, но чего мы могли бы пожелать? Наши фиги и финики так же сладки, как плоды и ягоды твоего сада, вода так же хороша, как вода в твоём колодце, а если б нас привлекали богатства, разве у нас их не больше, чем у всех царей?

«Этих я ничем не склоню на свою сторону, — подумал фараон. — Но... я дам им решение чрезвычайного собрания, подтвержденное Амоном».

8

Покинув Фаюм, фараон и его свита недели две плыли на юг, вверх по Нилу: их окружали тучи лодок, их приветствовали радостными криками, засыпали цветами.

По обоим берегам реки, на фоне зеленых полей, тянулись ряды крестьянских хижин, рощи смоковниц и пальм. То и дело среди зелени мелькали белые домики какого-нибудь городка или показывался большой город с разноцветными зданиями, с величественными пилонами храмов.

На западе смутно виднелась гряда Ливийских гор, а на востоке — Аравийская горная цепь, которая подступала все ближе к реке. Можно было разглядеть ее изрытые желтые, розовые или почти черные скалы, напоминавшие своим видом развалины сооруженных исполинами крепостей или храмов.

Посреди Нила попадались островки, которые как будто только вчера всплыли на поверхность, а сегодня стояли уже покрытые пышной растительностью, населенные бесчисленными стаями птиц. Когда появлялся шумный кортеж фараона, птицы в испуге взлетали и, кружа над судами, присоединяли свой крик к мощным возгласам народа. Над всем этим высилось безоблачное небо и солнце струило свой живительный свет, в потоках которого даже черная земля приобретала какой-то блеск, а камни окрашивались всеми цветами радуги.

Время проходило быстро и приятно. Сперва фараона немного раздражали эти непрекращающиеся крики, но потом он так привык к ним, что уже не обращал на них внимания и мог изучать документы, совещаться и даже спать.

В тридцати — сорока милях от Фаюма на левом берегу Нила находился большой город Сиут[164], в котором Рамсес отдохнул несколько дней. Остановиться было необходимо, потому что мумия покойного царя находилась еще в Абидосе, где у гробницы Осириса совершались торжественные моления.

Сиут был одним из наиболее богатых городов Верхнего Египта. Здесь выделялась знаменитая посуда из белой и черной глины и ткались полотна; здесь был главный рынок, куда привозили товары из разбросанных в пустыне оазисов. Тут, наконец, находился знаменитый храм Анубиса, бога с головой шакала.

На второй день пребывания фараона в этом городе к нему явился жрец Пентуэр, председатель комиссии, обследовавшей положение народа.

— У тебя есть какие-нибудь новости? — спросил фараон.

— Есть. Весь Египет благословляет тебя, государь. С кем мне ни приходилось говорить, все полны надежд и думают, что твое царствование возродит государство.

— Я хочу, — ответил фараон, — чтобы мои подданные были счастливы и народ вздохнул свободнее. Хочу, чтобы Египет имел, как когда-то, восемь миллионов населения и отвоевал землю, захваченную у него пустыней. Хочу, чтоб трудящийся человек отдыхал каждый седьмой день и чтобы у каждого земледельца был собственный кусок земли.

Пентуэр пал ниц перед милостивым фараоном.

— Встань, — сказал Рамсес. — Надо, однако, признаться, у меня были часы тяжелой скорби. Я вижу бедственное положение моего народа, я хочу помочь ему, а мне сообщают, что казна пуста. Ты ведь сам прекрасно понимаешь, что без нескольких десятков тысяч талантов наличными деньгами я не могу решиться

на какие бы то ни было реформы. Но сегодня я спокоен: я нашел способ добыть необходимые средства из Лабиринта.

Пентуэр с удивлением посмотрел на повелителя.

— Хранитель сокровищ разъяснил мне, что я должен сделать. Надо созвать общее собрание всех сословий по тринадцати представителей от каждого, и, если они заявят, что Египет находится в нужде. Лабиринт выдаст им ценности... О боги! — прибавил он. — За несколько... за одно их тех сокровищ, что там лежат, можно дать народу пятьдесят дней отдыха в году!.. Трудно придумать, как можно было бы употребить их с большей пользой.

Пентуэр покачал головой.

— Повелитель, — сказал он, — шесть миллионов египтян, со мной и моими друзьями в числе первых, согласятся, чтобы ты почерпнул из этой сокровищницы. Но... не обманывай себя, сто высших сановников государства воспротивятся этому, и ты ничего не получишь.

— Уж не хотят ли они заставить меня просить милостыню на паперти какого-нибудь храма?.. — вырвалось у фараона.

— Нет, — ответил жрец, — они будут бояться, чтобы раз тронутая сокровищница не опустела. Они будут подозревать вернейших твоих слуг в желании сделать сокровищницу Лабиринта источником наживы. И тогда зависть станет нашептывать им: «А почему бы и нам не воспользоваться?..» Не ненависть к тебе, а именно это взаимное недоверие и жадность вызовут их сопротивление.

Фараон, выслушав его, успокоился и даже улыбнулся.

— Если это так, как ты говоришь, дорогой Пентуэр, то не сомневайся, — сказал он. — Сейчас я понял, для чего Амон установил власть фараона и наделил его сверхчеловеческим могуществом. Для того, видишь ли, чтобы сто, хотя бы и самых знатных, негодяев не могли погубить государство. — Рамсес встал с кресла и прибавил: — Скажи моему народу, пусть терпеливо работает... Скажи верным мне жрецам, чтобы они служили богам и изучали пути, ведущие к мудрости, этому солнцу вселенной. А строптивых и подозрительных вельмож предоставь мне. Горе им, если они разгневают меня!

— Повелитель! — промолвил жрец. — Я всегда буду служить тебе верой и правдой.

Но когда, простившись, Пентуэр уходил, лицо его выдавало озабоченность.

В пятнадцати милях от Сиута, вверх по реке, дикие аравийские скалы подступают почти к самому Нилу, а Ливийские горы отодвигаются от него так далеко, что простирающаяся там долина, пожалуй, самая широкая в Египте. В этом месте стояли рядом два высокочтимых города: Тин и Абидос^[165]. Там родился Менес, первый фараон Египта; там сто тысяч лет назад было опущено в могилу святое тело бога Осириса, предательски убитого своим братом Тифоном. Там, наконец, в память этих великих событий незабываемый вовеки фараон Сети^[166] воздвиг

храм, к которому стекались паломники со всего Египта. Каждый правоверный должен был хоть раз в жизни коснуться челом этой благословенной земли. Воистину же счастливым был тот, чья мумия могла совершить путешествие в Абидос и остановиться хотя бы вдалеке от стен храма.

Мумия Рамсеса XII пробыла там несколько дней, ибо это был царь, отличавшийся большим благочестием. Неудивительно поэтому, что и Рамсес XIII начал свое правление возданием почестей гробнице Осириса.

Храм Сети не принадлежал ни к числу самых древних, ни наиболее величественных в Египте. Но он отличался чистотой египетского стиля. Его святейшество Рамсес XIII посетил его и вместе с верховным жрецом Сэмом совершил в нем жертвоприношение.

Земли, принадлежавшие храму, занимали пространство в сто пятьдесят моргов; здесь были пруды, изобиловавшие рыбой, цветники, плодовые сады, огороды и, наконец, дома, вернее, дворцы жрецов. Повсюду росли пальмы, смоковницы, апельсины, тополя, акации, образуя либо аллеи, проложенные в направлении четырех стран света, либо молодые рощи, где деревья были правильно рассажены и почти одинаковой высоты.

Под бдительным оком жрецов даже растения здесь не развивались естественно, а, получая искусственные формы геометрических фигур, образовывали неправильные, но живописные группы.

Пальмы, тамаринды, кипарисы и мирты, подобно солдатам, выстраивались шпалерами или колоннадами. Трава представляла собой ковер, разукрашенный цветами так, чтобы простой народ видел на этих газонах изображения богов или священных животных, а мудрец находил изречения, написанные иероглифами.

Центральную часть садов занимал прямоугольник длиной в девятьсот метров и шириной в триста. В окружавшей его не очень высокой стене были одни видимые для всех ворота и больше десятка потайных калиток. Через ворота богомольцы входили в выложенный камнем двор. Самый храм стоял посреди двора; это было прямоугольное здание в четыреста пятьдесят шагов длиной и сто пятьдесят шириной.

От ворот к храму вела аллея сфинксов с львиными телами и человеческими головами. Они стояли в два ряда, по десяти в каждом, и смотрели друг другу в глаза. Между ними могли проходить лишь высшие сановники.

В конце аллеи сфинксов, против ворот, возвышались два обелиска — две тонкие и высокие четырехугольные колонны из гранита, — на которых была начертана вся история фараона Сети.

И лишь за обелисками виднелись тяжелые ворота храма, по обеим сторонам которых высились два мощных сооружения в виде усеченных пирамид, называемые пилонами. Это были как бы две широкие башни, стены которых были испещрены рисунками, изображавшими победы Сети или его жертвоприношения богам. В эти ворота уже не могли пройти крестьяне, а только

богатые горожане и лица привилегированных сословий. Ворота вели в перистиль, то есть двор, окруженный галереей, поддерживаемой множеством колонн. Перистиль мог вместить до десяти тысяч молящихся.

Со двора знатные люди имели еще право входить в первый зал, гипостиль, потолок которого поддерживался двумя рядами высоких колонн. Гипостиль вмещал около двух тысяч верующих. Этот зал был последним пределом для мирян. Даже самые высшие сановники, не получившие жреческого посвящения, имели право молиться только здесь и с этого места смотреть на занавешенную статую бога, возвышавшуюся в зале «божественного откровения».

За залом «откровения» находился зал «жертвенных столов», куда жрецы складывали дары, приносимые богам верующими. Далее находился «зал отдохновения», где бог отдыхал перед торжественным шествием и после возвращения; последней была часовня, или святилище, где бог пребывал постоянно.

В часовне, выдолбленной в каменной глыбе, было обычно тесно и темно. Со всех сторон к ней примыкали такие же небольшие приделы, где хранились одежда и утварь, сосуды и драгоценности бога, который в своем неприступном убежище спал, умывался, натирался благовониями, ел и пил и, возможно даже, принимал молодых и красивых женщин.

В святилище входил только верховный жрец и царствующий фараон, если он получил посвящение. Простой смертный, попав туда, мог лишиться жизни.

Стены и колонны каждого зала были покрыты надписями и поясняющей живописью. В галерее, окружавшей двор (перистиль), были запечатлены имена и портреты всех фараонов, от Менеса, первого повелителя Египта, до Рамсеса XII. В гипостиле, куда доступ имела только знать, была представлена наглядным способом география и статистика Египта и покоренных народов; в «зале откровения» — календарь и астрономические карты; в залах «жертвенных столов» и «отдохновения» — картины религиозно-обрядового содержания, а в святилище — наставления, как вызывать загробные тени и управлять силами природы.

Эти познания, недоступные простым смертным, были заключены в выражения столь сложные, что даже жрецы эпохи Рамсеса XII уже не понимали их. Лишь халдею Бероэсу дано было воскресить умирающую премудрость.

Отдохнув два дня в абидосском дворце, Рамсес XIII отправился в храм. На фараоне была белая рубашка, золотой панцирь, передник в оранжевую и синюю полосу, стальной меч и золотой шлем. Он сел в колесницу, запряженную лошадьми, в страусовых перьях, которых вели под уздцы номархи, и, окруженный свитой, медленно двинулся к дому Осириса.

Куда бы он ни глянул — на поля, на реку, на крыши домов, даже на ветви смоковниц, — всюду теснился народ и раздавались несмолкаемые крики, напоминавшие рев бури.

Доехав до храма, фараон остановил колесницу и сошел у наружных ворот, предназначенных для народа, что очень понравилось толпе и порадовало жрецов. Он пешком прошел аллею сфинксов и, приняв приветствия святых мужей, возжег курения перед статуями Сети по обе стороны широких ворот, изображавшими бога в сидячем положении.

В перистиле верховный жрец обратил его внимание на мастерски исполненные портреты фараонов и показал место, предназначенное для его изображения; в гипостиле он объяснил ему значение географических карт и статистических таблиц. В зале «божественного откровения» Рамсес воскурил благовония перед огромной статуей Осириса; там же верховный жрец показал ему колонны, посвященные отдельным планетам: Меркурию, Венере, Луне, Марсу, Юпитеру и Сатурну. Эти семь колонн стояли вокруг статуи лучезарного божества.

— Ты говоришь, — спросил Рамсес, — что есть шесть планет, а я вижу тут семь колонн...

— Эта седьмая представляет землю, которая тоже является планетой, — тихо ответил верховный жрец.

Удивленный фараон потребовал разъяснений, но мудрец молчал и только жестами дал понять, что для дальнейших откровений уста его запечатаны.

В зале «жертвенных столов» послышалась тихая, приятная музыка, под звуки которой хор жрецов и жриц исполнил торжественный танец. Фараон снял свой золотой шлем и драгоценный панцирь и пожертвовал и то и другое Осирису, пожелав, чтобы эти дары остались в сокровищнице бога, а не были сданы в Лабиринт.

За эту щедрость верховный жрец подарил повелителю самую красивую во всем хоре пятнадцатилетнюю танцовщицу, которая, казалось, была очень довольна своей судьбой.

Когда Рамсес очутился в «зале отдохновения», он воссел на трон, а его заместитель в делах религии верховный жрец Сэм, при звуках музыки, окруженный дымом благовонных курений, вошел в святилище, чтобы вынести оттуда статую бога.

Вскоре раздался оглушительный звон колокольчиков, и в полумраке зала появилась золотая ладья; она была закрыта завесами, которые шевелились, как будто там сидело живое существо.

Жрецы пали ниц, Рамсес же стал пристально вглядываться в прозрачные завесы. Одна из них приоткрылась, и фараон увидел ребенка необычайной красоты, посмотревшего на него такими умными глазами, что повелителю Египта стало даже страшно.

— Вот он, Гор, — шептали жрецы, — Гор — восходящее солнце, он сын и отец Осириса и муж своей матери, она же — его сестра.

Началась процессия, но лишь по внутренней части храма. Впереди шли арфисты и танцовщицы, потом белый бык с золотым щитом между рогами, за ними два хора жрецов, затем верховные жрецы, несшие бога, потом опять хоры и, наконец, фараон в носилках, несомых восьмью жрецами.

Когда процессия обошла все залы и галереи храма, бог и Рамсес вернулись в «зал отдохновения». Завесы, скрывавшие святую ладью, приоткрылись во второй раз, и прекрасный ребенок улыбнулся фараону. Потом Сэм отнес ладью и бога в святилище.

«Не стать ли мне верховным жрецом?» — подумал фараон, которому ребенок так понравился, что ему хотелось бы видеть его почаще.

Но когда он вышел из храма и увидел солнце и бесчисленную толпу ликующего народа, он признался себе, что ничего не понимает. Откуда взялся этот ребенок, не похожий на египетских детей, откуда этот сверхчеловеческий ум в его глазах и что все это означает?

Вдруг ему вспомнился его убитый сын, который мог быть таким же красивым, и на глазах у ста тысяч подданных повелитель Египта заплакал.

— Уверовал!.. Фараон уверовал!.. — стали перешептываться жрецы... — Только вошел в обитель Осириса, как смягчилось его сердце!..

В тот же день исцелились слепой и два паралитика, молившиеся за стеною храма. Коллегия жрецов решила занести этот день в число чудотворных и на наружной стене храма нарисовать картину, изображающую прослезившегося фараона и исцеленных калек.

Поздно, после полудня, Рамсес вернулся к себе во дворец, где выслушал доклады. Когда же все вельможи покинули фараона, явился Тутмос и сказал:

— Жрец Самонту хочет тебе выразить свои верноподданнические чувства.

— Хорошо, приведи его.

— Он покорнейше просит тебя, государь, чтобы ты принял его в шатре в военном лагере, уверяя, что у дворцовых стен есть уши...

— Хотел бы я знать, что ему нужно?.. — сказал фараон и сообщил придворным, что ночь проведет в лагере.

Перед закатом солнца фараон уехал с Тутмосом к своим верным полкам и нашел там в лагере царский шатер, у которого, по приказу Тутмоса, несли караул азиаты.

Вечером явился Самонту в плаще паломника и, почтительно приветствовав его святейшество, прошептал:

— Мне кажется, что всю дорогу за мной шел какой-то человек, который остановился неподалеку от твоего божественного шатра. Может быть, он подослан жрецами?

По приказу фараона Тутмос выбежал и действительно нашел постороннего офицера.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Я — Эннана, сотник полка Исиды... несчастный Эннана. Ты не помнишь меня? Больше года назад на маневрах в Пи-Баилосе я заметил священных скарабеев...

— Ах, это ты!.. — удивился Тутмос. — Но ведь твой полк стоит не в Абидосе?

— Уста твои — источник истины. Мы стоим в жалком захолустье под Меной, где жрецы заставили нас чинить канал, словно каких-нибудь крестьян или евреев.

— Как же ты попал сюда?

— Я выпросил отпуск на несколько дней, — ответил Эннана, — и, как олень, мучимый жаждой, прибежал к источнику.

— Что тебе нужно?

— Я хочу просить у государя защиты против бритоголовых; они не дают мне повышения за то, что я сочувствую страданиям солдат.

Озабоченный Тутмос вернулся в шатер и повторил фараону свой разговор с Эннаной.

— Эннана?.. — повторил фараон. — Да, да, помню... Он наделал нам хлопот своими скарабеем, хотя, правда, и получил по милости Херихора пятьдесят палок. Так ты говоришь, он жалуется на жрецов? Давай-ка его сюда.

Фараон велел Самонту удалиться в соседнее отделение шатра, а любимца своего послал за Эннаной.

Неудачливый офицер тут же явился, пал ниц, а потом, стоя на коленях и все время вздыхая, сказал:

— «Я ежедневно молюсь Ра-Гормахису при его восхождении и закате, и Амону, и Ра, и Птаху, и другим богам и богиням, чтобы ты здравствовал, владыка Египта! Чтобы ты жил! Чтобы ты преуспевал, а я чтобы мог видеть хотя бы следы твоих ступней».[167]

— Что ему нужно? — спросил фараон Тутмоса, впервые придерживаясь этикета.

— Его святейшество спрашивает, что тебе нужно? — сказал Тутмос.

Лицемерный Эннана, не вставая с колен, повернулся к любимцу фараона:

— Ты — ухо и око повелителя, — начал он, — который дарует нам радость и жизнь, и я отвечу тебе, как на суде Осириса. Я служу в жреческом полку божественной Исиды десять лет. Шесть лет я воевал на восточных границах. Мои ровесники достигли высоких чинов, а я все еще только сотник, и все время меня бьют по приказу богобоязненных жрецов. А за что меня так обижают? «Днем только и думаю о книгах, а по ночам читаю, — ибо глупец, оставляющий книги с такой быстротой, с какой убегает газель, подобен ослу, получающему побои,

подобен глухому, который не слышит и с которым приходится говорить жестами. Несмотря на эту любовь к знаниям, я не хваюсь своей ученостью, а спрашиваю у всех совета, ибо у каждого можно чему-нибудь научиться, досточтимым же мудрецам оказываю почтение!»

Фараон сделал нетерпеливое движение, но продолжал слушать, зная, что египтянин считает многословие своим долгом и высшим выражением почтительности к начальству.

— Вот я какой, — продолжал Эннана. — «В чужом доме я не заглядываюсь на женщин; челяди даю есть что полагается и сам не спорю при дележе. Лицо у меня всегда довольное, с начальниками я почтителен, не сяду, если старший стоит. Я не назойлив и непрошенный не вхожу в чужой дом. Что увидит мой глаз, о том я молчу, ибо знаю, что люди глухи к тем, кто употребляет много слов. Мудрость учит, что человек похож: на кладовую, полную различных ответов. Поэтому я всегда выбираю хороший ответ и даю его, а дурной держу на замке. Чужой клеветы не повторяю, а уж что касается поручений, то всегда исполняю их как можно лучше».[168]

— И что я получаю за это?.. — закончил Эннана, повысив голос. — Голодаю, хожу в лохмотьях и не могу лежать на спине, до того она избита. В книгах я читаю, что жреческая каста награждает храбрость и благоразумие. Но так было, наверно, очень давно. Ибо сейчас жрецы пренебрегают благоразумием, а храбрость и силу выбивают из офицеров палкой...

— Я засну, слушая его, — сказал фараон.

— Эннана, — обратился Тутмос к просителю, — ты убедил фараона, что хорошо начитан. А теперь скажи, только покороче, что тебе нужно?

— Стрела не долетает так быстро до цели, как моя просьба долетит до божественных стоп государя, — ответил Эннана. — Так мне опостылела служба у бритоголовых, такой горечью переполнили мое сердце жрецы, что если я не перейду служить в войска фараона, то убью себя собственным мечом, который не однажды навел трепет на врагов Египта. Я готов быть скорее десятником, рядовым воином его святейшества, чем сотником в жреческих полках. Свинья или собака может служить им, а не правоверный египтянин.

Последнюю фразу Эннана произнес с такой бешеной яростью, что фараон сказал по-гречески Тутмосу:

— Возьми его в гвардию. Офицер, который не любит жрецов, может нам пригодиться.

— Его святейшество, повелитель обоих миров, приказал зачислить тебя в свою гвардию, — повторил Тутмос.

— Здоровье и жизнь мои принадлежат повелителю нашему Рамсесу — да живет он вечно! — воскликнул Эннана и поцеловал ковер, лежавший у ног фараона.

Пока осчастливленный Эннана пятился задом из шатра, поминутно падая ниц и благословляя повелителя, фараон сказал Тутмосу:

— У меня в горле першит от его болтовни. Надо мне непременно научить египетских солдат и офицеров выражаться кратко, а не так, как ученые писцы.

— Был бы у него один этот недостаток!.. — прошептал Тутмос, на которого Эннана произвел неприятное впечатление.

Фараон велел позвать Самонту.

— Не беспокойся, — сказал он жрецу, — офицер, который шел позади тебя, не следил за тобой. Он слишком глуп, чтоб исполнять такого рода поручения. Но рука у него тяжелая, и он может пригодиться. А теперь скажи мне, — прибавил фараон, — что заставляет тебя быть таким осторожным?

— Я уже почти знаю дорогу к сокровищнице в Лабиринте, — ответил Самонту.

Фараон покачал головой.

— Это трудное дело, — сказал он тихо. — Я час целый кружил по коридорам и залам, как мышь, за которой гонится кот. И, признаюсь тебе, не только не запомнил дороги, но даже никогда не решился бы пойти по ней один. Умереть при свете солнца, может быть, даже весело, но смерть в этих норах, где заблудился бы крот... брр...

— И тем не менее мы должны найти ее и овладеть ею, — заявил Самонту.

— А если хранители сами отдадут нам нужную часть сокровищ? — спросил фараон.

— Они не сделают этого, пока живы Херихор, Мефрес и их приспешники. Поверь мне, государь, этим вельможам хочется одного — спеленать тебя, как младенца...

Фараон побледнел от ярости.

— Как бы я не спеленал их цепями!.. Каким образом ты хочешь открыть дорогу?

— Здесь, в Абидосе, в гробнице Осириса я нашел полный план дороги в сокровищницу, — сказал жрец.

— А откуда ты узнал, что он здесь?

— Из надписей в храме Сета.

— Когда же ты нашел план?

— Когда мумия вечно живущего отца твоего находилась в храме Осириса, — ответил Самонту. — Я сопровождал царственное тело и, стоя на ночном дежурстве в «зале отдохновения», вошел в святилище.

— Тебе бы быть полководцем, а не верховным жрецом!.. — воскликнул, смеясь, Рамсес. — Так тебе уже понятна дорога в Лабиринт?

— Понятна-то она была мне давно, а вот теперь я собрал необходимые указания.

— Можешь мне объяснить?

— Охотно; при случае даже могу показать тебе план. Дорога эта, — продолжал Самонту, — четыре раза обходит зигзагом весь Лабиринт. Она начинается в самом верхнем этаже и кончается в самом низу, в подземелье, а кроме того, по пути делает множество петель. Поэтому она так длинна.

— А как ты попадешь из одного зала, где множество дверей, в другой?..

— На каждой двери, ведущей к цели, начертана частица изречения: «Горе предателю, который пытается познать величайшую государственную тайну и протянуть святотатственную руку за достоянием богов. Труп его будет — как падаль, а дух не будет знать покоя и будет скитаться по темным местам, терзаемый собственными грехами...»

— И тебя не пугает эта надпись?

— А тебя, государь, пугает вид ливийского копья? Угрозы хороши для черни, а не для меня; я сам сумел бы написать еще более грозные проклятия.

Фараон задумался.

— Ты прав, — сказал он, — копьё не страшно тому, кто умеет его отразить, и ложный путь не прельстит мудреца, знающего слово истины... Ну, а как же ты заставишь расступаться перед тобой камни в стенах и колонны разверзаться, словно двери, чтобы они пропускали тебя все дальше?

Самонту пренебрежительно пожал плечами.

— В моем храме, — ответил он, — тоже много потайных входов, открывающихся еще с большим трудом, чем в Лабиринте. Кому известно тайное слово, тот всюду пройдет, — это ты правильно сказал.

Фараон, подперев голову рукой, долго о чем-то думал.

— Мне было бы жаль, — сказал он, — если бы тебя постигла беда на этом пути.

— В худшем случае я найду там смерть. Ну, а разве она не грозит даже фараонам?.. Ты ведь и сам шел смело к Содовым озерам, хотя не был уверен, что вернешься оттуда. Не думай, государь, — продолжал жрец, — что мне придется пройти весь тот путь, который проходят посетители Лабиринта. Я найду кратчайший путь, и прежде чем ты дочитаешь молитву в честь Осириса, я буду там, в то время как ты, идя туда, успел бы прочесть тридцать молитв.

— Разве там есть и другие выходы?

— Несомненно. И я должен их найти. Я ведь не пойду так, как ты, днем или через главный вход.

— А как же?

— В наружной стене много потайных входов, которые я знаю и которые мудрые хранители никогда не охраняют... Во дворе караулы ночью немногочисленны и настолько полагаются на защиту богов или страх черни, что большей частью

спят... Кроме того, три раза от заката до восхода солнца жрецы уходят в храм на молитву, а солдаты совершают религиозные обряды под открытым небом. Не успеют они помолиться, как я буду уже в здании.

— А если ты заблудишься?

— У меня в руках будет план.

— А если план поддельный? — спросил фараон, не будучи в силах скрыть своей тревоги.

— А если ты не получишь сокровищ Лабиринта?.. Если финикияне, раздумав, не дадут обещанного займа?.. Если солдаты будут голодать и надежды народа будут обмануты?.. Поверь мне, государь, — продолжал жрец, — в галереях Лабиринта я буду в большей безопасности, чем ты в своем государстве.

— Но темнота... темнота!.. И стены, которых нельзя пробить! И глубина, и эти сотни путей, среди которых невозможно не заблудиться?.. Подумай, Самонту, борьба с людьми — игрушка, борьба же с тьмой и тайной — вещь страшная!

Самонту усмехнулся.

— Ты, государь, — сказал он, — не знаешь моей жизни... Когда мне было двадцать пять лет, я был жрецом Осириса...

— Ты? — спросил с удивлением Рамсес.

— Я. И сейчас я скажу тебе, почему я предпочел служение Сету. Меня отправили на Синайский полуостров, чтобы построить там небольшой храм для горнорабочих. Стройка продолжалась шесть лет. А так как у меня было много свободного времени, то я бродил по горам и заглядывал там в пещеры. Чего я только не насмотрелся!.. Длиннейшие коридоры, которых не пройдешь и за несколько часов; узкие проходы, через которые приходится проползать на животе; пещеры, такие огромные, что в каждой из них мог бы поместиться целый храм. Я видел подземные реки и озера, хрустальные дворцы, темные, как ночь, гроты, в которых собственной руки не увидишь, или, наоборот, такие светлые, как будто в них сияет второе солнце... Сколько раз я не мог найти дороги, блуждая в бесчисленных проходах, сколько раз потухал у меня факел, сколько раз я скатывался в разверзшуюся передо мной пропасть!.. Мне случалось по нескольку дней проводить в подземелье, питаться поджаренным ячменем и утолять жажду, слизывая влагу с мокрых скал, и я часто не знал, выйду ли обратно на свет дневной. Зато я накопил опыт, зрение у меня обострилось, и я даже полюбил эти страшные ущелья. И сейчас, когда я подумаю об игрушечных тайниках Лабиринта, мне становится смешно. Здания, построенные человеком, — это кротовые норы в сравнении с гигантскими сооружениями, какие воздвигнуты безмолвными и незримыми духами земли. Один раз я увидел нечто ужасное, что заставило меня посвятить себя другому богу. К западу от Синайского рудника лежит горный узел, где в ущельях часто бывают слышны подземные громы, земля дрожит и иногда показывается пламя... Влекомый любопытством, я отправился туда с намерением побыть подольше и в поисках

дороги благодаря едва приметной расселине открыл целую сеть огромных пещер, под сводами которых могла бы поместиться величайшая пирамида. Когда я бродил там, до меня долетел резкий запах тления, такой отвратительный, что я хотел бежать. Пересилив себя, однако, я вошел в пещеру, откуда исходил этот запах, и увидел... представь себе, государь, человека, у которого ноги и руки наполовину короче, чем у нас, но страшно толсты, неуклюжи и оканчиваются когтями. Добавь широкий, сплюснутый по бокам хвост, сверху волнистый, как петушиный гребень; добавь страшно длинную шею, а на ней собачью голову. Наконец, одень это чудовище в доспехи, покрытые на спине изогнутыми шипами... Теперь вообрази себе, что эта фигура стоит на ногах, руками и грудью опершись на скалу.

— Это что-то отвратительное, — сказал фараон, — я его сразу бы убил...

— Оно не было отвратительным, и подумай, государь, существо это ростом было с обелиск.

Рамсес XIII сделал недовольный жест.

— Самонту, — сказал он, — мне кажется, что ты гулял по своим пещерам во сне...

— Клянусь тебе, государь, жизнью моих детей, что говорю правду!.. Да, если б это чудовище в оболочке гада, покрытое доспехами с шипами, лежало на земле, то вместе с хвостом оно имело бы пятьдесят шагов в длину... Несмотря на страх и отвращение, я несколько раз возвращался в пещеру и осмотрел его очень внимательно.

— Что ж, оно было живое?

— Нет, это был уже труп, труп давно умершего чудовища, но сохранившегося, как наши мумии. Его сохранила необычайная сухость воздуха, а может быть, неизвестные нам соли земли. Это было мое последнее открытие, — продолжал Самонту, — больше я не забирался в пещеру, но, думая об этом, говорил себе: Осирис создает крупные твари — львов, слонов, лошадей... А Сет порождает змея, летучую мышь, крокодила. Чудовище, которое я видел, наверное, создание Сета. А так как оно огромно и страшнее всего, что мы знаем под солнцем, значит, бог Сет сильнее, чем бог Осирис. Так я уверовал в Сета и, вернувшись в Египет, поселился в его храме. Когда же я рассказал жрецам о своем открытии, они сообщили мне, что знают еще много таких чудовищ.

Самонту перевел дух и продолжал:

— Если когда-нибудь ты, государь, пожелаешь посетить наш храм, я покажу тебе в гробницах удивительные и страшные существа: гусей с головой ящерицы и крыльями летучей мыши, ящериц, похожих на лебедей, но величиной больше страусов, крокодилов в три раза длиннее, чем те, что живут в Ниле, лягушку ростом с собаку... Это иногда мумии, иногда скелеты, найденные в пещерах и сохранившиеся в наших гробницах. Народ думает, что мы им поклоняемся, а на самом деле мы только исследуем их строение и оберегаем их от порчи.

— Я поверю тебе, когда сам увижу, — ответил фараон. — Скажи мне, однако, как могли подобные твари очутиться в пещерах?..

— Государь мой, — ответил жрец, — мир, в котором мы живем, подвержен великим изменениям. В самом Египте мы находим развалины городов и храмов, глубоко скрытые в земле. Было время, когда место Нижнего Египта занимал морской залив, а Нил струил свои воды во всю ширину нашей долины. А еще раньше здесь, на том месте, где находится наше государство, было море. Предки же наши жили в стране, ныне захваченной западной пустыней. Еще раньше, десятки тысяч лет назад, не было таких людей, как мы, а были существа, похожие на обезьян, которые умели, однако, строить шалаши, поддерживать огонь, драться дубинами и камнями. В то время не было ни лошадей, ни быков, но слоны, носороги и львы втрое или вчетверо превосходили размерами нынешних. Однако и исполинские слоны не самые древние чудовища. Еще до них жили исполинские гады, летающие, плавающие и ползающие по суше. До гадов же на земле были только слизняки и рыбы, а до них — одни лишь растения, но такие, каких сейчас уже нет...

— А еще раньше? — спросил Рамсес.

— Еще раньше земля была пуста и безлюдна и дух божий носился над водами[169].

— Что-то я слышал об этом, — сказал фараон. — Но не поверю, пока ты не покажешь мне мумии чудовищ, которые, как ты говоришь, находятся в вашем храме.

— Если ты разрешишь, я закончу свой рассказ, — сказал Самонту. — Так вот, когда я увидел в Синайской пещере этот труп чудовища, меня охватил страх, и я в течение нескольких лет не решался входить ни в одну пещеру. Но, с тех пор как жрецы Сета объяснили мне, откуда взялись эти странные существа, страх у меня прошел и верх взяло любопытство. И сейчас нет для меня более приятного развлечения, как бродить по подземельям, искать путей в темноте. Поэтому путешествие по Лабиринту доставит мне не больше труда, чем прогулка по царскому саду.

— Самонту, — сказал фараон, — я очень ценю твое нечеловеческое мужество и мудрость. Ты рассказал столько любопытного, что, право, мне самому захотелось проникнуть в пещеры, и когда-нибудь, возможно, я отправлюсь вместе с тобой к Синаю. Но все же я боюсь, что тебе не справиться в Лабиринте, и на всякий случай соберу совет египтян, который предоставит мне право воспользоваться его сокровищами.

— Это никогда не помешает, — ответил жрец. — Но все же мои усилия не пропадут даром, потому что Мефрес и Херихор вряд ли согласятся выдать сокровища.

— А ты уверен в успехе?.. — настойчиво допытывался фараон.

— С тех пор как существует Египет, — убеждал его Самонту, — не было человека, располагающего столькими средствами, сколькими располагаю я, для достижения победы в этой борьбе, которая представляется мне даже не борьбой, а развлечением. Одних пугает темнота, а я ее люблю и даже не теряю способности видеть в темноте; другие не умеют ориентироваться в анфиладах зал и галерей, а я это делаю с легкостью; третьи не знают секрета открывания потайных входов, а я с этим прекрасно знаком. Если бы я не обладал больше ничем, кроме того, что перечислил, то уже и тогда я за месяц, за два сумел бы найти дорогу в Лабиринт. Но у меня к тому же подробный план этих переходов, и я знаю слова, которые проведут меня из зала в зал. Что же может мне помешать?

— А все же в глубине души ты сомневаешься! Ты ведь испугался офицера, который, как тебе казалось, идет за тобой!

Жрец пожал плечами.

— Я ничего и никого не боюсь, — ответил он хладнокровно, — я только осторожен. Я предусматриваю все и подготовлен даже к тому, что меня могут поймать.

— Тебя ожидают тогда страшные пытки!.. — прошептал Рамсес.

— Этому не бывать! Прямо из подземелья Лабиринта я открою себе дверь в страну, где царит вечный свет.

— И не будешь раскаиваться в своем поступке?

— Нет. Ведь я рискую для достижения великой цели: я хочу занять в государстве место Херихора...

— Даю тебе клятву — ты его займешь.

— Если не погибну. А что на вершины гор приходится подниматься над краем пропастей, что в таком путешествии может поскользнуться нога и я могу сорваться — какое это имеет значение?.. Ты, государь, позаботишься о судьбе моих детей.

— Тогда ступай, — сказал фараон. — Ты достоин быть моим первым помощником.

9

Покинув Абидос, Рамсес XIII поплыл, как и прежде, вверх по реке до городов Тантарен (Дендера) и Кенне, которые лежали почти друг против друга — один на восточном, другой на западном берегу Нила. В Тантарене было две достопримечательности: пруд, где содержали священных крокодилов, и храм Хатор, при котором была высшая жреческая школа. В ней обучали медицине, песнопению, правилам богослужения и, наконец, астрономии.

Фараон побывал в обоих местах. Он возмутился, когда его заставили воскурить благовония перед священными крокодилами, которых он считал вонючими и глупыми гадами. Когда же один из них во время жертвоприношения,

высунувшись из воды, схватил его зубами за одежду, Рамсес так хлопнул его по голове бронзовой кадьницей, что гад на минуту закрыл глаза и растопырил лапы, а потом попятился и полез в воду, словно поняв, что молодой владыка не потерпит бесцеремонности даже от существа божественного происхождения.

— Может быть, я совершил кощунство? — спросил фараон верховного жреца.

Святой отец посмотрел искоса, не подслушивает ли кто-нибудь, и ответил:

— Если б я знал, что ты, государь, принесешь ему такого рода жертву, я дал бы тебе дубинку, а не кадьницу. Этот крокодил — несноснейшая тварь во всем храме... Однажды он схватил ребенка...

— И сожрал?

— Родители были довольны... — ответил жрец.

— Как это вы, умные люди, — спросил его фараон, подумав, — можете поклоняться животным, которых, когда никто не видит, готовы лупить дубинкой?..

Верховный жрец, снова убедившись, что поблизости никого нет, ответил:

— Надеюсь, повелитель, ты не заподозишь людей, признающих единого бога, в том, что они верят в святость животных... То, что делается, делается для черни... Бык Апис, которого якобы чтят жрецы, самый красивый бык во всем Египте и поддерживает породу нашего скота. Ибисы и аисты очищают наши поля от падали. Кошки уничтожают мышей и таким образом сохраняют хлебные запасы, а крокодилам мы обязаны тем, что в Ниле хорошая вода, тогда как без них мы отравлялись бы ею. Легкомысленный, темный народ не понимает пользы этих животных и истребил бы их за один год, если бы мы не охраняли их существования религиозными обрядами. Вот секрет наших храмов, посвященных животным, и нашего поклонения им. Мы курим фимиам тем, кого народ должен чтить просто потому, что они приносят ему пользу.

В храме Хатор фараон быстро обошел дворы медицинской школы и без особого восторга выслушал прорицания астрологов. Когда же верховный жрец-астроном показал ему золотую доску, на которой была выгравирована карта неба, фараон сказал:

— Часто ли сбываются предсказания, которые вы читаете по звездам?

— Иногда сбываются.

— А если б вы предсказывали по деревьям, камням или по движению воды, они тоже сбывались бы?

Верховный жрец смутился.

— Не считай нас обманщиками. Мы предсказываем людям будущее, потому что оно их интересует, и, по правде сказать, только это и привлекает их в астрономии.

— А что вас привлекает в ней?

— Мы изучаем положение и движение звезд.

— А какая от этого польза?

— Мы оказали Египту немалые услуги. Мы указываем направление, в котором надо строить здания и рыть каналы. Без помощи нашей науки морские корабли не могли бы удаляться от берегов. Мы, наконец, составляем календарь и определяем сроки предстоящих небесных явлений. Например, в скором времени ожидается затмение...

Но Рамсес, не слушая его, повернулся и ушел.

«Как можно, — думал он, — строить храмы для такой детской забавы и еще делать какие-то чертежи на золотых досках? Святые мужи не знают, что и придумать от безделья...»

Недолго пробыв в Тантарене, фараон переправился на другую сторону Нила, в город Кенне. Там не было ни знаменитых храмов, ни окуриваемых благовониями крокодилов, ни золотых досок со звездами, зато там процветало гончарное искусство и торговля. Из Кенне шли два тракта к портам Красного моря — Косейру и Беренике^[170], и дорога к Порфириновым горам, откуда привозили статуи и огромные глыбы строительного камня.

В Кенне было очень много финикийцев, которые с огромным энтузиазмом встретили фараона и преподнесли ему в дар разных драгоценностей на десять талантов. Несмотря на радушную встречу, он провел здесь только один день: ему дали знать из Фив, что священная мумия Рамсеса XII уже находится в Луксорском^[171] дворце и ожидает погребения.

В ту эпоху Фивы были огромным городом и занимали площадь почти в двенадцать квадратных километров. Здесь находился величайший в Египте храм Амона и много общественных и частных зданий. Главные улицы, широкие и прямые, были выложены каменными плитами, вдоль берегов Нила тянулись набережные, дома имели четыре-пять этажей. Перед каждым храмом и каждым дворцом возвышались величественные ворота с пилонами, отчего Фивы получили название «стовратых». Этот город, с развитыми ремеслами и торговлей, был как бы порогом вечности, ибо на противоположном, западном берегу Нила среди ущелий находилось бесчисленное количество гробниц жрецов, знати, царей.

Своим величием Фивы были обязаны двум фараонам: Аменхотепу III, или Мемнону, который «застал город глиняным, а оставил каменным», и Рамсесу II, который достроил и расширил постройки, начатые Аменхотепом.

На восточном берегу Нила, в южной части города, находился целый квартал величественных царских дворцов и храмов, на развалинах которых сейчас стоит городок Луксор. Здесь тело фараона ожидало последних обрядов.

Когда прибыл Рамсес XIII, все Фивы вышли ему навстречу. В домах остались только старики и калеки, а в переулках — воры.

Здесь в первый раз народ выпряг лошадей из колесницы фараона и сам потащил ее. Здесь также впервые фараон услышал крики и проклятия по адресу жрецов — что его очень обрадовало, а также громкие требования, чтобы каждый седьмой день был праздником, и это заставило его задуматься. Он хотел преподнести этот подарок трудящемуся люду Египта, но не думал, что его намерения уже получили огласку и народ ожидает их немедленного исполнения.

Хотя надо было пройти всего около мили, шествие длилось несколько часов. Царская колесница очень часто останавливалась в толпе и могла двинуться дальше не ранее, чем гвардии его святейшества удавалось поднять ничком лежавших на земле людей.

Добравшись наконец до царских садов, где он занимал небольшой дворец, Рамсес был до того утомлен, что в этот день не занимался государственными делами. А на следующий день, воскурив благовония перед мумией отца, стоявшей в главном царском дворце, он сказал Херихору, что можно перевезти тело в гробницу. Это, однако, было сделано не сразу.

Из дворца покойного перевезли в храм Рамсеса, где он отдыхал сутки. Затем траурный кортеж торжественно направился в храм Амона-Ра.

Подробности погребального обряда были те же, что и в Мемфисе, только теперь все это носило более грандиозный характер.

Царские дворцы, расположенные на правом берегу Нила, в южной части города, соединяла с храмом Амона-Ра, находившимся в северной его части, единственная в своем роде дорога. Это была широкая аллея длиной в два километра, обсаженная огромными деревьями и уставленная двумя рядами сфинксов, у которых на львиных телах были человеческие или бараньи головы. Их было несколько сот.

По обеим сторонам аллеи теснились бесчисленные толпы народа, собравшегося из Фив и окрестностей, а посредине двигалась погребальная процессия. Шли оркестры различных полков, группы плакальщиц, хоры певцов, все ремесленные и купеческие цехи, делегации от нескольких десятков номов со своими богами и знаменами, делегации больше чем от десятка народов, поддерживавших сношения с Египтом, и снова музыка, плакальщицы и жреческие хоры.

Царскую мумию опять везли в золотой ладье, однако гораздо более роскошной, чем в Мемфисе. Колесница, запряженная восемью парами белых быков, была высотой около двух этажей. Она почти утопала в венках и букетах; ее украшали страусовые перья и драгоценные ткани и обволакивали густые клубы дыма из курящихся кадила, что производило впечатление, будто Рамсес XII уже, подобно богу, является своему народу в облаках. С пилонов всех фиванских храмов доносилось грохотанье, напоминавшее гром, и скорбный звон мощных бронзовых досок.

Несмотря на то, что погребальное шествие двигалось по широкой пустынной аллее под наблюдением египетских военачальников, а следовательно, в величайшем порядке, — чтобы пройти эти два километра, отделяющие дворцы от храма Амона, понадобилось три часа.

Лишь когда мумию Рамсеса XII внесли в храм, из дворца в золотой колеснице, запряженной парой ретивых коней, выехал Рамсес XIII. Народ, стоявший вдоль аллеи и соблюдавший во время процессии полное спокойствие, при виде своего повелителя огласил воздух такими криками, что в них потонули грома и звон металлических досок, доносившиеся с пилонов всех храмов.

Охваченная восторгом толпа готова была выбежать на середину аллеи и окружить фараона. Но Рамсес одним мановением руки удержал людской поток и предупредил святотатство.

Спустя четверть часа фараон остановился перед исполинскими пилонами величайшего храма в Египте.

Подобно тому как Луксор представлял собой квартал царских дворцов в южной части города, Карнак был кварталом богов в северной. Главным же центром Карнака был храм Амона-Ра.

Само это здание занимало четыре морга, окружавшие же его сады и пруды — около сорока моргов. Перед храмом стояли два пилона высотой в десять этажей. Двор, который окружала галерея, поддерживаемая колоннами, занимал около двух моргов, а колонный зал, в котором собирались привилегированные сословия, — около морга. Это было уже не отдельное здание, а целый квартал.

Зал этот, или гипостиль, имел в длину больше ста пятидесяти шагов и семьдесят пять в ширину. Потолок же его поддерживался ста тридцатью четырьмя колоннами, из них двенадцать центральных колонн имели по пятнадцати шагов в окружности и высотой равнялись шести этажам!..

Статуи, размещенные в храме рядом с пилонами и над священным прудом, были соответствующих размеров.

В колоссальных воротах ожидал фараона достойный Херихор, верховный жрец этого храма. Окруженный жрецами, Херихор встретил повелителя почти высокомерно и, воскурив перед ним благовония, даже не смотрел на него. Затем он через двор повел фараона в гипостиль и отдал приказ пропустить депутации в пределы храмовой ограды.

Посередине гипостиля стояла ладья с мумией умершего повелителя, а по обеим ее сторонам, друг против друга, два трона одинаковой высоты. На один из них воссел Рамсес XIII, окруженный военачальниками и номархами, на другой — Херихор, окруженный жрецами. Мефрес подал Херихору митру Аменхотепа, и молодой фараон во второй раз увидел на голове верховного жреца золотую змею, символ царской власти.

Рамсес побледнел от негодования и подумал: «Как бы мне не пришлось снять с тебя урей вместе с твоей головой!» Однако промолчал, зная, что в этом величайшем египетском храме Херихор является господином, равным богам, и владыкой чуть ли не высшим, чем сам фараон.

Тем временем народ заполнил двор, а за пурпурной завесой, отделявшей от смертных остальную часть храма, зазвучали арфы и послышалось тихое пение. Рамсес огляделся вокруг. Целый лес мощных колонн, сверху донизу покрытых рисунками, таинственное освещение, потолок, повисший где-то под небом, произвели на него угнетающее впечатление.

«Что значит, — думал он, — выиграть сражение у Содовых озер? Вот построить такое здание — это подвиг!.. А ведь они его построили...»

В этот миг он почувствовал могущество жреческой касты. Разве он, его армия и даже весь народ в состоянии разрушить этот храм?.. Но если трудно справиться со зданием, то легко ли будет одолеть его строителей?..

Из неприятных размышлений его вывел голос верховного жреца Мефреса.

— Государь, — говорил старик, — и ты, достойнейший наперсник богов (тут он поклонился Херихору), вы — номархи, писцы и простой народ! Достойнейший верховный жрец этого храма, Херихор, призвал нас, чтобы мы, согласно древнему обычаю, обсудили земные дела умершего фараона и отказали бы ему или признали бы за ним право на погребение...

Гнев охватил фараона. Мало того, что к нему относятся здесь с пренебрежением, они еще смеют судить дела его отца, решать вопрос о его погребении.

Однако он успокоился. Ведь это был лишь обряд, древний, как египетские династии. Это был, собственно, не суд, а восхваление покойного.

По знаку, данному Херихором, верховные жрецы расселись на табуретах. Номархи же и военачальники, окружавшие трон Рамсеса, остались стоять — для них не оказалось места.

Фараон запомнил и это оскорбление; но он настолько уже владел собой, что нельзя было понять, заметил ли он невнимание, оказанное его приближенным.

Тем временем святой Мефрес обсуждал жизнь умершего повелителя.

— Рамсес Двенадцатый, — говорил он, — не совершил ни одного из сорока двух грехов, и потому суд богов вынесет ему милостивый приговор. А так как царская мумия благодаря особой заботливости жрецов снабжена всеми амулетами, молитвами, наставлениями и заклинаниями, то не подлежит сомнению, что умерший фараон уже находится в обители богов, рядом с Осирисом, он сам — Осирис. Божественная природа Рамсеса Двенадцатого проявилась уже в его земной жизни. Он царствовал более тридцати лет, дал народу долгий и прочный мир, выстроил или довел до конца постройки многих храмов. Кроме того, он сам был верховным жрецом и превосходил благочестивейших из них своим благочестием. В его царствование на первом месте была забота о славе богов и

возвышении священной жреческой касты. За это благоволили к нему силы небесные, а один из фиванских богов, Хонсу, снизойдя к просьбе фараона, даже посетил страну Бухтен и исцелил царскую дочь, изгнав из нее злого духа.

Мефрес передохнул и продолжал:

— Поскольку я доказал вам, достойнейшие, что Рамсес Двенадцатый был богом, вы спросите, с какой же целью это высшее существо снизошло на египетскую землю и провело на ней несколько десятков лет?

Оно сделало это, чтобы воскресить добрые нравы, поколебленные упадком веры. Ибо кто ныне думает о благочестии? Кто заботится об исполнении воли богов? На далеком севере мы видим могучий ассирийский народ, который верит только в силу меча и, вместо того чтобы посвятить себя изучению мудрости и служению богам, стремится к покорению народов. Ближе к нам живут финикияне, для которых богом является золото, а богослужение — обманом и ростовщичеством. Другие же народы — хетты на востоке, ливийцы на западе, эфиопы на юге, греки на Средиземном море — это варвары и разбойники. Вместо того чтобы работать, они занимаются грабежом, а вместо того чтобы совершенствоваться в мудрости, пьют, играют в кости или валяются на боку, как усталая скотина. В мире есть только один воистину благочестивый и мудрый народ — египетский. Но посмотрите, что делается и здесь? Вследствие наплыва безбожников-чужеземцев вера наша пришла в упадок. Знать и сановники за кубком вина подтрунивают над богами и вечной жизнью, а народ забрасывает грязью святые статуи и не совершает жертвоприношений в храмах. Место благочестия заняла роскошь, место мудрости — разврат. Каждому хочется надеть огромный парик, натереться редкостными благовониями, носить златотканые рубашки и передники, украсить себя золотыми ожерельями, запястьями, усеянными драгоценными камнями. Пшеничной лепешки ему уже недостаточно, он хочет пряников с молоком и медом. Пивом он моет ноги, а жажду утоляет заморскими винами. Из-за этого вся знать в долгах, народ изнемогает от работы и терпит побои, и то здесь, то там вспыхивают бунты. Что я говорю «то здесь, то там»?.. С некоторых пор по всему Египту народ, подстрекаемый неизвестными лицами, требует: «Дайте нам отдых каждый седьмой день! Не бейте нас без суда! Выделите нам по клочку земли в собственность!..» Это угрожает разорением всего нашего государства, и надо спасти его от этого зла. Спасение же только в религии, которая учит нас, что народ должен трудиться, святые мужи, знающие волю богов, — указывать ему путь, а фараон и его вельможи — наблюдать, чтобы работа исполнялась честно. Этому учит нас религия. В этом духе правил богоравный Осирис-Рамсес Двенадцатый. Мы же, верховные жрецы, признав его благочестие, начертаем на его могиле и в храмах следующую надпись:

«Бык Гор, могучий Апис, соединивший короны двух царств, золотой кобчик, правящий мечом, победитель девяти народов, царь Верхнего и Нижнего Египта, повелитель двух миров, сын солнца Мери-Амон-Рамсес, возлюбленный Амоном-Ра, господин и повелитель Фиваиды, сын Амона-Ра, приемный сын Гора,

рожденный Гормахисом, царь Египта, повелитель Финикии, властвующий над девятью народами»[172].

Когда присутствующие приняли это предложение одобрительными возгласами, из-за завесы выпорхнули танцовщицы и исполнили перед саркофагом священный танец, жрецы же зажгли благовония. Затем сняли мумию с ладьи и внесли в святилище Амона, куда Рамсес XIII не имел уже права входить.

Вскоре богослужение окончилось, и присутствующие покинули храм.

Возвращаясь во дворец в Луксоре, молодой повелитель был до того погружен в думы, что почти не замечал бесчисленной толпы и не слышал ее возгласов.

«Зачем обманывать себя?.. — размышлял Рамсес. — Верховные жрецы относятся ко мне с полным пренебрежением; этого не бывало до сих пор ни с одним фараоном. Они даже указывают мне, каким образом я могу вновь обрести их милость. Они хотят управлять государством, а я должен только следить, чтобы исполнялись их приказы... Так нет же, не бывает этому, я приказываю, а вы должны исполнять. И либо я погибну, либо поставлю свою царскую ногу на ваши непокорные выи».

Два дня священная мумия Рамсеса XII пребывала в храме Амона-Ра в святом месте, куда, за исключением Херихора и Мефреса, не имели права входить даже верховные жрецы. Перед покойным горел лишь один светильник, пламя которого, обновляемое чудесным способом, никогда не угасало. Над ним парил в вышине символ души — птица с человеческой головой. Трудно сказать, был ли то особый хитроумный механизм или действительно живое существо. Одно несомненно: жрецы, имевшие смелость взглянуть украдкой за завесу, видели, что существо это висит в воздухе без опоры, раскрывая рот и вращая глазами.

Затем траурная процессия снова тронулась в путь. Золотая ладья перевезла покойника на другой берег Нила. Окруженная огромной процессией жрецов, воинов, плакальщиц и поющих хоров, она двигалась по главной улице Фив. Это была, можно сказать, самая красивая улица во всем египетском царстве: широкая, ровная, обсаженная деревьями. Четырех— и даже пятиэтажные дома были сверху донизу выложены мозаикой и покрыты раскрашенными барельефами. Казалось, что на этих зданиях развешаны огромные разноцветные ковры или картины, изображающие жизнь торговцев, ремесленников, мореплавателей, далекие страны и народы. Словом, это была не улица, а скорее бесконечная галерея картин, варварских по рисунку и необычайно богатых по краскам.

Погребальная процессия прошла около двух километров с севера на юг. Приблизительно в центре города она остановилась и затем свернула на запад, к Нилу.

В этом месте посередине реки находился большой остров, к которому вел плавучий мост. Во избежание катастрофы военачальники, возглавляющие процессию, еще раз выстроили шествие, поставив по четыре человека в ряд, и отдали приказ, чтобы все двигались очень медленно, избегая ритмической

поступи. С этой целью оркестры, шедшие во главе отдельных групп, играли каждый в другом такте.

Через несколько часов процессия перешла первый мост, потом остров, потом второй мост и очутилась на левом, западном берегу Нила.

Если восточную половину Фив можно было назвать городом богов и царей, то западная являлась городом монументальных храмов и гробниц.

Шествие двигалось от Нила, по центральной дороге, к горам. К югу от этой дороги стоял храм, воздвигнутый в честь побед Рамсеса III; стены этого храма были покрыты изображениями покоренных народов: хеттов, аммореян, филистимлян, эфиопов, арабов, ливийцев. Несколько ниже возвышались две колоссальные статуи, изображавшие Аменхотепа II; высота их соответствовала пяти этажам. Одна из статуй отличалась чудесным свойством: когда на нее падали лучи восходящего солнца, статуя издавала звуки, подобные звукам арфы, у которой обрывают струны.

Еще ближе к дороге, тоже влево от нее, стоял Рамсессеум — не очень большой, но красивый храм Рамсеса II. Его преддверие охраняли статуи с эмблемами царского достоинства в руках. На дворе возвышалась статуя Рамсеса II высотой в четыре этажа.

Дорога шла постепенно в гору, и все яснее видны были крутые взгорья, испещренные отверстиями, подобно губке: это были гробницы египетской знати. Перед ними, между отвесными скалами, стоял причудливый храм царицы Хатасу[173]. Здание имело четыреста пятьдесят шагов в длину. Со двора, обнесенного стеной, можно было войти по ступеням в окруженный колоннами внутренний двор, под которым находился подземный храм. С колонного же двора, тоже по ступеням, вел ход в храм, высеченный уже в скале; под этим храмом были тоже подземные помещения.

Таким образом, храм состоял из двух ярусов — нижнего и верхнего, из которых каждый делился тоже на верхний и нижний. Лестницы были огромные; два ряда сфинксов заменяли перила. Вход на каждую лестницу охраняло по две статуи в сидячих позах.

У храма Хатасу начиналось мрачное ущелье, которое вело от гробниц вельмож к царским гробницам. На границе между двумя этими участками находилась высеченная в скале гробница верховного жреца Ретеменофа[174]. Залы и коридоры ее занимали около двух моргов.

Дорога поднималась в гору по одной из стен ущелья, напоминая карниз, косо высеченный в скале, так круто, что людям приходилось помогать быкам, тянущим колесницу, и подталкивать траурную ладью. Наконец шествие остановилось на широкой площадке, возвышавшейся больше чем на десять этажей над дном ущелья. Тут был вход в подземную гробницу, которую строил для себя фараон в течение тридцати лет. Эта гробница представляла собой целый дворец, с покоями для царя, семьи и прислуги, со столовой, спальней и

ванной, с часовнями, посвященными разным богам, и, наконец, с колодцем, на дне которого находилась небольшая камера, где должна была навеки почить мумия фараона.

При свете горящих факелов видны были стены покоев, испещренные молитвенными надписями и картинами, изображающими все дела и развлечения покойного: царские охоты, сооружение храмов и каналов, триумфальные шествия, торжества в честь богов, битвы с врагами, работы его подданных. Но это еще не все. Покои были уставлены не только мебелью, посудой, колесницами, цветами, полны яств, всякого печенья, мяса и вина, но в них еще находилось множество статуй. Это были многочисленные изображения Рамсеса XII, его жрецов, министров, женщин, воинов и рабов, ибо царь и на том свете не может обойтись без драгоценной утвари, изысканных яств и верных слуг.

Когда похоронное шествие остановилось у входа в гробницу, жрецы вынули царскую мумию из саркофага и поставили ее на землю, спиной к скале. Рамсес XIII воскурил перед телом отца благовония, а царица Никотриса, обняв мумию, стала причитать, рыдая:

— «Я — сестра твоя, жена твоя Никотриса. Не покидай меня, о великий! Неужели ты действительно хочешь, мой добрый отец, чтобы я удалилась? Если я уйду, ты останешься один, и будет ли кто-нибудь с тобой?..»^[175]

После этого верховный жрец Херихор возжег благовония перед мумией, а Мефрес, совершив возлияние вином, произнес:

— Твоему двойнику приносим это в жертву, Осирис-Мери-Амон-Рамсес, повелитель Верхнего и Нижнего Египта, голос которого праведен перед великим богом!..

Плакальщицы и хоры жрецов возгласили:

Хор первый. «Скорбите, скорбите, плачьте, рыдайте, без устали плачьте, так громко, как только вы в силах».

Плакальщицы. «О достойнейший путник, направляющий шаги свои в страну вечности, как быстро тебя отнимают у нас».

Хор второй. «Как прекрасно, как дивно то, что с ним происходит! Так как он возлюбил бога Хонсу из Фив, то бог разрешил ему достигнуть Запада в сопровождении слуг его».

Плакальщицы. «О ты, которого окружало столько слуг, будешь отныне в земле, обрекающей на одиночество. Ты — носивший тонкие одежды и любивший свежее белье, лежишь теперь во вчерашней одежде!..»

Хор первый. «С миром, с миром, на Запад, о господин наш! Иди с миром... Мы увидим тебя опять, когда настанет день вечности, ибо идешь ты в страну, единящую всех людей друг с другом».^[176]

Начались последние церемонии.

Привели быка и антилопу, которых должен был убить Рамсес XIII, но убил его заместитель перед богами, верховный жрец Сэм. Низшие жрецы быстро разрезали животных, после чего Херихор и Мефрес, взяв их окорока, стали прикладывать их ко рту мумии. Но мумия не хотела есть, ибо не была еще оживлена и уста ее были сомкнуты.

Тогда Мефрес омыл ее святой водой и окурил благовониями и квасцами, произнося:

— «Вот стоит мой отец, вот стоит Осирис-Мери-Амон-Рамсес. Я — твой сын, я — Гор, прихожу к тебе, чтобы очистить тебя и вернуть тебе жизнь... Я складываю вновь твои члены, скрепляю, что было рассечено, ибо я Гор, мститель за отца моего. Ты восседаешь на троне Ра, происходящего от Нут, рождающей Ра каждое утро, рождающей Мери-Амон-Рамсеса каждый день так, как Ра».

Говоря это, верховный жрец прикасался амулетами к губам, к груди и к ногам мумии.

Опять запели хоры.

Хор первый. «Осирис-Мери-Амон-Рамсес будет отныне есть и пить все, что едят и пьют боги. Он теперь восседает с ними. Он здоров и силен, как они...»

Хор второй. «Все его члены полны силы; тяжело ему, когда он голоден и не может есть и когда он жаждет и не может пить...»

Хор первый. «О боги! Дайте Осирис-Мери-Амон-Рамсесу тысячу тысяч кувшинов вина, тысячи одежд, хлеба и быков...»

Хор второй. «О вы, живущие на земле, что будете проходить здесь, если жизнь вам мила, а смерть постыла, если вы хотите, чтобы ваши высокие звания перешли к вашему потомству, читайте эту молитву по похороненному здесь усопшему».

Мефрес. «О вы, великие, вы, пророки, вы, царевичи и князья, фараон и писцы, вы, люди, те, что придете после меня через миллион лет, если кто-нибудь из вас заменит мое имя своим, то бог покарает его, сотрет его с лица земли».

После этого заклинания жрецы зажгли факелы, взяли царскую мумию и снова положили ее в футляр, а вместе с футляром в каменный саркофаг, имевший форму человеческого тела. Затем, невзирая на вопли, причитания и сопротивление плакальщиц, они отнесли эту огромную тяжесть в гробницу. Пройдя при свете факелов несколько коридоров и комнат, они остановились в одной, где находился колодец. В этот колодец жрецы опустили саркофаг и сами спустились за ним в подземелье. Там установили саркофаг в маленькой комнатке и быстро замуровали отверстие так, что самый опытный глаз не мог бы обнаружить могилу. Затем поднялись наверх и так же наглухо замуровали вход в колодец. Жрецы все это проделали одни, без свидетелей, и проделали так тщательно, что мумия Рамсеса XII по сей день почиет в своей таинственной обители в такой же безопасности от воров, как и от современных

исследователей. В течение двадцати девяти столетий много царских могил было разграблено, но эта осталась нетронутой.

Пока одна группа жрецов замуровывала тело благочестивого фараона, другая, осветив подземные комнаты, пригласила живых к трапезе.

Рамсес XIII, царица Никотриса, Сэм и десятка два гражданских и военных сановников вошли в трапезную. Посредине комнаты стояли столы, уставленные яствами, вином и цветами, а у стены сидело высеченное из порфира изваяние умершего повелителя. Казалось, что он смотрит на присутствующих и с меланхолической улыбкой приглашает к трапезе.

Торжество началось священной пляской, сопровождаемой пением одной из старших жриц:

— «Пользуйтесь днями счастья, ибо жизнь длится только мгновение. Пользуйтесь счастьем, ибо, сойдя в могилу, вы почиете там навеки и дни ваши будут длиться бесконечно!..»

После жрицы выступил пророк и под аккомпанемент арф продекламировал нараспев:

«Жизнь — это вечное превращение и вечное обновление. Мудрый это закон судьбы и дивное предначертание Осириса, что, по мере того как одни тела разрушаются и исчезают, на смену им приходят другие.

Фараоны, эти боги, что были до нас, покоятся в своих пирамидах; мумии и двойники их сохранились, тогда как дворцы, что они воздвигли, не стоят уже на прежних местах, как будто их не бывало...

Не предавайся же унынию, а следуй своим желаниям и радостям и не трать попусту своего сердца, пока не придет для тебя день причитаний, а Осирис, сердце которого больше не бьется, не пожелает внять жалобам и мольбам...

Скорбь всего мира не вернет счастья человеку, который лежит в могиле. Пользуйся же днями счастья и не ленись наслаждаться. Воистину нет человека, который мог бы взять с собой добро свое на тот свет, воистину нет человека, который пошел бы туда и вернулся...»^[177]

Трапеза окончилась, и достойное собрание, еще раз окурив благовониями изваяние умершего, отправилось обратно в Фивы. В часовне гробницы остались только жрецы, чтобы совершать постоянные жертвоприношения фараону, и стража для охраны гробницы от святотатственных покушений воров.

Отныне Рамсес XII остался один в своей сокровенной обители.

Через крошечное, скрытое в камне окошко проникал к нему тусклый свет. Вместо страусовых перьев шумели над бывшим владыкой крылья огромных летучих мышей. Вместо музыки раздавались ночью порой завывающие стоны гиен да время от времени могучее рычание льва, приветствовавшего из пустыни сошедшего в могилу фараона.

После похорон фараона Египет вернулся к своей обычной повседневной жизни, а Рамсес XIII — к государственным делам.

Новый повелитель в месяце эпифи (апрель — май) посетил города, расположенные за Фивами вдоль Нила. Он побывал в Сни[178], городе с оживленной промышленностью и торговлей, где был храм бога Хнума, или «души света», посетил Эдфу[179], где находился храм с десятиэтажными пилонами, владевший огромной библиотекой папирусов; на его стенах была вычерчена и нарисована своего рода энциклопедия современной географии, астрономии и богословия. Заглянул в каменоломни Хенну; в Нуби[180], или Ком-Обо, совершил жертвоприношение Гору, богу света, и Собеку, владыке тьмы. Был на острове Абу[181], зеленом, как изумруд, на фоне черных скал. Здесь созревали лучшие финики, и город назывался «столицей слонов», потому что в нем была сосредоточена торговля слоновой костью. Заехал и в город Сунну, расположенный у первых нильских порогов, а также посетил колоссальные гранитные и сиенитовые каменоломни, в которых при помощи деревянных клиньев, смачиваемых водой, откалывали от скал обелиски высотой до девяти этажей.

Где бы ни появлялся новый повелитель Египта, подданные встречали его с бурным восторгом. Даже работавшие в каменоломнях каторжники, тела которых были покрыты незаживающими ранами, даже они были осчастливлены, так как фараон приказал на три дня освободить их от работ.

Рамсес XIII мог быть доволен и горд: ни одного фараона, даже во время триумфального въезда, не встречали так, как его во время этого мирного путешествия. Номархи, писцы и жрецы, видя беспредельную любовь народа к новому фараону, склонялись перед его властью.

— Чернь — как стадо быков, — шептались они между собой, — а мы — как благоразумные, деловитые муравьи. Будем же чтить нового повелителя, чтобы наслаждаться здоровьем и сохранить наши дома целыми и невредимыми.

Итак, противодействие вельмож, еще за несколько месяцев до того очень сильное, сейчас сменилось покорностью. Вся аристократия, все жреческое сословие пали ниц перед Рамсесом XIII. Только Мефрес и Херихор оставались непреклонными.

И когда фараон вернулся из Сунну в Фивы, в первый же день главный казначей принес ему неблагоприятные вести.

— Все храмы, — заявил он, — отказали казне в кредите и покорнейше просят ваше святейшество распорядиться о выплате в течение двух лет полученных от них займы сумм...

— Понимаю, — ответил фараон. — Это происки святого Мефреса. Сколько же мы им должны?

— Около пятидесяти тысяч талантов.

— Значит, мы должны уплатить пятьдесят тысяч талантов в течение двух лет?.. Ну, а еще что?..

— Налоги поступают очень слабо, — продолжал казначей. — Вот уже три месяца, как мы получаем лишь четвертую часть того, что нам следует.

— Что же случилось?

Казначей стоял в смущении.

— Я слышал, — сказал он, — что какие-то люди внушают крестьянам, будто в твое царствование они могут не платить податей...

— Ого-го! — воскликнул со смехом Рамсес. — Эти какие-то люди, по-моему, очень похожи на достойнейшего Херихора. Уж не хочет ли он уморить меня голодом? Где же вы берете деньги на текущие расходы?

— По распоряжению Хирама, финикияне дают нам займы. Мы взяли уже восемь тысяч талантов...

— А расписки даете им?

— И расписки и залогов... — вздохнул казначей. — Они говорят, что это простая формальность, но все же поселяются в твоих поместьях и отнимают у крестьян что только можно.

Опьяненный приветствиями народа и смирением вельмож, фараон далее перестал сердиться на Херихора и Мефреса. Период возмущения миновал, наступило время действовать, и Рамсес в тот же день составил план.

Наутро он призвал всех, кому больше всего доверял: верховного жреца Сэма, пророка Пентуэра, своего любимца Тутмоса и финикиянина Хирама. Когда они собрались, он заявил им:

— Вам, вероятно, известно, что храмы потребовали возврата тех денег, которые получил от них займы мой вечно живущий отец. Все долги святы, а долг богам мне хотелось бы уплатить раньше всех других... Но казна моя пуста, так как даже налоги поступают нерегулярно. Поэтому я считаю, что государство в опасности, и вынужден обратиться за средствами к сокровищам, хранящимся в Лабиринте...

Жрецы беспокойно заерзали на месте.

— Я знаю, — продолжал фараон, — что по нашим священным законам моего приказа недостаточно, чтобы открыть подвалы Лабиринта. Но тамошние жрецы объяснили мне, что надо сделать: я должен созвать представителей всех сословий Египта по тринадцати человек от каждого сословия, для того чтобы они подтвердили мою волю... — При этих словах фараон усмехнулся и закончил: — Сегодня я пригласил вас для того, чтобы вы помогли мне созвать это собрание представителей сословий, и повелеваю вам следующее: ты, достойнейший Сэм, изберешь тринадцать жрецов и тринадцать номархов. Ты, благочестивый Пентуэр, приведешь из разных номов тринадцать земледельцев и тринадцать ремесленников. Тутмос доставит тринадцать офицеров и тринадцать знатных

людей, а князь Хирам займется приглашением тринадцати купцов. Я бы хотел, чтобы это собрание состоялось как можно скорее у меня во дворце в Мемфисе и, не теряя времени на пустую болтовню, решило бы, что Лабиринт должен предоставить средства моей казне...

— Осмелюсь напомнить тебе, государь, — заметил верховный жрец Сэм, — что на этом собрании должны присутствовать достойнейший Херихор и достойнейший Мефрес и что они имеют право, и даже обязаны, возражать против изъятия сокровищ из Лабиринта.

— Отлично. Я вполне согласен с этим, — ответил с жаром фараон. — Они приведут свои доводы, я — свои. Собрание же решит, может ли государство существовать без денег и разумно ли держать без пользы сокровища в подвалах, в то время как правительству грозит нищета.

— Несколькими сапфирами из тех, что хранятся в Лабиринте, можно было бы выплатить все долги финикиянам! — заявил Хирам. — Я отправлюсь к купцам и немедленно же доставлю не тринадцать, а тринадцать тысяч таких, что будут голосовать так, как тебе угодно.

Сказав это, финикиянин пал ниц и простился с фараоном.

После ухода Хирама верховный жрец Сэм сказал:

— Не знаю, хорошо ли, что на этом совете присутствовал чужеземец.

— Он должен был присутствовать, — воскликнул фараон, — потому что он не только пользуется большим влиянием у наших купцов, но, что сейчас еще важнее, доставляет нам деньги... Я хотел показать ему, что помню и думаю о своих долгах и что у меня есть средства, чтобы покрыть их.

Последовало молчание. Воспользовавшись им, Пентуэр сказал:

— Разрешите, государь, и я сейчас же поеду, чтобы набрать нужное количество земледельцев и ремесленников. Все они будут голосовать за нашего повелителя, но из огромного числа их надо выбрать самых разумных.

Он простился с фараоном и ушел.

— А ты, Тутмос? — спросил Рамсес.

— Господин мой, — ответил тот, — я настолько уверен в твоей знати и армии, что, вместо того чтобы говорить о них, я осмелюсь обратиться к тебе с личной просьбой.

— Тебе нужны деньги?

— Вовсе нет. Я хочу жениться...

— Ты? — воскликнул фараон. — Какая же это женщина заслужила у богов подобное счастье?

— Это — красавица Хеброн, дочь достойнейшего фиванского номарха Антефа, — ответил, смеясь, Тутмос. — Если ты, государь, соизволишь предложить меня этой

почтенной семье... Я хочу сказать, что моя любовь к тебе возрастет, но не скажу этого, потому что это будет ложью...

Фараон похлопал его по плечу.

— Ладно... ладно... Не уверяй меня в том, в чем я и без того уверен. Завтра же я поеду к Антефу, и клянусь богами, что не пройдет и нескольких дней, как свадьба будет слажена. А теперь можешь идти к своей Хеброн.

Оставшись наедине с Сэмом, государь спросил:

— Я вижу, лицо у тебя хмуро. Ты сомневаешься, чтобы нашлось тринадцать жрецов, готовых выполнить мой приказ?..

— Я уверен, — ответил Сэм, — что почти все жрецы и номархи сделают то, что будет необходимо для счастья Египта и удовлетворения вашего святейшества... Не забудь, однако, государь, что когда речь идет о сокровищнице Лабиринта, то окончательное решение должен дать Амон...

— Статуя Амона в Фивах?..

— Да...

Фараон пренебрежительно махнул рукой.

— Амон, — сказал он, — это Херихор и Мефрес... Что они не согласятся — это я знаю. Но я не намерен из-за упрямства двух человек рисковать судьбой государства.

— Ты ошибаешься, — ответил серьезным тоном Сэм. — Правда, очень часто статуи богов делают то, чего желают их верховные жрецы. Но... Не всегда... В наших храмах, государь, происходят иногда вещи необычайные и таинственные. Статуи богов иногда делают и говорят то, что хотят сами.

— В таком случае я спокоен, — перебил его фараон. — Боги знают положение государства и читают в моем сердце... Я хочу, чтобы Египет был счастлив, а так как я добиваюсь только этого, то ни один мудрый и добрый бог не может мне помешать.

— Да сбудутся слова твои, — прошептал верховный жрец.

— Ты хочешь сказать мне еще что-то? — спросил фараон, видя, что Сэм не спешит прощаться.

— Да, государь. На мне лежит обязанность тебе напомнить, что каждый фараон тотчас же по вступлении на престол и после похорон своего предшественника должен подумать о сооружении двух памятников: гробницы для себя и храма для богов.

— Совершенно верно! — сказал фараон. — Я не раз уже думал об этом, но, не имея денег, не тороплюсь с распоряжениями. Потому что, — прибавил он, оживляясь, — если я буду строить, то что-нибудь грандиозное, что-нибудь такое, что заставит Египет помнить обо мне.

— Ты хочешь воздвигнуть пирамиду?

— Нет, ведь мир не построит пирамиды больше Хеопсовой и храма больше, чем храм Амона в Фивах. Мое царство слишком слабо, чтобы совершать грандиозные дела... Поэтому я должен сделать что-то совсем новое, тем более что наши памятники мне уже надоели. Все похожи один на другой, как люди друг на друга, и отличаются разве только размерами, как взрослый человек от ребенка.

— Так что же?.. — спросил с удивлением жрец.

— Я говорил с греком Дионом, нашим знаменитым архитектором. Он одобрил мой план, — продолжал фараон. — Гробницу для себя я хочу построить в виде круглой башни с наружными лестницами, такую, какая была в Вавилоне... Кроме того, я воздвигну храм не в честь Осириса и Исиды, а посвящу его единому богу, в которого верят все египтяне, халдеи, финикияне, евреи... И я хочу, чтоб этот храм был походе на дворец царя Ассара, модель которого Саргон привез моему отцу.

Верховный жрец покачал головой.

— Грандиознейшие планы, государь мой, — ответил он. — Но они невыполнимы. Вавилонские башни очень непрочны и легко рушатся. А наши здания должны стоять века. Храма же единому богу воздвигнуть нельзя, ибо он не нуждается ни в одежде, ни в еде, ни в питье, весь мир — его обитель. Где храм, что вместит его? Где жрец, который дерзнул бы совершать ему жертвоприношения?..

— Гм! Тогда построим храм для Амона-Ра, — предложил фараон.

— Хорошо. Только не такой, как дворец царя Ассара. Ибо это здание ассирийское, а нам, египтянам, не подобает подражать варварам...

— Не понимаю, что ты хочешь сказать... — перебил его с легким раздражением фараон.

— Выслушай меня, господин наш, — сказал Сэм. — Посмотри на улиток — у каждой из них другая раковина: у одной — свернутая спиралью, но плоская; у другой — тоже свернутая, но продолговатая; у третьей похожа на коробочку. Таким же образом каждый народ строит свои здания согласно со своим темпераментом и характером. Египетские здания настолько же отличаются от ассирийских, насколько египтяне от ассирийцев. У нас основной формой здания является усеченная пирамида, наиболее устойчивая из всех форм, подобно тому как Египет — наиболее устойчивое из государств. У ассирийцев же основная форма — куб, который легко подвергается разрушению. Спесивый и легкомысленный ассириец ставит свои кубы один на другой и строит многоэтажные здания, под тяжестью которых оседает почва. Скромный же и благоразумный египтянин ставит свои усеченные пирамиды одну за другой. Таким образом у нас ничего не висит в воздухе, и все здание целиком покоится на земле. Отсюда проистекает, что наши здания вытянуты в длину и могут простоять века, а ассирийские вытянуты в высоту и хрупки, как их государство, которое сейчас быстро растет, а через несколько веков от него останутся одни развалины. Ассириец — крикливый хвастун, и в своих постройках он все

выставляет наружу — колонны, живопись, скульптуру. Скромный же египтянин самую красивую скульптуру и колонны прячет внутрь храма, как мудрец, который скрывает высокие мысли, чувства и желания в глубине сердца, а не украшает ими свою грудь и плечи. У нас все прекрасное скрыто. У них все делается напоказ. Ассириец, если бы мог, вспорол бы свой желудок, чтобы показать миру, какие редкие яства он ест...

— Продолжай... Продолжай!.. — воскликнул Рамсес.

— Мне остается сказать немного, — продолжал Сэм. — Я хочу только обратить твое внимание, государь, на различие между нашими и ассирийскими зданиями. Когда много лет назад, будучи в Ниневии, я смотрел на дерзко возвышающиеся над землей ассирийские башни, мне казалось, что это взбесившиеся кони, которые, закусив удила, встали на дыбы, но вот-вот упадут, и хорошо, если при этом не поломают себе ноги. А попробуйте, ваше святейшество, взглянуть с какой-нибудь высокой точки на египетский храм. Что он напоминает собой? Человека, который молится, припав к земле. Два пилон — это две руки, воздетые к небу. Две стены, окружающие двор, — это плечи. Колонный, или «небесный», зал — это голова, залы «божественного откровения» и «жертвенных столов» — это грудь, а таинственная обитель бога, «святилище» — сердце благочестивого египтянина. Наш храм учит нас, какими мы должны быть. «Да будут у тебя руки мощные, как пилоны, — говорит он нам, — а плечи крепкие, как стены. Да будет у тебя ум всеобъемлющий и щедрый, как преддверие храма; душа чистая, как залы „откровения“ и „жертвоприношений“, а в сердце, египтянин, да будет у тебя бог!» Ассирийские же здания говорят своему народу: «Старайся подняться выше всех, ассириец, держи голову выше других! Если ты и не свершишь ничего великого в жизни, то, по крайней мере, оставишь много развалин...» Неужели у тебя, государь, хватит смелости воздвигать у нас ассирийские башни, подражать народу, к которому Египет относится с презрением и брезгливостью!..

Рамсес задумался. Несмотря на рассуждения Сэма, ему и сейчас казалось, что ассирийские дворцы красивее египетских. Но он так ненавидел ассирийцев, что начал в этом сомневаться.

— Ну, вот видишь, — подхватил Херихор, — это значит, что ты должен быть заодно с нами, а не с Рамсесом.

— А разве он желает войны с Ассирией, — возразил Пентуэр, — или мешает жрецам увеличивать свою мудрость? Он хочет дать народу седьмой день для отдыха, а впоследствии выделить каждой крестьянской семье по небольшому клочку земли. И не говори мне, что фараон желает чего-то дурного. Ведь на примере храмовых поместий мы знаем, что свободный крестьянин, имеющий свою полоску земли, работает несравненно лучше, чем раб.

— Да я ничего и не имею против льгот простому народу! — воскликнул Херихор. — Я только уверен, что Рамсес ничего не сделает для него.

— Конечно, ничего, если вы откажете ему в деньгах.

— Даже если мы дадим ему пирамиду золота и серебра и вторую — драгоценных камней, он ничего не сделает, потому что это избалованный ребенок, которого ассирийский посол Саргон называл не иначе, как хлыщом.

— У фараона большие способности...

— Но он ничего не знает... ничему не учился! — ответил Херихор. — Чуть-чуть понюхал высшей школы, откуда поспешил сбежать. Вот почему сейчас в делах правления он слеп, как ребенок, который смело переставляет шашки, не имея понятия о самой игре.

— Однако он правит...

— Ну, какое это правление, Пентуэр? — ответил с улыбкой верховный жрец. — Правда, он открыл новые военные школы, увеличил количество полков, вооружает весь народ, обещает праздники простолюдинам... Но что из этого выйдет? Ты держись вдали от него и потому ничего не знаешь, а я уверяю тебя, что он, отдавая приказания, совсем не задумывается: кто что сделает, есть ли на это средства, какие будут последствия... Тебе кажется, что он правит. Это я правлю. Я продолжаю править. Я, которого он прогнал от себя... Это дело моих рук, что сейчас притекает меньше налогов в казну. Но я же предупреждаю крестьянские бунты, которые давно бы уже вспыхнули. Я умею добиться того, что крестьяне не бросают работ на каналах, плотинах и дорогах. Я, наконец, уже два раза удержал Ассирию от объявления нам войны, которую этот безумец может вызвать своими распоряжениями. Рамсес правит! Он только создает беспорядок... Ты видел образец его хозяйничанья в Нижнем Египте: он пил, кутил, заводил все новых и новых девчонок и будто бы интересовался управлением номами, ровно ничего в этом не понимая. И что хуже всего — сошелся с финикийцами, с разорившейся знатью и всякого рода предателями, которые толкают его на гибель.

— А победа у Содовых озер? — вставил Пентуэр.

— Я признаю за ним энергию и знание военного дела: вот и все его достоинства. Скажи по совести: выиграл ли бы он сражение у Содовых озер, если бы не твоя помощь и помощь других жрецов? Ведь я же знаю, что вы сообщали ему о каждом движении ливийской орды... А теперь подумай, мог ли бы Рамсес, даже при вашей помощи, выиграть сражение, например, против Нитагора? Нитагор — это мастер, а Рамсес только еще подмастерье.

— Но к чему приведет твоя ненависть? — спросил Пентуэр.

— Ненависть? — повторил Херихор. — Неужели я стану ненавидеть этого хлыща, который к тому же напоминает оленя, загнанного охотниками в ущелье? Я должен, однако, признать, что его правление настолько губительно для Египта, что, если б у Рамсеса был брат или если бы Нитагор был помоложе, мы бы уже отстранили нынешнего фараона.

— И ты стал бы его преемником? — вырвалось у Пентуэра.

Херихор нисколько не обиделся.

— Ты удивительно поглупел, Пентуэр, — сказал он, пожимая плечами, — с тех пор как стал заниматься политикой на свой страх и риск. Конечно, если бы Египет остался без фараона, я был бы обязан принять власть, как верховный жрец Амона Фиванского и председатель верховной коллегии жрецов. Но зачем мне это? Разве я не пользуюсь в течение десяти с лишним лет большей властью, чем фараон? Или разве сейчас я, отстраненный военный министр, не делаю в государстве того, что считаю нужным? Те самые верховные жрецы, казначеи, судьи, номархи и даже военачальники, которые избегают меня теперь, все равно должны исполнять каждый тайный приказ верховной коллегии, скрепленный моей печатью. Найдется ли в Египте человек, который не исполнил бы такого приказа? Ты сам посмел бы противиться ему?

Пентуэр опустил голову. Если, несмотря на смерть Рамсеса XII, сохранился тайный Высший жреческий совет, то Рамсес XIII должен или подчиниться ему, или вступить с ним в борьбу не на жизнь, а на смерть.

За фараона весь народ, вся армия, многие жрецы и большинство гражданских чиновников. Совет может рассчитывать всего на несколько тысяч сторонников, на свои богатства и отличную организацию. Силы совершенно неравные. Но исход борьбы все же очень сомнителен.

— Так вы решили погубить фараона? — спросил Пентуэр шепотом.

— Вовсе нет! Мы хотим только спасти государство.

— Как же должен поступить Рамсес Тринадцатый?

— Не знаю, как он поступит, — ответил Херихор. — Но я знаю, как поступил его отец. Рамсес Двенадцатый тоже начал править как невежда и самодур. Но когда у него не хватило денег и самые ревностные сторонники его стали относиться к нему с пренебрежением, он обратился к богам. Окружил себя жрецами, учился у них и даже женился на дочери верховного жреца Аменхотепа... А потом прошло десять — двенадцать лет, и он пришел к тому, что сам стал верховным жрецом, и не только благочестивым, но даже весьма ученым.

— А если фараон не послушает этого совета? — спросил Пентуэр.

— Тогда мы обойдемся без него, — ответил Херихор.

А затем добавил:

— Послушай меня, Пентуэр, — я знаю не только, что делает, но даже, что думает этот твой фараон, который, впрочем, не успел еще торжественно короноваться и в наших глазах — ничто. Я знаю, что он собирается сделать жрецов своими слугами, а себя мнит единственным повелителем Египта. Но это не безрассудство, это измена. Не фараоны — ты это хорошо знаешь — создали Египет, а боги и жрецы. Не фараоны определяют день и высоту подъема воды в Ниле и регулируют его разливы. Не фараоны научили народ сеять, собирать плоды, разводить скот. Не фараоны лечат болезни и наблюдают, чтобы

государство не подвергалось опасности со стороны внешних врагов. Что было бы, скажи сам, если б наша каста отдала Египет на произвол фараонов? Мудрейший из них имеет за собой опыт каких-нибудь двух-трех десятков лет. А жреческая каста наблюдала и училась в продолжение десятков тысяч лет. У самого могущественного повелителя только одна пара глаз и рук. У нас же тысячи глаз и рук во всех номах и даже в других государствах... Может ли деятельность фараона сравниться с нашей? И в случае разногласий кто должен уступать: мы или он?

— Что же мне теперь делать? — спросил Пентуэр.

— Делай, что тебе приказывает этот юнец; только не выдавай священных тайн. А остальное... предоставь времени. Я искренне желаю, чтобы юноша, именуемый Рамсесом Тринадцатым, опомнился, и думаю, что так и было бы, если б... если б он не связался с мерзкими предателями, над которыми уже нависла рука богов.

Пентуэр распрощался с верховным жрецом, полный горестных предчувствий. Он не пал, однако, духом, зная, что то, чего он добьется для народа в ближайшее время, останется, даже если жрецы возьмут верх.

«В самом худшем положении, — думал он, — надо делать все, что мы можем и что от нас требуется. Когда-нибудь все это наладится, и нынешний посев даст свой урожай».

Все же он решил не волновать народ. Напротив, готов был успокаивать нетерпеливых, чтобы не создавать фараону новых затруднений.

Несколько недель спустя Пентуэр въезжал в пределы Нижнего Египта; по дороге он приглядывался к крестьянам и ремесленникам, из числа которых можно было бы выбрать делегатов в собрание, созываемое фараоном.

Всюду видны были признаки сильнейшего возбуждения: крестьяне и работники требовали, чтобы им был дан седьмой день для отдыха и чтобы им платили за все общественные работы, как это было прежде. И только благодаря проповедям жрецов разных храмов не вспыхнул еще бунт и не прекратились работы.

Кроме того, его поразили и кое-какие новые явления, которых еще месяц назад он не замечал.

Во-первых, население разделилось на две партии. Одни были сторонниками фараона и врагами жрецов, другие восставали против финикиян. Одни доказывали, что жрецы должны выдать фараону сокровища Лабиринта, другие шептали, что фараон слишком покровительствует чужеземцам. Но особенно поразил его неизвестно кем пущенный слух, будто Рамсес XIII проявляет признаки сумасшествия, как его сводный старший брат, отстраненный от престола. Этот слух распространился среди жрецов, чиновников и даже среди крестьян.

— Кто вам рассказывает подобный вздор? — спросил Пентуэр одного знакомого инженера.

— Это не вздор, — ответил инженер, — а прискорбная истина. В фиванских дворцах видели фараона, бегущего нагим по садам, а однажды ночью он влезал на деревья под окнами царицы Никотрисы и разговаривал с ней самой.

Пентуэр уверял инженера, что не далее как полмесяца назад видел фараона в полнейшем здравье, но тот не поверил ему.

«Это уж происки Херихора, — подумал жрец. — Впрочем, только жрецы и могли получить такое сообщение из Фив».

На время у него остыло желание заниматься отбором делегатов. Но вскоре к нему вернулась энергия, и он по-прежнему повторял себе: то, что народ выиграет сегодня, он не потеряет завтра. Разве что произойдут какие-нибудь чрезвычайные события.

За Мемфисом к северу от пирамид и сфинкса возвышался на самой границе песков небольшой храм богини Нут. Там проживал престарелый жрец Менес, величайший в Египте астроном и одновременно ученый механик.

Когда в стране приступали к постройке большого здания или нового канала. Менес являлся на место и давал свои указания. Вообще же он вел более чем скромную, одинокую жизнь в своем храме, наблюдая по ночам звезды, а днем работая над какими-то приборами.

Пентуэр уже несколько лет не был в этих местах, и его поразила запущенность и убожество храма. Кирпичная стена обвалилась, деревья в саду засохли, по двору бродили тощая коза и несколько кур.

У ограды храма не было никого. Лишь когда Пентуэр стал громко звать, из пилона вышел старик — босой, в грязном чепце и в перекинутой через плечо облезлой шкуре пантеры. И все же осанку его отличало достоинство, а лицо светилось умом. Он пристально посмотрел на гостя и произнес:

— Кажется ли мне, или это в самом деле ты, Пентуэр?

— Да, это я, — ответил прибывший и сердечно обнял старика.

— Ого! — воскликнул Менес, а это был действительно он. — Я вижу, пребывание в царских хоробах преобразило тебя! Кожа гладкая, белые руки и золотая цепь на шее. Таких украшений долго еще придется ждать богине небесного океана, матери Нут!

Пентуэр хотел было снять цепь, но Менес остановил его, посмеиваясь.

— Не надо! — сказал он. — Если б ты знал, какие драгоценности у нас в небесах, ты не стал бы жертвовать золото... Что, пришел к нам пожить?

Пентуэр отрицательно покачал головой.

— Нет, — ответил он, — я пришел только поклониться тебе, божественный учитель.

— И опять во дворец? — смеялся старик. — Эх вы! Если бы вы знали, что теряете, пренебрегая мудростью ради дворцов, вас бы тоска заела.

— Ты здесь один, учитель?

— Как пальма в пустыне, особенно сегодня, когда мой глухонемой слуга отправился с корзиной в Мемфис собрать что-нибудь у добрых людей для матери Ра и ее жреца.

— И не скучно тебе?

— Мне? — воскликнул Менес. — За то время, что мы с тобой не виделись, я вырвал у богов несколько тайн, которых не отдал бы за обе короны Египта.

— Это секрет? — спросил Пентуэр.

— Какой секрет! Год тому назад я закончил измерения и расчеты, касающиеся величины земли...

— Как это понимать?

Менес оглянулся и понизил голос.

— Тебе ведь известно, — заговорил он, — что земля не плоская, как стол, а представляет собой огромный шар, на поверхности которого находятся моря, храмы и города.

— Это известно, — сказал Пентуэр.

— Не всем, — ответил Менес, — и уж никому не было известно, как велик может быть этот шар.

— А ты знаешь? — спросил чуть не в испуге Пентуэр.

— Знаю. Наша пехота делает в день около тринадцати египетских миль[182]. Так вот, земной шар так велик, что нашим войскам, чтобы обойти его кругом, понадобилось бы целых пять лет.

— О боги! — воскликнул Пентуэр. — И тебе не страшно думать о подобных вещах?

Менес пожал плечами.

— Производить вычисления — что же в этом страшного? — ответил он. — Вычислять размеры пирамиды или земли — не все ли равно? Я делал вещи потруднее — я измерил расстояние между нашим храмом и дворцом фараона, не переправляясь за Нил.

— Поразительно! — воскликнул Пентуэр.

— Что поразительно? Вот я открыл нечто, что в самом деле всех поразит, только не говори об этом никому. В месяце паопи (июль — август) у нас будет солнечное затмение. Днем станет темно, как ночью, и пусть я умру голодной смертью, если ошибся в расчете хотя бы на одну двадцатую часа.

Пентуэр коснулся амулета, который был у него на груди, и прочитал молитву. Потом сказал:

— Я читал в священных книгах, что не один раз уже, к великому огорчению людей, днем становилось темно, как ночью. Но отчего это бывает, я не знаю.

— Ты видишь там пирамиды? — спросил его Менес, показывая в сторону пустыни.

— Вижу.

— Теперь приставь ладонь к глазам. Видишь пирамиды? Не видишь. Ну так вот, солнечное затмение — это примерно то же самое: между солнцем и нами станет луна, заслонит отца света, и наступит тьма.

— И это случится у нас? — спросил Пентуэр.

— В месяце паопи. Я писал об этом фараону, надеясь, что он преподнесет какой-нибудь подарок нашему всеми забытому храму. Но он, прочитав письмо, поднял меня на смех и велел моему посланному отнести это известие Херихору.

— А Херихор?

— Дал мне тридцать мер ячменя. Это единственный человек в Египте, который уважает мудрость. А молодой фараон легкомыслен.

— Не будь строг к нему, отец, — сказал Пентуэр, — Рамсес Тринадцатый хочет улучшить положение крестьян и работников; он даст им отдых в каждый седьмой день, запретит бить их без суда и, может быть, наделит землей.

— А я говорю тебе, что он ветрогон, — ответил с раздражением Менес. — Два месяца назад я послал ему подробную записку о том, как можно облегчить тяжелый труд крестьян, и... он тоже высмеял меня! Это спесивый невежда.

— Ты предубежден против него, отец. А вот расскажи-ка мне про свой проект. Может быть, я помогу привести его в исполнение.

— Проект? — повторил старик. — Это уже не проект, а готовая вещь.

Он встал со скамьи и вместе с Пентуэром направился к пруду, на берегу которого стоял навес, густо обвитый вьющимися растениями. Под навесом находилось большое колесо, насаженное на горизонтальную ось, со множеством ведерок во внешней окружности. Менес вошел внутрь и стал переступать ногами; колесо вертелось, и ведерки, черпая воду из пруда, выливали ее в корыто, стоявшее выше.

— Любопытное сооружение, — сказал Пентуэр.

— А ты догадываешься, что оно может сделать для египетского народа?

— Нет.

— Так вот, представь себе такое же колесо, только в пять или десять раз больше, и что его приводит в движение не человек, а несколько пар быков.

— Более или менее представляю себе, — сказал Пентуэр, — но только не понимаю...

— Да ведь это же так просто! — ответил Менес. — При помощи этого колеса быки или лошади смогут черпать воду из Нила и переливать ее в каналы, расположенные один над другим. И тогда полмиллиона человек, стоящих сейчас у журавлей, смогут отдыхать. Теперь ты видишь, что мудрость делает для человеческого счастья больше, чем фараоны.

Пентуэр покачал головой.

— А сколько на это потребуется дерева? — спросил он. — Сколько быков, сколько пастбищ? Мне кажется, что твое колесо не заменит населению седьмой день...

— Я вижу, — ответил Менес, пожимая плечами, — что не на пользу тебе пошли чины. Но хотя ты утратил сообразительность, которая удивляла меня в тебе, я покажу тебе еще кое-что. Может быть, ты еще вернешься к мудрости и, когда я умру, захочешь работать над усовершенствованием и распространением моих изобретений.

Они вернулись к пилону. Менес подложил немного топлива под медный котелок, раздул огонь, и скоро вода закипела.

Из котелка выходила горизонтальная труба с отверстием на конце, прикрытым тяжелым камнем. Когда в котле закипело. Менес проговорил:

— Встань вон туда, в уголок, и смотри...

Он повернул рукоятку, прикрепленную к трубе, и в одно мгновение тяжелый камень взлетел в воздух, а помещение наполнилось клубами горячего пара.

— Чудо! — вскричал Пентуэр, но, тотчас же успокоившись, спросил: — Ну, а чем этот камень улучшит положение народа?

— Камень — ничем, — ответил уже с некоторым раздражением мудрец. — Но поверь мне и запомни — настанет время, когда лошадь и бык заменят человеческий труд, а кипящая вода станет работать вместо быка и лошади.

— Но крестьянам-то от этого какая будет польза? — допытывался Пентуэр.

— Ох, горе мне с тобой! — вскричал Менес, хватаясь за голову. — Не знаю, постарел ты или просто поглупел, только вижу, что крестьяне заслонили для тебя весь мир. Если бы мудрецы думали только о крестьянах, им пришлось бы забросить книги и вычисления и пойти в пастухи.

— Всякое дело должно приносить пользу, — заметил нерешительно Пентуэр.

— Вы, придворные, — сказал укоризненно Менес, — часто бываете непоследовательны: когда финикиянин приносит вам рубин или сапфир, вы не спрашиваете, какая от этого польза, а покупаете драгоценный камень и прячете его в сундук, а когда мудрец приходит к вам с изобретением, которое может изменить облик мира, вы прежде всего спрашиваете, какая от этого польза. Вы

боитесь, видно, что изобретатель потребует от вас горсть ячменя за вещь, значение которой не постигает ваш ум.

— Ты сердишься, отец? Я ведь не хотел тебя огорчить.

— Я не сержусь, я скорблю. Еще двадцать лет назад было нас в этом храме пять человек. Мы работали над открытием новых тайн. Сейчас я остался один, и — о боги! — не могу никак найти не только преемника, но даже человека, который бы меня понимал.

— Я, наверно, остался бы здесь на всю жизнь, отец, чтобы узнать твои божественные замыслы, — возразил Пентуэр. — Скажи, однако, могу ли я замкнуться в храме сейчас, когда решаются судьбы государства и счастье простого народа и когда мое участие...

— Может повлиять на судьбы государства и нескольких миллионов людей... — насмешливо перебил Менес. — Эх вы, взрослые дети, украшающие себя митрами и золотыми цепями! Оттого, что вы можете зачерпнуть воды в Ниле, вам уже кажется, что вы можете остановить подъем или падение воды в реке. Право, не иначе думает овца, которая, идя за стадом, воображает, что она его погоняет.

— Но ты подумай только, учитель: у молодого фараона сердце полно благородства. Он хочет дать народу право отдыха на седьмой день, справедливый суд и даже землю.

Менес покачал головой.

— Все это, — сказал он, — не вечно. Молодые фараоны стареют, а народ... Народ имел уже не один раз седьмой день отдыха и землю, а потом... потом их терял. О, если б только это менялось! Сколько за три тысячи лет сменилось в Египте династий и жрецов, сколько городов и храмов превратилось в развалины, на которые наслоились новые пласты земли! Все изменилось, кроме того, что дважды два — четыре, что треугольник — половина прямоугольника, что луна может закрыть солнце, а кипящая вода выбрасывает камень в воздух. В преходящем мире остается неизменной только мудрость. И горе тому, кто ради вещей преходящих, как облако, покидает вечное! Если сердце никогда не будет знать покоя, а ум будет бросать из стороны в сторону, как челнок во время бури.

— Боги говорят твоими устами, учитель, — ответил, подумав, Пентуэр, — но из миллионов разве лишь один человек может стать сосудом их мудрости. И это хорошо. Ибо что было бы, если бы крестьяне по целым ночам смотрели на звезды, солдаты занимались вычислениями, а высокие сановники и фараон, вместо того чтобы управлять, метали в воздух камни при помощи кипящей воды? Не успела бы луна один раз обойти землю, как всем нам пришлось бы умереть с голоду... И никакое колесо, никакой котел не защитили бы страну от нашествия варваров, не обеспечили бы правосудия обиженным. Поэтому, — закончил Пентуэр, — хотя мудрость нужна, как солнце, как кровь и дыхание, мы не можем, однако, все быть мудрецами.

На это Менес ему ничего не ответил.

Несколько дней провел Пентуэр в храме божественной Нут, любуясь то картиной песчаного моря, то видом плодородной нильской долины. Вместе с Менесом он наблюдал звезды, рассматривал колесо для черпания воды, иногда уходил к пирамидам, изумлялся нищете и гению своего учителя, но мысленно говорил себе:

«Менес, несомненно, бог, воплощенный в человеческом существе, и потому не думает о земной жизни. Но его колесо для черпания воды не привьется в Египте, во-первых, потому, что у нас не хватает дерева, а во-вторых, чтобы приводить такие колеса в движение, нужны сотни тысяч быков. А где для них пастбища, хотя бы и в Верхнем Египте?»

— В таком случае, — ответил он, — я подожду с постройкой храма и гробницы для себя. Вы же, мудрецы, желающие мне добра, обдумайте планы таких зданий, которые бы донесли мое имя до самых отдаленных поколений.

«Нечеловеческой гордыни исполнен этот юноша!» — сказал про себя верховный жрец и, опечаленный, простился с фараоном.

11

Тем временем Пентуэр собрался обратно в Нижний Египет, чтобы отобрать для фараона по тринадцати делегатов земледельческого и ремесленного сословия и поощрить трудящийся народ к требованию реформ, обещанных новым повелителем. По его убеждению, важнейшим делом для Египта было — устранить обиды и злоупотребления, от которых страдают трудящиеся. Но как-никак Пентуэр все же был жрецом и не только не желал падения своей касты, но даже не хотел порывать нити, связывавшие его с нею.

Поэтому, чтобы подчеркнуть свою преданность, он пошел проститься с Херихором.

Могущественный некогда вельможа принял его, улыбаясь.

— Редкий гость! Редкий гость! — воскликнул Херихор. — С тех пор как тебе удалось стать советником государя, ты и на глаза мне не показываешься... Правда, не ты один... Но что бы ни ждало нас, я не забуду твоих услуг, даже если ты станешь еще больше избегать меня.

— Я — не советник нашего господина и не избегаю вашего высокопреосвященства, по милости которого я стал тем, что я есть, — ответил Пентуэр.

— Знаю, знаю! — ответил Херихор. — Ты не принял высокого звания, чтобы не способствовать гибели храмов. Знаю... знаю... Хотя, может быть, и жаль, что ты не стал советником сорвавшегося с цепи молокососа, который якобы правит нами... Ты, наверно, не позволил бы ему окружить себя изменниками, которые его погубят.

Пентуэр, не желая продолжать разговор на эту щекотливую тему, рассказал Херихору, зачем он едет в Нижний Египет.

— Что ж, пускай Рамсес Тринадцатый созывает собрание всех сословий. Это его право. Но, — сказал Херихор, — мне жаль, что ты в это вмешиваешься. Я тебя не узнаю. Помнишь, что ты говорил во время маневров под Пи-Баилосом моему адъютанту? Я тебе напомню. Ты говорил, что надо ограничить злоупотребления и разврат фараонов. А сейчас поощряешь сумасбродные требования самого большого развратника, какого знал когда-либо Египет...

— Рамсес Тринадцатый, — возразил Пентуэр, — хочет улучшить положение народа. Я, сын крестьянина, был бы дураком и подлецом, если бы не помогал ему в этом.

— И ты не задумываешься над тем, не повредит ли это нам, жрецам?

Пентуэр удивился:

— Ведь вы же сами предоставляете льготы принадлежащим вам крестьянам! — воскликнул он. — К тому же у меня есть ваше разрешение.

— Что? Какое? — возмутился Херихор.

— Вспомни: в ту ночь, когда в храме Сета мы приветствовали святейшего Берозса, Мефрес говорил, что Египет пришел в упадок вследствие утраты жреческой кастой былого влияния, а я утверждал, что причина бедствий страны в нищете народа. На это ты, насколько я помню, ответил: «Пусть Мефрес займется улучшением положения жрецов, а Пентуэр — крестьянства. Я же буду стараться предупредить пагубную войну между Египтом и Ассирией».

12

Пока Пентуэр объезжал страну, отбирая делегатов, Рамсес XIII жил в Фивах и устраивал женитьбу своего любимца Тутмоса.

Прежде всего повелитель обоих миров, окруженный великолепной свитой, поехал на золоченой колеснице во дворец достойнейшего Антефа, номарха Фив. Знатный вельможа поспешил навстречу повелителю к самым воротам и, сняв дорогие сандалии, на коленях помог Рамсесу сойти.

В ответ на такое приветствие фараон подал ему руку для поцелуя и объявил, что отныне Антеф будет его другом и имеет право входить в обуви даже в тронный зал.

Когда же они очутились в огромном зале дворца Антефа, фараон в присутствии всей свиты произнес:

— Я знаю, достойный Антеф, что если твои досточтимые предки живут в красивейших гробницах, то тебе, их потомку, нет равного среди номархов Египта. Ты же, наверное, знаешь, что при моем дворе и в войске, равно как и в моем царском сердце, первое место занимает любимец мой, начальник моей гвардии,

Тутмос. По мнению мудрецов, плохо поступает богач, который не вставляет самый дорогой камень в самый красивый перстень. И так как твой род, Антеф, мне дороже всех, а Тутмос всех милее, то я решил породнить вас. Это легко может состояться, если дочь твоя, прекрасная и умная Хеброн, возьмет себе в супруги Тутмоса.

На это достойный Антеф ответил:

— Ваше святейшество, повелитель мира живых и мертвых! Как весь Египет и все, что в нем принадлежит тебе, так этот дом и все его обитатели являются твоей собственностью. И если ты желаешь, чтобы моя дочь Хеброн стала женой твоего любимца Тутмоса, то да будет так...

Фараон рассказал Антефу, что Тутмос получает двадцать талантов жалованья в год, а кроме того, у него большие поместья в разных номах. Достойный же Антеф заявил, что его единственная дочь Хеброн станет получать ежегодно по пятьдесят талантов и может пользоваться поместьями отца в тех номах, где будет останавливаться двор фараона. А так как у Антефа нет сына, то все его огромное, свободное от долгов состояние перейдет когда-нибудь к Тутмосу вместе с должностью фиванского номарха, если будет на то соизволение фараона.

По окончании переговоров вошел Тутмос и поблагодарил Антефа за то, что он отдает свою дочь ему, такому бедняку, а также за то, что ее так хорошо воспитал. Договорились, что свадебная церемония состоится через несколько дней, так как Тутмос, будучи начальником гвардии, не располагает временем и не может участвовать в слишком длительных торжествах.

— Желая тебе счастья, сын мой, — сказал, улыбаясь, Антеф, — и большого терпения, так как любимой моей дочери Хеброн уже двадцать лет, она первая модница в Фивах и очень своенравна... Клянусь богами, моя власть над Фивами кончается у садовой калитки моей дочери, и я боюсь, что твое высокое звание произведет на нее не большее впечатление.

Благородный Антеф пригласил своих гостей на роскошный обед, во время которого появилась красавица Хеброн, окруженная своими подругами.

В трапезной зале стояло множество столиков на две и четыре персоны и один стол побольше на возвышении — для фараона. Чтобы оказать честь Антефу и своему любимцу, его святейшество подошел к Хеброн и пригласил ее к своему столу.

Девушка Хеброн была действительно хороша собой и производила впечатление девицы искушенной, что в Египте не было редкостью. Рамсес скоро заметил, что невеста совсем не обращает внимания на будущего супруга, зато бросает красноречивые взгляды в его, фараона, сторону.

Это тоже не казалось странным в Египте.

Когда гости уселись за столики, когда заиграла музыка и танцовщицы стали разносить гостям вино и цветы, Рамсес обратился к ней:

— Чем больше я смотрю на тебя, Хеброн, тем больше поражаюсь. Если бы сюда вошел кто-нибудь посторонний, он принял бы тебя за богиню или верховную жрицу, но никак не за счастливую невесту.

— Ошибаешься, государь, — ответила она, — сейчас я счастлива, но не потому, что я невеста...

— Как это так? — спросил фараон.

— Меня не манит замужество, и я предпочла бы стать верховной жрицей Исиды, чем чьей-либо женой.

— Зачем же ты выходишь замуж?

— Я это делаю ради отца, который хочет непременно иметь наследника своей славы. А главным образом потому, что ты так хочешь, государь...

— Неужели тебе не нравится Тутмос?

— Я этого не говорю. Тутмос красив, он первый щеголь в Египте, хорошо поет и получает призы на игрищах, а его положение начальника гвардии вашего святишества одно из высших в стране. И все же, если бы не просьба отца и твое появление, государь, я не стала бы его женой... И все равно я ею не буду. Тутмос удовлетворится богатством и титулами, которые он унаследует после моего отца, а остальное найдет у танцовщиц.

— И он знает о своем несчастье?

Хеброн улыбнулась.

— Он давно знает, что если бы даже я была не дочерью Антефа, а последнего парасхита, я все равно не согласилась бы принадлежать человеку, которого не люблю. А любить я могла бы только того, кто выше меня.

— В самом деле? — удивился Рамсес.

— Мне ведь двадцать лет — значит, уже шесть лет меня окружают поклонники. Но я быстро узнала им цену... и сейчас предпочитаю беседы с учеными жрецами песням и признаниям золотой молодежи.

— В таком случае я не смею сидеть рядом с тобой, Хеброн, потому что я даже не принадлежу к золотой молодежи и уж подавно не обладаю жреческой мудростью.

— О, ты, государь, выше их, — вся вспыхнув, ответила Хеброн. — Ты вождь, одержавший победу. Ты порывист, как лев, зорок, как коршун. Перед тобой миллионы людей падают ниц, содрогаются государства... Разве мы не знаем, какой страх вызывает в Тире и Ниневии твое имя? Боги могли бы завидовать твоему могуществу...

Рамсес смутился.

— О Хеброн, Хеброн! Если б ты знала, какую тревогу будишь ты в моем сердце!

— Поэтому, — сказала она, — я и соглашаюсь на брак с Тутмосом. Я буду ближе к тебе и, хоть изредка, смогу видеть тебя, государь.

Сказав это, она встала из-за столика и ушла.

Ее поведение заметил Антеф и в испуге подошел к Рамсесу.

— О государь! — воскликнул он. — Не сказала ли моя дочь чего-нибудь неподобающего? Она ведь неукротима, как львица.

— Успокойся, — ответил фараон, — твоя дочь очень умна и серьезна. А ушла она, заметив, что вино твое, достойнейший, слишком сильно веселит гостей.

Действительно, в трапезной царил уже страшный шум и громче всего раздавался голос Тутмоса, который, забыв о своей роли помощника хозяина, веселился вовсю.

— Скажу тебе по секрету, — шепнул Антеф, — бедняге Тутмосу придется быть очень осторожным с Хеброн.

Это первое пиршество продлилось до утра. Правда, фараон сейчас же уехал. Но другие остались — сначала в креслах, потом на полу, — пока в конце концов Антефу не пришлось развезти их, мертвецки пьяных, по домам.

Спустя несколько дней состоялось торжество бракосочетания.

Во дворец Антефа явились верховные жрецы Херихор и Мефрес, номархи соседних номов и высшие фиванские сановники. Затем приехал Тутмос, окруженный офицерами гвардии, и, наконец, его святейшество Рамсес XIII.

Его сопровождали: верховный писец, начальник лучников, начальник конницы, верховный судья, главный казначей, верховный жрец Сэм и военачальники.

Когда это великолепное общество собралось в зале предков благородного Антефа, появилась Хеброн в белом платье, окруженная подругами и прислужницами. Отец ее, возжегши благовония перед Амоном, перед статуей своего отца и сидевшим на возвышении Рамсесом XIII, заявил, что освобождает Хеброн от своей опеки и дает ей приданое. При этом он преподнес ей в золотой шкатулке соответствующий акт, написанный на папирусе и засвидетельствованный судом.

После короткой трапезы невеста села в роскошные носилки, несомые восьмью чиновниками нома. Впереди шли музыканты и певцы, вокруг носилок — сановники, а за ними большая толпа народа. Вся это процессия направлялась к храму Амона по красивейшим улицам Фив, среди не менее многолюдной толпы, чем на похоронах фараона.

Подойдя к храму, толпа осталась за оградой, а молодые, фараон и вельможи вошли в колонный зал. Тут Херихор воскурил фимиам перед завешенной статуей Амона, жрицы исполнили священный танец и Тутмос прочел следующий акт, записанный на папирусе:

— «Я, Тутмос, начальник гвардии его святейшества Рамсеса Тринадцатого, беру тебя, Хеброн, дочь фиванского номарха Антефа, в жены. Даю тебе сейчас же десять талантов за то, что ты согласилась стать моей женой. На твои наряды предоставляю тебе три таланта в год, а на домашние расходы по таланту в месяц. Из детей, которые родятся у нас, старший сын будет наследником состояния, каким я владею сейчас и какое могу приобрести в будущем. Если я разведусь с тобой и возьму другую жену, я обязуюсь выплатить тебе сорок талантов, под какую сумму залогом будет служить мое имущество. Когда сын наш войдет в права наследства, он должен выплачивать тебе пятнадцать талантов в год. Дети же, рожденные от другой жены, не вправе притязать на имущество первородного нашего сына».[183]

После этого выступил верховный судья и от имени Хеброн прочитал акт, в котором молодая хозяйка обещала хорошо кормить и одевать своего супруга, заботиться о его доме, семье, прислуге, хозяйстве и рабах и поручала ему, супругу, управление имуществом, каким она владеет и должна со временем получить от отца. После прочтения актов Херихор подал Тутмосу бокал вина. Жених выпил половину, красавица Хеброн пригубила, после чего оба воскурили благовония перед пурпурной завесой.

Покинув храм Амона Фиванского, молодые и их великолепная свита отправились через аллею сфинксов во дворец фараона. Толпы людей и солдат приветствовали их, бросая под ноги цветы.

Тутмос раньше жил в покоях Рамсеса, но в день свадьбы фараон подарил ему красивый маленький дворец в глубине парка, окруженный рощей смоковниц, мирт и баобабов, где молодые супруги могли проводить счастливые дни вдали от людских глаз, как бы отрезанные от мира. В этом тихом уголке так редко показывались люди, что даже птицы не улетали от них.

Когда молодожены и гости очутились в новом жилище, был совершен последний обряд.

Тутмос взял за руку Хеброн и подвел ее к огню, горевшему перед статуей Исиды. Мефрес возлил на голову невесты ложку святой воды. Хеброн коснулась рукой огня, и Тутмос поделился с ней куском хлеба и надел ей на палец свой перстень в знак того, что с этих пор она становится хозяйкой имущества, слуг, стад и рабов своего мужа.

В продолжение всей этой церемонии жрецы с пением свадебных гимнов носили статую божественной Исиды по всему дому. Жрицы же исполняли священные танцы.

День закончился представлением и народным пиршеством, и все обратили внимание на то, что красавицу Хеброн все время сопровождал фараон, а Тутмос держался поодаль и только потчевал гостей.

Когда показались звезды, святой Херихор покинул пиршество, и вскоре после него незаметно удалилось и несколько высших сановников. Около полуночи в

подземельях храма Амона собрались следующие высокопоставленные особы: верховные жрецы Херихор, Мефрес и Ментесуфис, верховный судья Фив и начальники номов Абс, Горти и Эмсух[184].

Ментесуфис осмотрел толстые колонны, запер дверь и погасил свет; в низком зале остался только один светильник, горевший перед небольшой статуей Гора. Сановники расселись на трех каменных скамьях, и номарх Абса сказал:

— Если б от меня потребовали, чтобы я определил характер его святейшества, Рамсеса Тринадцатого, то, право, я не сумел бы этого сделать.

— Сумасшедший! — сказал, не выдержав, Мефрес.

— Не знаю, сумасшедший ли, — ответил Херихор, — но, во всяком случае, человек весьма опасный. Ассирия уже два раза напоминала нам об окончательном договоре и сейчас, как я слышал, начинает тревожиться по поводу вооружения Египта.

— Это бы еще ничего, — сказал Мефрес. — Хуже то, что этот безбожник действительно задумал коснуться сокровищ Лабиринта.

— А я бы считал, — вмешался номарх Эмсуха, — что опаснее всего обещание, данное им крестьянам. Доходы государства и наши, безусловно, уменьшатся, если простой народ начнет праздновать каждый седьмой день. А если еще фараон наделит их землей...

— Он и собирается это сделать, — подтвердил сидевший в задумчивости судья.

— Действительно собирается? — спросил номарх Горти. — Мне кажется, он только хочет получить деньги. Может быть, если ему предоставить кое-что из сокровищ Лабиринта...

— Ни в коем случае! — перебил его Херихор. — Опасность угрожает не государству, а только фараону, а это не одно и то же. Помните, что подобно тому, как плотина крепка до тех пор, пока через нее не просочится ни одна струйка воды, так Лабиринт до тех пор полон, пока мы не тронем в нем первого слитка золота. За первым слитком пойдет все остальное... К тому же, кого мы поддержим сокровищами богов и государства? Юнца, презирающего веру, унижающего жрецов и подстрекающего народ. Разве он не хуже Ассара? Тот, правда, варвар, но он не причиняет нам вреда.

— Неприлично, что фараон так открыто ухаживает за женой своего приближенного в день его свадьбы, — заметил судья.

— Хеброн сама его завлекает! — сказал номарх Горти.

— Женщина всегда завлекает мужчину, — ответил номарх Эмсуха, — но для того и дан человеку разум, чтобы он не грешил.

— Разве фараон не является мужем всех женщин в Египте? — прошептал номарх Абса. — К тому же грехи подлежат суду богов, а нас касаются лишь государственные вопросы.

— Опасный он человек! Опасный! — повторил номарх Эмсуха, тряся руками и головой. — Нет ни малейшего сомнения, что простой народ потерял всякое уважение к начальству и со дня на день поднимет бунт. А тогда ни один верховный жрец или номарх не может быть уверенным не только в своей власти и имуществе, но даже и в жизни.

— Против бунта у меня есть средство, — заметил Мефрес.

— Какое?

— Во-первых, — заявил Мефрес, — бунт можно предупредить, внушив самым разумным из народа, что тот, кто обещает им столь большие льготы, — сумасшедший.

— Это самый здоровый человек, какой только может быть, — прошептал номарх Горти. — Надо только понять, чего он хочет...

— Он сумасшедший! Сумасшедший! — повторял Мефрес. — Его старший сводный брат уже изображает из себя обезьяну и пьянствует с парасхитами, и этот, того и жди, начнет делать то же самое...

— Скверный это и никуда не годный прием — объявить сумасшедшим человека в здравом уме, — взял слово номарх Горти. — Потому что стоит народу почуять обман, как он вовсе перестанет нам верить, а тогда не избежать бунта.

— Если я говорю, что Рамсес сумасшедший, то у меня, очевидно, есть доказательства, — заявил Мефрес. — Вот послушайте.

Вельможи зашевелились на скамьях.

— Скажите, — продолжал Мефрес, — решится ли человек в здравом уме, будучи наследником престола, вступить в борьбу с быком на глазах у нескольких тысяч азиатов? Станет ли здравомыслящий египтянин, притом царевич, шататься по ночам у финикийского храма? Бросит ли он без всякого повода, как рабыню, в людскую свою первую женщину, что явилось даже причиной смерти и ее и ребенка?

Среди присутствующих пробежал ропот ужаса.

— Все это, — продолжал верховный жрец, — мы видели в Бубасте. Кроме того, и я и Ментесуфис были свидетелями пьяных оргий, на которых наследник, уже полусумасшедший, кощунствовал и оскорблял жрецов.

— Было и так, — подтвердил Ментесуфис.

— А как вы думаете, — продолжал все более страстно Мефрес, — здравомыслящий человек, будучи главнокомандующим, покинет армию, чтобы погнаться за несколькими ливийскими бандитами? Я уже не говорю о множестве мелких фактов, вроде хотя бы проекта дать крестьянам землю и отдых каждый седьмой день. Но, спрашиваю вас, могу ли я считать человека здоровым, если он совершил столько преступлений без всякого повода, так, ни с того ни с сего?

Присутствующие молчали. Номарх Горти казался взволнованным.

— Надо все это продумать, — заметил верховный судья, — чтобы зря не обидеть человека.

Слово взял Херихор.

— Святой Мефрес оказывает Рамсесу милость, считая его сумасшедшим, ибо иначе мы должны были бы объявить его изменником.

Присутствующие снова взволнованно зашевелились.

— Да, человек, именуемый Рамсесом Тринадцатым, — изменник, потому что не только подыскивает себе шпионов и воров, чтобы они открыли ему дорогу к сокровищам Лабиринта, не только отказывается от договора с Ассирией, который необходим Египту во что бы то ни стало...

— Тяжкое обвинение, — произнес судья.

— Но еще ко всему этому — вы слышите — договаривается с подлыми финикийцами о прорытии канала между Красным и Средиземным морями. Этот канал представляет величайшую опасность для Египта, ибо страна наша может быть мгновенно затоплена водой! Здесь уже вопрос касается не сокровищ Лабиринта, а наших храмов, домов, полей, шести миллионов, правда, невежественных, но ни в чем не повинных жителей и в конце концов ставится под угрозу жизнь наша и наших детей.

— Если так... — прошептал со вздохом номарх Горти.

— Я и достойный Мефрес ручаемся, что это так и что этот человек причинит Египту такое зло, которое никогда еще не грозило ему. Поэтому мы собрали вас, достойнейшие мужи, чтобы обдумать средства спасения. Но мы должны действовать не медля, ибо проекты этого человека стремительны, как вихрь в пустыне. Как бы они не погубили нас!

На мгновение в мрачном зале воцарилась тишина.

— Что же тут обсуждать? — отозвался, наконец, номарх Эмсуха. — Мы сидим в номах далеко от двора и, естественно, не только не знали планов этого безумца, но даже не догадывались о них... Да и поверить трудно... Вот почему я думаю, что лучше всего предоставить это дело вам, святые отцы Херихор и Мефрес. Вы обнаружили болезнь, найдите же лекарство и примените его, а если вас беспокоит ответственность, то возьмите себе в помощь верховного судью...

— Да! Да! Он правильно говорит! — поддержали его взволнованные вельможи.

Ментесуфис зажег факел и положил на стол перед статуей бога папирус, на котором было написано следующее:

«Ввиду опасности, угрожающей государству, власть тайного совета переходит в руки Херихора, которому назначаются в помощь Мефрес и верховный судья».

Акт этот, скрепленный подписями присутствующих сановников, был заперт в шкатулку и спрятан в потайное место под алтарем. Кроме того, каждый из участников клятвенно обязался исполнять все приказы Херихора и вовлечь в

заговор по десяти других высоких сановников. Херихор же обещал представить им доказательства того, что Ассирия настаивает на договоре и что фараон не хочет его подписать, а вместо этого договаривается с финикийцами о постройке канала и намерен предательским образом проникнуть в Лабиринт.

— Жизнь моя и честь в ваших руках, — прибавил Херихор. — Если то, что я сказал, неверно, вы осудите меня на смерть, а тело мое предадите сожжению...

Теперь уже никто не сомневался, что верховный жрец говорит истинную правду, ибо ни один египтянин не рискнул бы обречь свое тело на сожжение, то есть погубить свою душу.

Несколько дней после свадьбы Тутмос провел с Хеброн во дворце, подаренном ему фараоном. Но каждый вечер он являлся в казармы, где весело проводил ночи в обществе офицеров и танцовщиц.

По его поведению товарищи догадались, что Тутмос женился на Хеброн только ради приданого, что, впрочем, никого не удивило.

Спустя пять дней Тутмос явился к фараону и заявил, что готов снова служить ему. Таким образом, он мог навещать свою супругу только при солнечном свете, ночью же дежурил в покоях государя.

Однажды вечером фараон сказал ему:

— В этом дворце столько углов для подглядывания и подслушивания, что за каждым моим шагом следят. Даже к моей почтенной матушке опять обращаются какие-то таинственные голоса, которые смолкли было в Мемфисе, когда я разогнал жрецов. Я не могу никого принимать у себя и должен уходить из дворца, чтобы совещаться со своими слугами в безопасном месте.

— Проводить ваше святейшество? — спросил Тутмос, видя, что фараон ищет свой плащ.

— Нет. Остайся здесь и смотри, чтобы никто не входил в мой покой. Не впускай никого, хотя бы это была моя мать или даже тень вечно живущего отца моего. Скажи, что я сплю и не желаю никого видеть.

— Будет так, как ты приказал, — ответил Тутмос, помогая фараону надеть плащ с капюшоном. Потом погасил свет в спальне. Фараон вышел через боковые галереи.

Очутившись в саду, Рамсес остановился и внимательно посмотрел кругом. Затем, очевидно, сообразив, куда идти, быстро направился к павильону, подаренному Тутмосу.

В тенистой аллее кто-то остановил его вопросом:

— Кто идет?

— Нубия, — ответил фараон.

— Ливия, — ответил, в свою очередь, вопрошавший и быстро попятился, как будто испугавшись. Это был гвардейский офицер из гвардии его святейшества фараона. Фараон всмотрелся в него и воскликнул:

— А, это ты, Эннана? Зачем ты здесь?

— Обхожу сады. Я это делаю каждую ночь по нескольку раз, потому что сюда прокрадываются воры.

— Так и надо, — ответил, подумав, фараон. — Только помни, что первый долг офицера — молчать. Вора прогони, но если встретишь высокое лицо, не останавливай его. И молчи, знай молчи! Хотя бы это был сам верховный жрец Херихор...

— О государь, только не приказывай мне ночью отдавать честь Херихору или Мефресу! — воскликнул Эннана. — Я не уверен, что при виде их меч сам не вырвется у меня из ножен...

Рамсес улыбнулся.

— Твой меч — мой, — ответил он, — и может быть вынут из ножен, только когда я прикажу.

Он кивнул головой Эннана и пошел дальше.

Вскоре фараон очутился у скрытых в чаще ворот. Ему показалось, что он слышит шорох. Он быстро спросил:

— Хеброн?

Навстречу Рамсесу выбежала фигура, одетая в темный плащ, и припала к нему, шепча:

— Это ты, государь? Это ты? Как долго ждала я!

Фараон, чувствуя, что она вырывается из его объятий, взял ее на руки и отнес в беседку. По дороге с него упал плащ. Рамсес хотел было его поднять, но раздумал...

На следующий день досточтимейшая царица Никотриса призвала к себе Тутмоса. Взглянув на нее, любимец фараона испугался. Царица была ужасно бледна. Глаза у нее ввалились и блуждали, как у безумной.

— Садись, — сказала она, указывая на табурет рядом со своим креслом.

Тутмос не решался сесть.

— Садись! И... поклянись, что никому не расскажешь того, что я тебе сейчас скажу.

— Клянусь тенью моего отца! — произнес Тутмос.

— Слушай! — тихо сказала царица. — Я была для тебя почти что матерью... И, если ты выдашь тайну, — боги покарают тебя. Нет... Тогда бедствия, что нависли над моим родом, не минуют и тебя...

Тутмос слушал, недоумевая.

«Сумасшедшая!» — подумал он в испуге.

— Посмотри сюда, в окно... на это дерево... Ты знаешь, кого я видела минувшей ночью на дереве за окном?

— Наверно, это был сводный брат его святейшества?..

— Нет, это был не он, это был Рамсес... мой сын... Мой Рамсес...

— На дереве? Минувшей ночью?

— Да. Свет факела отчетливо падал на его лицо и фигуру. На нем был хитон в белую и синюю полосу. Взгляд его был безумным. Он дико смеялся, как тот несчастный, его брат, и говорил: «Смотри, мама, я уже умею летать, чего не умел ни Сети, ни Рамсес Великий, ни Хеопс! Смотри, какие у меня растут крылья!» Он протянул ко мне руку, и я, не помня себя от горя, прикоснулась к ней через окно. Тогда он спрыгнул с дерева и убежал.

Тутмос слушал в ужасе. Но вдруг он стукнул себя по голове.

— Это был не Рамсес, — ответил он решительно, — это был человек, очень похожий на него, подлый грек Ликон, который убил его сына, а сейчас находится в руках у жрецов. Это не Рамсес! Это проделка тех негодяев, Херихора и Мефреса!

На лице царицы блеснула надежда, но только на минуту.

— Неужели я не узнала бы моего сына?

— Ликон, говорят, поразительно похож на Рамсеса. Это проделка жрецов, — настаивал Тутмос. — Негодяи! Смерти мало для них!

— А фараон ночевал дома? — спросила вдруг царица.

Тутмос смутился и опустил глаза.

— Значит, не ночевал?

— Ночевал, — ответил неуверенно фаворит.

— Ты лжешь! Но скажи мне по крайней мере, был ли на нем хитон в белую и синюю полосу?

— Не помню... — прошептал Тутмос.

— Опять лжешь! А плащ — разве это не плащ моего сына? Мой невольник нашел его на этом самом дереве.

Царица встала и вынула из сундука коричневый плащ с капюшоном...

В ту же минуту Тутмос вспомнил, что фараон вернулся после полуночи без плаща и даже оправдывался перед ним, что потерял его где-то в саду. Тутмос колебался, обдумывая что-то, но потом ответил решительно:

— Нет, царица, это был не государь, а Ликон. Это преступная проделка жрецов, о которой надо немедленно сообщить его святейшеству.

— А если это Рамсес? — еще раз спросила царица, хотя в глазах ее уже светилась искра надежды.

Тутмос колебался. Его догадка относительно Ликона была разумна и могла быть правильной. Но все же кое-что наводило на подозрения, что царица видела действительно Рамсеса. Он вернулся домой после полуночи. Был одет в хитон в белую и синюю полосу, потерял плащ... Ведь и брат его был сумасшедшим... Да наконец, разве могло ошибиться сердце матери?..

В душе Тутмоса проснулись сомнения. К счастью, пока он колебался, душа царицы озарилась надеждой.

— Хорошо, что ты мне напомнил про Ликона. Из-за него Мефрес заподозрил Рамсеса в убийстве сына... А теперь он, может быть, пользуется этим негодяем, чтобы обесславить фараона. Во всяком случае, ни слова никому о том, что я доверила одному тебе. Если Рамсес... если в самом деле его постигло такое несчастье, то это, может быть, временно... Нельзя разглашать подобные слухи. Даже ему самому ничего не говори. Если же это преступная проделка жрецов, тем более надо быть осторожным, хотя... люди, прибегающие к подобным обманам, не могут быть сильны...

— Я послезу за этим, — сказал Тутмос. — Но если я узнаю...

— Только не говори Рамсесу, — заклинаю тебя теньями отцов, — вскричала царица, протягивая с мольбою руки. — Фараон не простит им, отдаст их под суд, а тогда не миновать беды: или будут присуждены к смерти высшие сановники государства, или суд оправдает их, и тогда... Лучше выследи Ликона и убей его без всякой жалости, как хищного зверя, как змею...

Тутмос простился с царицей, значительно успокоившейся, в то время как его собственные опасения усилились.

«Если этот подлый грек Ликон, которого жрецы держали в тюрьме, еще жив, — размышлял он, — то, вместо того чтобы лазить по деревьям и показываться царице, он бы предпочел бежать. Я сам облегчил бы ему побег и щедро наградил в придачу, если бы он мне открылся и искал у меня защиты от этих негодяев. Но хитон, плащ? Каким образом могла обмануться мать?»

С этих пор Тутмос избегал фараона и не решался смотреть ему в глаза. А так как и Рамсес избегал Тутмоса, то могло показаться, что горячая дружба их остыла.

Но однажды вечером фараон снова призвал к себе своего любимца.

— Мне надо, — сказал он, — поговорить с Хирамом о важных делах. Я уйду. Дежурь здесь у моей спальни и, если бы кто захотел видеть меня, не допускай.

Когда Рамсес скрылся в таинственных галереях дворца, Тутмоса охватило беспокойство.

«Может быть, — подумал он, — жрецы отравили его каким-нибудь дурманом, и он, чувствуя припадок болезни, убегает из дому? Гм! Увидим!»

Фараон вернулся поздно, после полуночи. Плащ, правда, на нем был, но не свой, а солдатский.

Встревоженный Тутмос не спал до утра, ожидая, что его скоро опять позовет царица. Царица его не позвала, но во время утреннего смотра офицер Эннана попросил своего начальника на несколько слов. Когда они остались вдвоем в отдельном покое, Эннана упал к ногам Тутмоса, моля его никому не рассказывать, что сейчас услышит.

— Что случилось? — спросил Тутмос, чувствуя, как сердце его холодеет.

— Начальник, — сказал Эннана, — вчера около полуночи два моих солдата схватили в саду нагого человека, который бегал и кричал нечеловеческим голосом. Его привели ко мне и... начальник... убей меня...

Эннана опять упал к ногам Тутмоса.

— Этот голый человек... это был... я не могу сказать...

— Кто это был? — спросил в ужасе Тутмос.

— Я ничего больше не скажу, — простонал Эннана. — Я снял с себя свой плащ и покрыл им священную наготу... Я хотел отвести его во дворец, но... но государь приказал мне остаться и молчать.

— И куда он пошел?

— Не знаю. Я не смотрел и не позволил смотреть солдатам. Он скрылся где-то в чаще парка. Я под страхом смерти приказал людям забыть о происшедшем, — закончил Эннана свой рассказ.

Тутмос тем временем успел овладеть собой.

— Не знаю, — сказал он холодно, — не знаю и не понимаю ничего из того, что ты мне говорил. Только помни одно, что я сам бегал нагой, когда однажды выпил слишком много вина, и щедро наградил тех, кто меня не заметил. Крестьяне, Эннана, крестьяне и работники всегда ходят голые, великие же — только тогда, когда им понравится. И если бы мне или кому-нибудь из знатных взбрело на ум встать на голову, умный и благочестивый офицер не должен этому удивляться.

— Понимаю, — ответил Эннана, пристально глядя в глаза начальнику, — и не только повторю это моим солдатам, но даже сейчас, сегодня же ночью, сняв платье, пойду бродить по саду, чтобы они знали, что старший имеет право делать, что ему угодно.

Несмотря, однако, на небольшое число лиц, видевших фараона или его двойника в состоянии сумасшествия, слух об этих странных прогулках распространился очень быстро. Через несколько дней все жители Фив, от парасхитов и водоносов до чиновников и купцов, шептали друг другу на ухо, что Рамсеса XIII постигло то же несчастье, из-за которого его старшие братья были отстранены от престола.

Страх и почтительность к фараону были так велики, что об этом боялись говорить вслух, особенно среди незнакомых. Однако все это знали, все, за исключением самого Рамсеса.

Тем удивительнее, что слух этот очень быстро облетел всю страну. Очевидно, он распространялся при содействии храмов, ибо только жрецы обладали секретом передачи известий в течение немногих часов из одного конца Египта в другой.

Тутмосу никто прямо не говорил об этих гнусных слухах, но начальник фараоновой гвардии на каждом шагу чувствовал их действие. По поведению людей он догадывался, что прислуга, рабы, солдаты, поставщики двора говорят о сумасшествии царя, умолкая лишь тогда, когда их мог услышать кто-нибудь из придворных.

Наконец, раздраженный и встревоженный Тутмос решил поговорить с фиванским номархом.

Явившись к нему во дворец, Тутмос застал Антефа возлежащим на диване в зале, половина которого представляла как бы цветник, заполненный редкими растениями. Посредине бил фонтан розовой воды. По углам стояли статуи богов. Стены были расписаны картинами, изображавшими деяния знатного номарха. Стоявший у изголовья черный невольник охлаждал господина опахалом из страусовых перьев. На полу сидел писец нома и делал доклад.

Лицо Тутмоса выражало такую тревогу, что номарх сейчас же отправил писца и невольника и, встав с дивана, осмотрел все углы, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

— Достойнейший отец госпожи Хеброн, моей досточтимой супруги, — начал Тутмос, — по твоему поведению я вижу, что ты догадываешься, о чем я хочу говорить.

— Фиванский номарх должен быть всегда предусмотрительным, — ответил Антеф. — Я предполагаю также, что начальник гвардии его святейшества не мог почтить меня визитом по пустому делу.

С минуту оба смотрели друг другу в глаза.

Наконец Тутмос сел рядом со своим тестем и прошептал:

— Ты слышал подлые слухи, которые враги государства распространяют о нашем повелителе?

— Если речь идет о моей дочери Хеброн, — поспешил ответить номарх, — то заявляю тебе, что теперь ты ее господин и не можешь иметь ко мне претензий.

Тутмос небрежно махнул рукой.

— Какие-то недостойные люди, — продолжал он, — распространяют слухи, будто фараон сошел с ума. Ты слышал это, мой отец?

Антеф покачал головой так неопределенно, что это могло означать как подтверждение, так и отрицание.

Наконец он сказал:

— Глупость человеческая необъятна, как море. Она все может вместить...

— Это не глупость, а преступные интриги жрецов. В их распоряжении есть человек, похожий на его святейшество, и они пользуются им для своих подлых махинаций.

И он рассказал номарху историю грека Ликона и о его преступлении в Бубасте.

— Об этом Ликоне, который убил ребенка наследника, я слышал, — сказал Антеф, — но где у тебя доказательства, что Мефрес арестовал Ликона в Бубасте, привез его в Фивы и выпускает в царские сады, чтобы он там разыгрывал сумасшедшего фараона?

— Вот потому-то я и спрашиваю у тебя, достойнейший, что делать? Ведь я начальник гвардии и должен охранять честь и безопасность нашего господина.

— Что делать? Что делать? — повторил Антеф. — Прежде всего стараться, чтоб эти безбожные слухи не дошли до ушей фараона...

— Почему?

— Потому что случится большое несчастье. Когда наш господин услышит, что Ликон притворяется сумасшедшим и выдает себя за него, он разгневется, страшно разгневется... И естественно, обратит свою ярость против Херихора и Мефреса... Может быть, только посердится... Может быть, заключит их в тюрьму... Может быть, даже убьет... Но что бы он ни сделал, он сделает, не имея против них достаточных улик. А что тогда? Современный Египет уже не любит приносить жертвы богам, но может заступиться за незаслуженно обиженных жрецов... А что тогда? Я думаю, — сказал Антеф, — это будет конец династии...

— Как же быть?

— Выход один! Надо найти этого Ликона, — продолжал Антеф, — и доказать, что Мефрес и Херихор прятали его и заставляли изображать сумасшедшего фараона. Это ты должен сделать, если хочешь сохранить милость господина. Улик! Как можно больше улик! У нас не Ассирия. Верховных жрецов нельзя наказывать без суда, а никакой суд не осудит их без достаточных улик. Да и откуда у тебя уверенность, что фараону не подлили какого-нибудь одурманивающего зелья? Ведь это было бы проще, чем посылать ночью человека, не знающего пароля и никогда не бывавшего во дворце и парке... Говорю тебе: про Ликона я слышал от кого-то, кажется, от Хирама. Но не понимаю, каким образом Ликон мог бы в Фивах проделывать такие чудеса.

— Кстати, — перебил его Тутмос, — где Хирам?

— Сейчас же после вашей свадьбы уехал в Мемфис и на этих днях был уже в Хитене.

Лицо Тутмоса опять приняло озабоченное выражение.

«В ту ночь, — подумал он, — когда к Эннانه привели голого человека, фараон говорил, что отправляется повидаться с Хирамом. А раз Хирама не было в Фивах — значит, его святейшество уже тогда не знал, что говорит».

Тутмос вернулся сам не свой. Он уже не только не понимал, как поступить в этом неслыханном положении, но даже не знал, что думать. Если во время разговора с царицей Никотрисой он был почти уверен, что в парке появлялся Ликон, подсланный жрецами, то сейчас его уверенность поколебалась. И если так растерян был Тутмос, который каждый день видел Рамсеса, то что должно было происходить в сердцах посторонних людей? Самые верные сторонники фараона и его планов могли поколебаться, слыша со всех сторон, что их повелитель — сумасшедший.

Это был первый дар, нанесенный Рамсесу XIII жрецами. Незначительный сам по себе, он влек за собой неисчислимы последствия.

Тутмос не только сомневался, но и страдал. Под легкомысленной внешностью в нем скрывался благородный и энергичный характер. И теперь, когда посягали на честь и могущество его господина, Тутмоса мучило бездействие. Ему казалось, будто он — комендант крепости, под которую подкапывается неприятель, а он только беспомощно смотрит на это. Эта мысль так мучила Тутмоса, что под ее влиянием у него явилась смелая идея. Встретив однажды верховного жреца Сэма, он обратился к нему:

— Ты знаешь, какие слухи распространяют про нашего повелителя?

— Фараон молод, о нем могут ходить самые разнообразные слухи, — ответил Сэм, как-то странно глядя на Тутмоса. — Но это меня не касается: я замещаю его святейшество в службе богам и стараюсь делать это как можно лучше, а остальное не моя забота.

— Я знаю, что ты — верный слуга фараона, — сказал Тутмос, — и не собираюсь вмешиваться в тайны жрецов. Должен, однако, обратить твое внимание на одну мелочь. Я узнал из достоверных источников, что святой Мефрес прячет некоего грека Ликона, на котором тяготеют два преступления: во-первых — он убийца сына фараона, а во-вторых — он слишком похож на его святейшество. Пусть же достойный Мефрес не навлекает позора на досточтимую жреческую касту и поскорее выдаст убийцу суду. Ибо если мы найдем Ликона, то, клянусь, Мефрес лишится не только своего сана, но и головы. В нашем государстве нельзя безнаказанно покровительствовать разбойникам и скрывать людей, похожих на верховного повелителя!

Сэм, в присутствии которого Мефрес отнял Ликона у полиции, смутился, может быть, из опасения, что его подозревают в сообщничестве. Тем не менее он ответил:

— Я постараюсь предупредить святого Мефреса об этих позорящих его подозрениях. Но вы знаете, достойнейший, какая кара ждет людей, ложно обвиняющих кого-нибудь в преступлении?

— Знаю и беру на себя ответственность. Я настолько уверен в том, что говорю, что меня нисколько не беспокоят последствия моих подозрений. Беспокоиться об этом предоставляю досточтимому Мефресу и желаю ему, чтобы мне не пришлось перейти от предостережений к действиям.

Разговор возымел последствия. С тех пор никто ни разу не видел двойника фараона.

Но слухи не утихали. Рамсес XIII ничего не знал о них, так как далее Тутмос, опасаясь со стороны владыки необдуманных действий по отношению к жрецам, не сообщал ему ничего.

13

Вначале месяца паопи (июль — август) фараон, царица Никотриса и двор вернулись из Фив во дворец под Мемфисом.

К концу путешествия, совершавшегося и на этот раз по Нилу, Рамсес XIII часто впадал в задумчивость и как-то обратился к Тутмосу.

— Странное дело, — сказал он, — народ толпится на обоих берегах так же густо, пожалуй, даже гуще, чем тогда, когда мы плыли в ту сторону, а крики приветствий значительно слабее, лодок за нами плывет гораздо меньше, и венки бросают скупно...

— Святая правда исходит из уст твоих, государь, — ответил Тутмос. — Действительно, люди как будто устали, но это, вероятно, объясняется страшной жарой.

— Да, это ты правильно заметил, — согласился фараон, и лицо его прояснилось.

Но Тутмос сам не верил в то, что говорил. Он чувствовал и — что еще хуже — вся свита фараона чувствовала, что народ уже несколько охладел к повелителю.

Был ли то результат слухов о злополучной болезни Рамсеса или каких-нибудь других таинственных козней, Тутмос не знал. Но он был уверен, что этому охлаждению содействовали жрецы.

«Вот глупая чернь! — думал он, давая волю своему презрению. — Недавно бросались в воду, только бы увидеть лицо фараона, а сейчас ленятся крикнуть лишний раз. Неужели они забыли и про седьмой день отдыха и про обещанную землю!»

Немедленно после возвращения во дворец фараон отдал приказ собрать делегатов, которые должны были дать ему право нарушить неприкосновенность Лабиринта. Одновременно он поручил преданным ему чиновникам и полиции начать агитацию против жрецов и за седьмой день отдыха.

Скоро в Нижнем Египте опять загудело, как в улье. Крестьяне требовали не только праздников, но и платы наличными за общественные работы. Рабочие в трактирах и на улицах ругали жрецов, желавших ограничить священную власть фараона. Количество преступлений возросло, но правонарушители отказывались

являться в суд. Писцы присмирели, и никто из них не осмеливался ударить простолюдина, зная, что тот ему не спустит. В храмы реже приносили жертвы; богов, охранявших границы номов, все чаще забрасывали камнями и грязью, а нередко даже опрокидывали.

Страх нашел на жрецов, номархов и их приспешников. Тщетно судьи напоминали на базарах и проезжих дорогах о законе, по которому земледелец, рабочий и даже торговец не должны заниматься сплетнями, отвлекающими их от работы. Толпа со смехом и криком забрасывала глашатаев гнилыми овощами и косточками от фиников.

Знатные устремились во дворец и, припадая к стопам фараона, молили его о спасении.

— У нас, — взывали они, — словно земля разверзается под ногами, как будто жизни приходит конец. Стихии разбушевались, в умах брожение. Если ты не спасешь нас, государь, часы наши сочтены...

— Моя казна пуста, армия немногочисленна, полиция давно не получает жалованья, — отвечал фараон. — Если вы хотите покоя и безопасности, вы должны доставить мне средства. Я сделаю все, что можно, и надеюсь, что мне удастся восстановить порядок.

Действительно, фараон распорядился стянуть войска и разместить их в наиболее важных пунктах страны. Одновременно он послал приказ Нитагору, чтобы тот поручил восточную границу своему помощнику, а сам с пятью лучшими полками направился к Мемфису.

Фараон действовал так не столько для защиты знати от черни, сколько для того, чтобы иметь под рукой большие силы на случай, если бы верховные жрецы подняли против него население Верхнего Египта и полки, принадлежавшие храмам.

Десятого паопи в царском дворце и его окрестностях царило большое оживление: собрались делегаты, чтобы решить вопрос о праве фараона черпать из сокровищницы Лабиринта, а также толпа людей, желавших хотя бы увидеть место, где совершалось необычайное в Египте торжество.

Шествие делегатов началось с утра. Впереди шли крестьяне в белых чепцах и набедренниках; у каждого в руках был толстый лоскут холста, чтобы прикрыть спину в присутствии фараона. За ними шли работники и ремесленники, тоже в чепцах и набедренниках, но покрывала у них были из более тонкой ткани, а узенькие передники были вышиты разноцветными узорами.

За ними шли купцы в длинных рубахах и накидках; некоторые были в париках, другие щеголяли богатыми ручными и ножными запястьями и перстнями.

Далее шли офицеры в чепцах и полосатых кафтанах, черных с желтым, синих с белым, синих с красным... У двоих вместо кафтанов были на груди латунные полупанцири.

После значительного перерыва показалось тринадцать человек из знати в огромных париках и белых одеждах до земли. За ними шли номархи в одеждах, обшитых пурпурной полосой, и с коронами на голове. Шествие замыкали жрецы с бритыми головами и лицами, через плечо у них была перекинута шкура пантеры.

Делегаты вошли в большой зал фараона, где стояли одна за другой семь скамей: самая низкая — для крестьян, самая высокая — для жреческой касты.

Вскоре появился несомый в носилках фараон Рамсес XIII. Делегаты пали ниц. Воссев на высокий трон, повелитель обоих миров разрешил своим подданным встать и занять места на скамьях. За ним вошли и сели на более низких тронах верховные жрецы Херихор, Мефрес и хранитель Лабиринта со шкатулкой в руке. Блестящая свита военачальников окружала фараона, за спиной его встали двое высших сановников с опахалами из павлиньих перьев.

— Правоверные египтяне! — начал повелитель обоих миров. — Известно ли вам, что мой двор, моя армия и мои чиновники терпят недостатки, которых не может пополнить обедневшая казна. О расходах на мою священную особу я не говорю, ибо я ем и одеваюсь, как солдат; у любого военачальника или великого писца больше прислуги и женщин, чем у меня.

По рядам собравшихся пробежал шепот одобрения.

— До сих пор существовал обычай, — продолжал Рамсес, — что, когда казна нуждалась в средствах, увеличивались налоги на трудящееся население. Я же, зная свой народ и его нужду, не только не желаю налагать на него новое бремя, я хотел бы, наоборот, предоставить ему некоторые льготы...

— Живи вечно, государь наш! — послышались возгласы с нижних скамей.

— К счастью для Египта, — продолжал фараон, — государство наше обладает сокровищами, с помощью которых можно укрепить армию, выплатить жалованье чиновникам, одарить народ и даже расплатиться со всеми долгами нашими как храмам, так и финикиянам. Сокровища эти, собранные достославными моими предками, лежат в подвалах Лабиринта. Но они могут быть тронуты лишь в том случае, если вы, правоверные, все, как один человек, признаете, что Египет находится в нужде и я, царь, имею право распорядиться сокровищами моих предшественников.

— Признаем! Просим тебя, государь, возьми, сколько нужно! — раздались голоса со всех скамей.

— Достойный Херихор! — обратился фараон к верховному жрецу. — Нет ли у священного жреческого сословия каких-либо возражений по этому поводу?

— Есть небольшие, — ответил жрец, вставая. — По исконному праву сокровища Лабиринта могут быть тронуты лишь тогда, когда государство лишено всяких других средств. Но сейчас дело обстоит не так. Ибо если правительство откажется платить финикиянам долги, непомерно возросшие из-за

ростовщических процентов, то это не только наполнит казну фараона, но и облегчит жизнь простого народа, ныне тяжело работающего на финикийян.

По рядам делегатов снова пронесся шепот одобрения:

— Твой совет, святой муж, исполнен мудрости, — спокойно ответил фараон, — но он опасен. Ибо если мой казначей, достойные номархи и знать хоть раз решатся не заплатить долга, то сегодня мы не заплатим финикийцам, а завтра можем забыть о том, что должны фараону и храмам. А кто поручится, что и простой народ, ободренный примером высших, не сочтет себя вправе забыть о своих обязанностях по отношению к нам?

Удар был настолько силен, что достойнейший Херихор даже пригнулся в своем кресле и замолчал.

— А ты, верховный хранитель Лабиринта, хочешь что-нибудь прибавить? — спросил фараон.

— У меня есть с собой шкатулка с белыми и черными камешками, — ответил жрец. — Каждый делегат получит по камешку того и другого цвета и один из них бросит в кувшин. Кто согласен, чтобы ты нарушил неприкосновенность Лабиринта, бросит черный камешек, а кто желает, чтобы достояние богов осталось неприкосновенным, положит белый.

— Не соглашайся на это, государь, — шепнул на ухо фараону казначей. — Пусть лучше каждый делегат скажет открыто, что у него на душе.

— Отнесемся с должным почтением к древнему обычаю, — вмешался Мефрес.

— Что ж, пускай бросают камешки в кувшин, — решил фараон. — Мое сердце чисто и намерения непреклонны.

Мефрес и Херихор переглянулись.

Хранитель Лабиринта в сопровождении двух военачальников стал обходить скамьи и вручать делегатам по два камешка: черный и белый. Бедняки из народа были очень смущены, видя перед собой столь высоких сановников. Некоторые крестьяне падали ниц, не решаясь брать камешки, и с трудом понимали, что могут бросить в кувшин только один камешек: черный или белый.

— Мне бы хотелось угодить и богам и его святейшеству, — бормотал старый пастух.

В конце концов сановникам удалось объяснить, а беднякам понять, что следует делать, и голосование началось. Каждый делегат подходил к кувшину и опускал камешек так, чтобы другие не видели, какого цвета камешек он бросает.

Тем временем главный казначей, стоя на коленях позади трона, шептал фараону:

— Все погибло! Если бы голосовали открыто, у нас было бы единогласное решение. А теперь пусть отсохнет у меня рука, если в кувшине не окажется десятка-двух белых камешков.

— Успокойся, верный слуга, — ответил, улыбаясь, Рамсес. — У меня под рукой больше полков, чем людей, голосующих против нас.

— К чему? К чему? — простонал казначей. — Ведь если не будет единогласия, нам не откроют Лабиринта...

Рамсес продолжал улыбаться.

Голосование окончилось. Хранитель Лабиринта поднял кувшин и высыпал его содержимое на золотой поднос: на девяносто одного голосующего было восемьдесят три черных камешка и восемь белых.

Военачальники и чиновники оцепенели от ужаса, верховные же жрецы смотрели на присутствующих торжествуя, но вдруг они забеспокоились: с лица Рамсеса не сходила улыбка. Никто не решался объявить вслух, что предложение фараона провалилось. Фараон заговорил первый, своим обычным тоном, как будто ничего не случилось:

— Правоверные египтяне, добрые слуги мои! Вы исполнили мой приказ, и милость моя с вами. Два дня вы будете гостями в моем доме. Получив подарки, вы вернетесь к своим семьям и мирным занятиям. Мир же вам и мое благословение!

Сказав это, фараон вышел со свитой из зала.

Верховные жрецы Мефрес и Херихор опять переглянулись, но уже с тревогой.

— А он несколько не огорчился, — сказал шепотом Херихор.

— Я же говорил, что это — бешеный зверь, — ответил Мефрес. — Он не остановится даже перед насилием. Если мы не предупредим его...

— Боги сохранят нас и свои прибежища...

Вечером в покоях Рамсеса XIII собрались вернейшие его слуги: главный казначей, верховный писец, Тутмос и Калипп, командующий греческим корпусом.

— Ах, повелитель, — сокрушался казначей, — почему ты не поступил, как твои вечно живущие предки? Если бы делегаты голосовали открыто, у нас в руках уже было бы право на сокровища Лабиринта!

— Истину говорит достойнейший, — поддержал казначей верховный писец.

Фараон покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Даже если бы весь Египет крикнул: «Отдать казне богатства Лабиринта!» — верховные жрецы не отдали бы.

— Зачем же мы созывали делегатов? Это взбудоражило и разожгло надежды у народа, который сейчас напоминает реку во время разлива.

— Я не боюсь разлива, — ответил фараон, — мои полки будут для него плотинами... А польза этого собрания для меня ясна, она показала всю слабость моих противников: восемьдесят три камешка за нас, восемь за них. Это означает,

что если они могут рассчитывать на один корпус, то я — на десять. Не заблуждайтесь, — продолжал фараон, — между мной и верховными жрецами уже началась война. Они — крепость, которой мы предложили сдаться. Они отказались — значит, надо брать ее штурмом.

— Живи вечно! — воскликнули Тутмос и Калипп.

— Приказывай, государь! — поддержал верховный писец.

— Слушайте! — сказал Рамсес. — Ты, казначей, раздашь сто талантов полиции, офицерам рабочих отрядов и сельским старостам в номах Сефт, Неха-Хент, Неха-Пеху, Себет-Хет, Аа, Амент, Ка[185]. Раздашь также трактирщикам и содержателям постоянных дворов ячмень, пшеницу и вино, чтобы простой народ мог получать даром питье и закуску. Сделаешь это немедленно, чтобы до двадцатого паопи запасы продовольствия были на местах.

Казначей низко поклонился.

— Ты, писец, напиши и вели завтра объявить на улицах, что варвары из западной пустыни хотят с большими силами напасть на священную провинцию Фаюм... Ты, Калипп, пошлешь четыре греческих полка на юг. Два — пусть станут под Лабиринтом, два — пусть продвинутся до Ханеса[186]. Если ополчение жрецов подойдет со стороны Фив — вы отбросите его и не допустите до Фаюма. Когда же народ, подстрекаемый жрецами, станет угрожать Лабиринту, — пусть твои греки займут его.

— А если охрана окажет сопротивление? — спросил Калипп.

— Это будет бунт, — ответил фараон. — А ты, Тутмос, — продолжал он, — пошлешь три полка в Мемфис и расставишь их поблизости от храмов Птаха, Исиды и Гора. Когда возмущенный народ захочет штурмовать их, пусть командиры полков займут ворота, не допустят чернь до святых мест и защитят верховных жрецов от оскорблений. И в Лабиринте и в мемфисских храмах найдутся жрецы, которые выйдут навстречу полкам с зелеными ветвями. Военачальники спросят у них пароль и обратятся к ним за советом.

— А если кто-нибудь посмеет сопротивляться? — спросил Тутмос.

— Только бунтовщики не исполняют приказа фараона, — ответил Рамсес. — Храмы и Лабиринт должны быть заняты войсками двадцать третьего паопи, — продолжал он, обращаясь к верховному писцу, — поэтому как в Мемфисе, так и в Фаюме народ может начать собираться уже восемнадцатого, сначала небольшими группами, потом все большими. И если около двадцатого начнутся незначительные беспорядки, то не следует их останавливать. Но штурмовать храмы они могут только двадцать второго и двадцать третьего. Когда же войска займут эти пункты, все должно успокоиться.

— А не лучше ли немедленно арестовать Херихора и Мефреса? — спросил Тутмос.

— Зачем? Дело не в них, а в храмах и Лабиринте, но войска еще не готовы занять их. К тому же Хирам, перехвативший письма Херихора к ассирийцам, вернется не

раньше двадцатого. Так что только двадцать первого паопи у нас будут в руках улики, доказывающие, что верховные жрецы — изменники, и мы сможем объявить об этом народу.

— Должен ли я сам со своими войсками ехать в Фаюм? — спросил Калипп.

— О нет! Вы с Тутмосом останетесь при мне с отборнейшими полками. Надо ведь иметь резервы на случай, если верховные жрецы привлекут на свою сторону часть народа.

— А ты не боишься измены, государь? — спросил Тутмос.

Фараон небрежно махнул рукой.

— Измена неизбежна, она просачивается, как вода из надтреснутой бочки. Конечно, верховные жрецы отчасти угадывают мои планы, да и я знаю их намерения. А так как я раньше их собрал силы, то они окажутся слабее. За несколько дней не сформируешь полков...

— А чары? — спросил Тутмос.

— Нет чар, которых бы не рассекала секира! — воскликнул, смеясь, Рамсес.

Тутмос хотел тут же рассказать фараону о проделках жрецов с Ликоном. Но и на этот раз его остановило соображение, что если фараон очень разгневется, то утратит спокойствие, которое сейчас придает ему твердость.

«Вождь перед сражением не должен думать ни о чем, кроме сражения. Заняться делом Ликона фараон успеет, когда жрецы будут уже в тюрьме», — думал Тутмос.

Фараон приказал ему остаться, а трое остальных вельмож, низко поклонившись, ушли.

— Наконец-то! — вздохнул облегченно верховный писец, когда они вышли из покоев фараона. — Наконец-то окончится власть бритых голов!

— Давно пора! — поддакнул казначей. — За последние десять лет самый захудалый пророк пользуется большим влиянием, чем номарх Фив или Мемфиса.

— Я думаю, что Херихор втихомолку готовит себе лодку, чтобы удрать до двадцать третьего паопи, — заметил Калипп.

— А что с ним станется? — ответил писец. — Государь простит его, когда он смирится.

— И даже по заступничеству царицы Никотрисы оставит жрецам их богатства, — добавил казначей, — взяв только нужное для государственной казны.

— Мне кажется, что фараон затевает слишком большие приготовления, — заметил писец. — Я бы ограничился греческими полками и не стал бы трогать народ...

— Молод еще... любит движение... шум... — сказал казначей.

— Сразу видно, что вы не солдаты. Когда дело касается борьбы, надо собрать все силы, потому что всегда могут возникнуть неожиданности, — возразил Калипп.

— Разумеется, если бы за нами не стоял народ, — подтвердил писец. — А так, какие могут быть неожиданности! Боги не придут защищать Лабиринт.

— Ты говоришь так, достойнейший, потому что уверен в нашем вожде, который старается все предусмотреть. Иначе ты бы очень волновался.

— Я не предвижу никаких неожиданностей, — настаивал писец. — Разве что жрецы снова распустият слух, что фараон сошел с ума.

— Жрецы испробуют все средства, но их ненадолго хватит, — закончил, зевая, главный казначей. — Я благодарю богов, что они указали мне место в лагере фараона... А теперь пора спать...

После ухода вельмож Тутмос открыл потайную дверь в одной из стен и впустил Самонту. Фараон встретил верховного жреца храма Сета с большой радостью, подал ему руку для поцелуя и обнял его.

— Мир тебе, добрый слуга! — сказал фараон. — Какие новости ты принес?

— Я был уже два раза в Лабиринте, — ответил жрец.

— И знаешь дорогу?

— Я знал ее и раньше. Но сейчас я сделал одно открытие: все хранилище может рухнуть, убить людей и уничтожить драгоценности, которым цены нет...

Фараон нахмурился.

— Поэтому, — продолжал Самонту, — прикажи дать мне в помощь десяток верных людей. Я войду с ними ночью в Лабиринт накануне штурма и займу комнаты по соседству с сокровищницей... особенно верхнюю...

— Ты их проведешь с собой?

— Да. Впрочем, я еще раз схожу в Лабиринт один и проверю окончательно, нельзя ли будет предупредить разрушение без посторонней помощи. Люди, даже самые верные, могут оказаться ненадежными.

— Может быть, за тобой уже следят? — спросил фараон.

— Верь мне, государь, — ответил жрец, прикладывая руки к груди, — чтобы меня выследить, нужно чудо. Они слепы, как дети. Они уже чувствуют, что кто-то хочет пробраться в Лабиринт, но удваивают стражу у входов, которые всем известны. А между тем я сам за месяц узнал три потайных входа, про которые они забыли, а может быть, и вовсе не знали. Только какой-нибудь дух мог бы открыть им, что я брожу по Лабиринту, а тем более указать комнату, где я нахожусь. В трех тысячах комнат и коридоров это совершенно невыносимо...

— Достойный Самонту прав, — вмешался в разговор Тутмос. — Пожалуй, мы слишком уж много принимаем предосторожностей против этих гадин.

— Не говори этого, начальник, — сказал жрец. — Силы их рядом с силами государя — это горсть песку по сравнению с пустыней, но Херихор и Мефрес люди умные и, пожалуй, используют против нас такие виды оружия и такие приемы, перед которыми мы просто растеряемся... наши храмы полны тайн, изумляющих даже мудрецов, не говоря уж о простом народе.

— Расскажи мне, что ты о них знаешь, — попросил фараон.

— Я могу с уверенностью сказать, что твои солдаты встретят в храмах немало чудес. То перед ними погаснет свет, то их окружают языки пламени и отвратительные чудовища; там стена преградит им путь, тут разверзнется под ногами пропасть, в одних галереях их зальет вода, в других незримые руки будут бросать в них камни... А какой гром, какие голоса будут раздаваться вокруг них!

— Во всех храмах есть младшие жрецы, сочувствующие мне, а в Лабиринте будешь ты, — сказал фараон.

— И наши секиры, — вставил Тутмос. — Плох тот солдат, который отступает перед огнем или страшилищами или тратит время на то, чтобы прислушиваться к таинственным голосам.

— Правильно говоришь, начальник! — воскликнул Самонту. — Если только вы будете смело идти вперед, все страхи рассеются, голоса смолкнут, а огонь перестанет жечь. Теперь последнее слово, государь, — обратился жрец к Рамсесу. — Если я погибну...

— Не говори так, — перебил его фараон.

— ...если я погибну, — продолжал с печальной улыбкой Самонту, — к тебе явится молодой жрец Сета с моим перстнем. Пусть солдаты займут Лабиринт, прогонят сторожей и пусть не уходят из здания. Этот юноша за месяц, а может быть, и скорее, найдет дорогу к сокровищам по знакам, которые я ему оставляю. Но, государь, — прибавил он, опускаясь на колени, — об одном молю тебя: когда ты победишь, отомсти за меня, а главное — не прощай Херихору и Мефресу. Ты не знаешь, какие это враги! Если они победят, погибнешь не только ты, но и твоя династия...

— Разве победителю не подобает великодушие? — спросил омраченный фараон.

— Никакого великодушия, никакой пощады! — вскричал Самонту. — Пока они живы, и тебе и мне, государь, угрожает смерть, позор, даже осквернение наших трупов. Можно укротить льва, купить финикийнина, снискать любовь ливийца и эфиопа... Можно тронуть сердце халдейского жреца, потому что он, как орел, парит в вышине и ему не страшны никакие удары. Но египетского пророка, вкусившего роскоши и власти, ничем не умилоставишь. Только смерть, их или твоя, может завершить борьбу.

— Ты прав, Самонту, — ответил вместо фараона Тутмос. — К счастью, не его Святейшество, а мы, его солдаты, будем разрешать спор между жрецами и фараоном.

Двенадцатого паопи из разных египетских храмов распространились тревожные вести.

За последние дни в храме Гора опрокинулся алтарь, в храме Исида статуи богини лили слезы, а из храма Амона Фиванского и гробницы Осириса в Дендерах сообщали об очень дурных предзнаменованиях. По безошибочным приметам жрецы вывели заключение, что еще до конца месяца Египет постигнет какое-то большое бедствие. Ввиду этого верховные жрецы Херихор и Мефрес распорядились об устройстве шествий вокруг храмов и жертвоприношений в домах.

На следующий день, тринадцатого паопи, в Мемфисе состоялась грандиозная процессия. Бог Птах и богиня Исида вышли из своих святилищ. Оба божества направились к центру города, окруженные немногочисленной толпой верующих, преимущественно женщин, но им пришлось вернуться, так как горожане стали издеваться над ними, а иноверцы дошли до того, что начали бросать камнями в святыне ладьи богов.

Полицейские не останавливали богохульников, а некоторые принимали даже участие в непристойных шутках. С полудня какие-то неизвестные люди стали распространять слухи, что жреческая коллегия не допустит никаких льгот для населения и даже готовит бунт против фараона. Под вечер у храмов стали собираться кучки рабочих; они свистели, ругали жрецов и швыряли камни в ворота, а какой-то святотатец на глазах у всех отбил нос у Гора, охранявшего свой храм.

Вскоре после заката солнца жрецы и их преданнейшие сторонники собрались в храме Птаха. Были там: достойные Херихор, Мефрес, Ментесуфис, три номарха и верховный судья Фив.

— Ужасные времена! — сетовал верховный судья. — Я знаю достоверно, что фараон хочет вызвать нападение на храмы и подстрекает к этому чернь.

— Я слышал, — подхватил номарх области Сэпа, — будто послан приказ Нитагору, чтоб он поспешил прибыть с новыми полками, как будто тех, что есть, недостаточно!

— Сообщение между Верхним и Нижним Египтом со вчерашнего дня прервано, — прибавил номарх области Аа. — По дорогам стоят солдаты, а галеры его святейшества обыскивают каждое судно, плывущее по Нилу...

— Рамсес Тринадцатый — не «святейшество», — сухо вставил Мефрес, — он не получил еще короны из рук богов.

— Все это были бы мелочи, — продолжал сокрушаться верховный судья. — Хуже всего измена. У меня есть основание предполагать, что многие младшие жрецы сочувствуют фараону и обо всем доносят ему.

— Есть даже такие, что обещали помочь войску занять храмы, — прибавил Херихор.

— Солдаты войдут в храмы! — воскликнул с ужасом номарх области Сэпа.

— Такой по крайней мере им отдан приказ на двадцать третье, — ответил Херихор.

— И ты, достойнейший, говоришь об этом спокойно? — удивился номарх Амента. Херихор пожал плечами. Номархи переглянулись.

— Это уж мне совсем непонятно, — с возмущением возразил номарх Аа, — у жрецов всего несколько сот солдат, фараон отрезал нам путь в Фивы и подстрекает народ, а достойнейший Херихор говорит об этом, как будто приглашает нас на пирушку. Или давайте защищаться, если возможно, или...

— Или сдадимся «его святейшеству»? — спросил иронически Мефрес. — Это вы всегда успеете сделать.

— Но мы хотели бы узнать что-нибудь о средствах защиты, — потребовал номарх Сэпа.

— Боги спасут верующих, — ответил Херихор.

Номарх Аа всплеснул руками.

— Сказать откровенно, и меня удивляет ваше хладнокровие, — вмешался верховный судья. — Почти весь простой народ против нас...

— Простой народ, как ячмень в поле: куда ветер, туда и он, — сказал Херихор.

— А армия?

— Какая армия не падет ниц перед Осирисом?

— Знаю! — воскликнул, все больше раздражаясь, номарх Аа. — Но я не вижу ни Осириса, ни того ветра, который повернет чернь в нашу сторону... А между тем фараон уже сейчас привлекает ее к себе посулами, а завтра еще больше привлечет подарками...

— Страх сильнее посулов и подарков, — ответил Херихор.

— Чего им бояться? Тех трехсот солдат, что у нас есть?

— Они убоятся Осириса.

— Но где же он? — спросил, выходя из себя, номарх Аа.

— Вы все его увидите. И счастлив будет тот, кто ослепнет на этот день...

Слова эти Херихор произнес с таким непоколебимым спокойствием, что среди собравшихся воцарилась тишина.

— Что же нам в конце концов надо делать? — спросил после некоторой паузы верховный судья.

— Фараон хочет, — сказал Херихор, — чтобы народ напал на храмы двадцать третьего. А мы должны добиться, чтобы на нас напали двадцатого.

— Вечно живущие боги! — воскликнул опять номарх Аа, всплескивая руками. — Зачем же нам навлекать на себя беду, да еще на два дня раньше?

— Слушайте Херихора, — заговорил решительным тоном Мефрес, — и всячески старайтесь, чтобы нападение произошло утром двадцатого паопи.

— А если нас в самом деле разобьют? — растерянно спросил судья.

— Если не помогут заклинания Херихора, тогда я призову на помощь богов, — ответил Мефрес, и в глазах у него сверкнул зловещий огонь.

— Разумеется, у верховных жрецов есть тайны, которых нам, простым смертным, не должно знать, — сказал верховный судья. — Что же, сделаем, как вы велите. Вызовем нападение двадцатого. Только помните, наша кровь и кровь детей наших падет на ваши головы...

— Пусть падет!

— Да будет так! — воскликнули одновременно оба жреца.

А Херихор прибавил:

— Десять лет правим мы государством, и за все это время никому из вас не чинилось обиды, каждое свое обещание мы исполняли. Потерпите же еще несколько дней и не теряйте веры: вы увидите могущество богов и обретете награду.

Номархи распрощались с жрецами, не стараясь даже скрыть свое уныние и беспокойство. Остались только Херихор и Мефрес.

После долгого молчания Херихор сказал:

— Да, этот Ликон был хорош, пока разыгрывал сумасшедшего. Вот если б можно было выдать его за самого Рамсеса!

— Раз уж мать не могла отличить, — ответил Мефрес, — значит, он очень похож. А сидеть на троне и сказать несколько слов толпе, я думаю, он сумеет. Впрочем, мы ведь будем при нем...

— Ужасно глупый комедиант! — вздохнул Херихор, потирая лоб.

— Умнее миллионов других. Это ясновидец, и он может оказать большие услуги государству...

— Ты мне все твердишь, достойнейший, про его ясновидение, — сказал Херихор с досадой. — Дай мне, наконец, возможность самому убедиться в этом.

— Если ты и в самом деле хочешь, пойдём со мной! Только заклинаю тебя богами, Херихор, о том, что ты увидишь, не вспоминай даже про себя.

Они спустились в подземелье храма Птаха и очутились в просторном подвале, освещенном светильником. При тусклом свете Херихор увидел человека, который сидел за столом и ел. На нем был кафтан гвардии фараона.

— Ликон, — обратился к нему Мефрес, — высший сановник государства хочет убедиться в способностях, которыми одарили тебя боги...

Грек оттолкнул миску с едой и разразился проклятиями:

— Будь проклят день, когда мои стопы коснулись вашей земли! Лучше б я работал в каменоломнях, лучше б меня колотили дубинками...

— Это еще успеется, — жестко заметил Херихор.

Грек замолчал и вдруг, увидев в руке Мефреса темный хрустальный шарик, стал дрожать. Он побледнел, взгляд его помутился, на лице выступил холодный пот. Глаза его уставились в одну точку, словно прикованные к хрустальному шарик.

— Уже спит, — промолвил Мефрес. — Разве это не удивительно?

— Если только не притворяется.

— Ущипни его... Уколи... Прижги чем-нибудь... — сказал Мефрес.

Херихор достал из-под белого одеяния кинжал и занес его над головой Ликона. Грек не шелохнулся, даже веки его не дрогнули.

— Посмотри сюда, — сказал Мефрес, поднося к лицу Ликона кристалл. — Ты видишь того, кто похитил Каму?

Грек вскочил со сжатыми кулаками и с пеной у рта.

— Пустите меня! — крикнул он хриплым голосом. — Пустите меня! Я хочу напиться его крови...

— А где он сейчас? — спросил Мефрес.

— В доме, в конце парка, у реки. С ним красивая женщина, — прошептал Ликон.

— Ее зовут Хеброн — это жена Тутмоса, — подсказал ему Херихор. — Признайся, Мефрес, — добавил он, — для того, чтоб это знать, не надо быть ясновидцем.

Мефрес прикусил свои тонкие губы.

— Если это не убеждает тебя, я покажу тебе кое-что получше, — ответил он.

— Ликон, — обратился Мефрес к греку, — теперь найди предателя, который ищет дорогу к Лабиринту.

Усыпленный грек пристальнее взгляделся в кристалл и после некоторого молчания ответил:

— Я вижу его... он одет в рубище нищего...

— Где он?

— Он спит на постоялом дворе, последнем у Лабиринта. Утром он будет там...

— Каков он собой?

— У него рыжие волосы и борода, — ответил Ликон.

— Ну, что? — спросил Мефрес Херихора.

— У тебя хорошая полиция, — ответил Херихор.

— Но зато сторожа Лабиринта плохо его охраняют! — проговорил с возмущением Мефрес. — Сегодня же ночью я поеду туда с Ликоном предостеречь местных жрецов. Но если мне удастся спасти священное достояние, разреши мне стать его хранителем...

— Если тебе угодно, — ответил Херихор равнодушно. Про себя же подумал:

«Благочестивый Мефрес начинает показывать зубы и когти: сам хочет стать „только“ хранителем Лабиринта, а своего питомца Ликона сделать „только“ фараоном. Право, чтобы удовлетворить алчность моих помощников, боги должны были создать десять Египтов».

Когда оба сановника вышли из подземелья, Херихор пешком вернулся в храм Исиды, где он жил; Мефрес же велел приготовить конные носилки: в одни молодые жрецы уложили усыпленного Ликона с мешком на голове, во вторые верховный жрец сел сам и, окруженный несколькими всадниками, помчался в Фаям.

В ночь с 14 на 15 паопи верховный жрец Самонту, согласно обещанию, данному фараону, проник по никому, кроме него, не известному подземному коридору в Лабиринт. В руке у него был пучок факелов, из которых один был зажжен, а на спине — небольшая корзинка с инструментами.

Самонту очень легко находил дорогу из зала в зал, из коридора в коридор, одним прикосновением отодвигая каменные плиты в колоннах и стенах, где находились потайные ходы. Иногда он останавливался в нерешительности, но, прочитав таинственные знаки на стенах и сравнив их со знаками на четках, которые были у него на шее, шел дальше.

После получасового путешествия он очутился в сокровищнице и, сдвинув одну из плит пола, проник в зал, расположенный ниже. Зал был невысок, но просторен, свод его поддерживался множеством приземистых колонн.

Самонту поставил корзинку, зажег два факела и при свете их стал читать надписи на стенах.

«Несмотря на мой невзрачный вид, — гласила одна надпись, — я — истинный сын богов. Гнев мой ужасен».

«Под открытым небом я превращаюсь в огненный столб и творю молнии; замкнутый, я — гром и разрушение. Нет здания, которое устояло бы против моей мощи. Укротить меня может только святая вода, лишаящая меня силы. Но гнев мой рождается не только от огня, но и от малейшей искры».

«Предо мной все склоняется и падает. Я как Тифон, опрокидывающий самые высокие деревья и поднимающий камни».

«Каждый храм имеет свою тайну, которой не знают другие...» — подумал Самонту.

Он открыл одну колонну и достал из нее большой горшок. На горшке была крышка, прилепленная воском, и отверстие, через которое внутрь колонны проходил длинный тонкий шнур, неизвестно где кончавшийся. Самонту отрезал кусок шнура, приблизил его к факелу и увидел, что шнур, шипя, очень быстро сгорает.

Затем он осторожно открыл ножом крышку и нашел внутри горшка что-то вроде песка и камешков серого цвета. Он вынул несколько камешков и, отойдя в сторону, ткнул в них факел. В одно мгновение вспыхнуло сильное пламя, и камешки исчезли, оставив после себя густой дым и неприятный запах.

Самонту вынул еще немного серого песка, высыпал его на пол, положил туда же кусок шнура, найденного у горшка, и все это прикрыл тяжелым камнем. Потом приблизил факел, шнур затлелся, и через минуту камень, окруженный снопом пламени, взлетел вверх.

— Он уже в моих руках, этот сын богов, — произнес, усмехаясь, Самонту. — Теперь сокровищница не обрушится.

Он стал ходить от колонны к колонне, отодвигать плиты и вынимать спрятанные там горшки. При каждом горшке был шнур; Самонту перерезал их, а горшки отставлял в сторону.

— Ну, — продолжал жрец, — государь мог бы подарить мне половину этих сокровищ или уж, во всяком случае, сделать моего сына номархом! И, наверно, сделает. Это великодушный царь... А мне самому по крайней мере храм Амона в Фивах.

Обезопасив нижний зал, Самонту вернулся в сокровищницу, а оттуда проник в верхний зал. Там тоже были надписи на стенах и многочисленные колонны, а в них горшки, снабженные шнурами и наполненные камешками, которые при соприкосновении с огнем взрывались.

Самонту перерезал шнуры, вынул горшки из колонн, а щепотку серого песка завязал в тряпицу.

Потом, усталый, присел. У него сгорело уже шесть факелов. Ночь, по-видимому, подходила к концу.

«Никогда бы я не предполагал, — рассуждал про себя Самонту, — что у здешних жрецов есть такое удивительное вещество. Ведь посредством его можно было бы разрушить ассирийские крепости! Впрочем, мы тоже не все открываем своим ученикам...»

Утомленный, он предался мечтам. Теперь он был уверен, что займет высший пост в государстве, еще более высокий, чем тот, что занимает Херихор.

Что он тогда сделает? Очень много! Завещает своим потомкам мудрость и богатство. Постарается узнать тайны всех храмов, чтобы беспредельно укрепить свою власть и обеспечить Египту превосходство над Ассирией.

Молодой фараон не верит в богов. Это поможет Самонту установить поклонение единому богу, например Осирису, и объединить финикийян, евреев, греков, ливийцев и Египет в одно государство.

Одновременно он приступит к работам над каналом, который должен соединить Красное море со Средиземным. Когда вдоль канала будут построены крепости и размещены многочисленные войска, — вся торговля с неизвестными народами Востока и Запада будет в руках Египта. Нужно также завести собственный флот и обучить египтян морскому делу... А главное, надо раздавить Ассирию, которая с каждым годом становится опаснее. Надо умерить роскошь и алчность жрецов. Пусть будут мудрецами, пусть будут богаты, но пусть служат государству, а не используют, как сейчас, власть в своих корыстных целях.

«Уже в месяце атир, — говорил он себе, — я буду всемогущ. Молодой царь слишком любит женщин и армию, чтоб интересоваться управлением. А если у него не будет сыновей, то мой сын... мой сын...»

Он очнулся. Сгорел еще один факел. Пора было покинуть подземелье. Он встал, взял свою корзинку и вышел из зала над сокровищницей.

«Мне не нужны помощники, — подумал он, улыбаясь — я сам все сделал... Я сам... презренный жрец Сета...»

Он прошел уже несколько десятков комнат и коридоров, как вдруг остановился. Ему показалось, что на полу зала, в который он вошел, видна тонкая полоска света.

Его охватил страх. Он погасил факел. Но и светлая полоска на полу тоже исчезла.

Самонту напряг слух, но слышал только, как стучит кровь в его висках.

— Мне почудилось! — сказал он.

Дрожащими руками вынул он из корзинки маленькую посудину, где медленно тлела губка, и снова зажег факел.

«Я очень хочу спать», — подумал он.

Потом посмотрел вокруг и подошел к стене, в которой была потайная дверь. Он нажал гвоздь — дверь не открылась. Нажал во второй раз... в третий — тщетно...

— Что это значит? — шептал он, недоумевая. Он уже не вспоминал о полоске света, — ему казалось, что с ним произошло что-то неслыханное. Столько потайных дверей открывал он в своей жизни, столько открыл их в самом Лабиринте, что сейчас не мог понять этого неожиданного препятствия. Его снова охватил страх. Он бегал от стены к стене, ища другой выход. Наконец, одна из потайных дверей подалась. Самонту вздохнул с глубоким облегчением. Он очутился в огромном зале, как обычно, со множеством колонн. Его факел

освещал лишь уголок пространства, большая часть которого утопала в густом мраке.

Темнота, лес колонн и главное — незнакомый зал вселили в него бодрость. В душе Самонту вспыхнула искра наивной надежды: ему казалось, что раз он не знает этого места, то и никто его не знает, никто сюда не придет.

Он немного успокоился, присел, чувствуя, что ноги у него подкашиваются, но снова вскочил и стал озираться кругом, как будто желая проверить, действительно ли ему грозит опасность и откуда... Из какого темного угла она появится?

Самонту, как никто в Египте, привык к подземельям, темноте, подобным путешествиям, ему пришлось испытать в жизни немало страшного. Но то, что он испытывал сейчас, было чем-то совершенно новым и таким ужасным, что он боялся дать этому название.

Наконец он с большим усилием собрал мысли.

— Если я в самом деле видел свет, если действительно кто-то запер двери — значит, меня выдали, — прошептал он. — Что же будет?

«Смерть!» — подсказал ему голос в глубине души.

— Смерть?

Пот выступил у него на лице, сдавило грудь. Жреца обуял безумный страх. Он стал бегать по залу, стуча кулаками в стены, ища выхода. Он забыл уже, через какую дверь вошел, потерял направление и даже возможность ориентироваться при помощи четок.

В то же время он почувствовал, что в нем как бы два человека: один — почти обезумевший, другой — спокойный и рассудительный. Рассудительный говорил, что все, быть может, померещилось ему, что никто его не открыл, никто не ищет и что он выйдет отсюда, как только немного придет в себя. Но тот, первый, обезумевший, с каждой минутой брал верх над своим противником — голосом рассудка.

«О, если б можно было спрятаться в одну из этих колонн! Пусть тогда меня ищут!» (Хотя его наверняка никто бы не искал и не нашел, а он бы выспался и снова овладел собой.)

«Ну, что мне здесь угрожает? — убеждал он самого себя, пожимая плечами. — Надо только успокоиться. Пусть гонятся за мной по всему Лабиринту. Ведь для того, чтобы перерезать все пути, нужно несколько тысяч человек, а чтоб определить, где, в каком зале я нахожусь, — нужно чудо!

Допустим, что меня поймают. Ну, так что же? Приложу к губам этот пузырек и в один миг буду так далеко, что меня уже никто не настигнет, даже боги...»

Несмотря, однако, на эти рассуждения, Самонту снова охватил такой страх, что он опять погасил факел и, щелкая зубами, приник к колонне.

«Зачем? Зачем я вошел сюда? — твердил он себе. — Разве мне нечего было есть? Негде было склонить голову? Меня ищут. Ведь в Лабиринте множество чутких, как собаки, сторожей, и только ребенок или дурак мог надеяться обмануть их. Богатство! Власть! Где такие сокровища, за которые стоило бы отдать один день жизни? И вот я — человек, полный сил, подвергаю свою...»

Вдруг он услышал, как что-то тяжело стукнуло. Он вскочил и увидел в глубине зала свет.

Да. Действительно свет — не обман зрения... В отдаленной стене, где-то в конце зала, была открыта дверь, через которую осторожно входило несколько вооруженных людей с факелами.

При виде их жрец почувствовал холод в ногах, в сердце, в голове. Он уже не сомневался в том, что его преследуют, что он окружен...

Кто мог его выдать? Конечно, только один человек — молодой жрец Сета, которого он подробно посвятил в свои планы. Самому изменнику пришлось бы блуждать в Лабиринте месяц, но если он рассказал все сторожам, Самонту мог быть найден в один день.

В этот миг жрец испытал чувство, знакомое только людям, стоящим перед лицом смерти. Он перестал бояться, так как его мнимые страхи рассеялись перед действительными фактами. Он не только овладел собой, но даже почувствовал себя бесконечно выше всего живого... Через секунду ему не будет грозить уже никакая... никакая опасность!

Мысли пробегали в голове с быстротой и яркостью молнии. Он вспомнил всю свою жизнь: труды, опасности, надежды, вожделения... Все это казалось ему таким ничтожным... Что пользы, если бы в данную минуту он был даже фараоном или владел всеми царскими сокровищами? Все это суета, прах. И что еще хуже — самообман. Одно только есть великое и истинное — смерть...

Тем временем люди с факелами, тщательно оглядывая все уголки, дошли уже до половины огромного зала. Жрец видел блестящие острия их копий и понял, что они колеблются, что подвигаются вперед со страхом и нерешительностью. В нескольких шагах за ними шла другая группа людей, освещенная одним факелом.

Самонту даже не чувствовал к ним ненависти. Он испытывал только любопытство: кто же мог его выдать? Но и это его не очень волновало, — он настойчиво искал ответа на вопрос: почему человек должен умереть и для чего он рождается? Ибо смерть превращает целую жизнь, даже если она была самой долгой и богатой из всех существовавших когда-либо жизней, в один мучительный миг.

Почему так? Зачем так?

Его мысли оборвал голос одного из вооруженных людей:

— Здесь никого нет и быть не может!

Передняя группа остановилась. Самонту почувствовал любовь к этим людям, которые не хотят идти дальше. Сердце у него забило сильнее.

Медленно приближалась вторая группа. Два человека спорили.

— Как ваше преосвященство может даже предполагать, что сюда кто-то вошел? — говорил голос, дрожавший от возмущения. — Ведь все входы охраняются, особенно сейчас, а если кто-нибудь даже прокрался, то разве для того, чтобы умереть с голоду...

— Однако посмотри на Ликона, — отвечал второй голос. — Он спит, но как будто все время чувствует близость врага.

«Ликон? — подумал Самонту. — Ах, это тот грек, похожий на фараона... Что я вижу? Мефрес привел его сюда...»

В этот момент усыпленный грек бросился вперед и очутился перед колонной, за которой притаился Самонту. Вооруженные люди побежали за ним, их факелы осветили черную фигуру жреца.

— Кто здесь? — крикнул хриплым голосом начальник стражи.

Самонту вышел. Его появление было так неожиданно, что все отпрянули. Он мог бы пройти между этими остолбеневшими людьми, и никто не задержал бы его. Но жрец не думал уже о побеге.

— Ну что, ошибся мой ясновидец? — воскликнул Мефрес, протягивая руку. — Вот изменник!

Самонту подошел к нему, улыбаясь, и сказал:

— Я узнал тебя по этому возгласу, Мефрес. Когда ты не обманщик, ты — просто дурак.

Присутствующие остолбенели. Самонту продолжал со спокойной иронией:

— Впрочем, в данную минуту ты и обманщик и дурак. Обманщик, потому что пытаешься убедить сторожей Лабиринта, что этот прохвост обладает даром ясновидения, а дурак, потому что думаешь, что тебе поверят. Лучше скажи сразу, что и в храме Птаха есть точный план Лабиринта...

— Это ложь! — вскричал Мефрес.

— Спроси этих людей, кому они верят: тебе или мне? Я здесь потому, что нашел планы в храме Сета, а ты пришел по милости бессмертного Птаха, — закончил Самонту со смехом.

— Вяжите этого предателя и лжеца! — вскричал Мефрес.

Самонту сделал несколько шагов назад, быстро вынул из складок одежды пузырек и, поднеся его к губам, проговорил:

— Ты, Мефрес, до самой смерти останешься дураком... Ума у тебя хватает лишь тогда, когда дело касается денег.

Он поднес пузырек ко рту и упал на пол.

Вооруженные люди кинулись к нему, подняли, но он был уже мертв.

— Пусть останется здесь, как и другие... — сказал хранитель сокровищницы.

Тщательно заперев потайные двери, все покинули зал. Вскоре они вышли из подземелья.

Очутившись во дворе, достойный Мефрес велел своим жрецам приготовить конные носилки и тотчас же вместе со спящим Ликоном уехал в Мемфис.

Сторожа Лабиринта, ошеломленные необычайными происшествиями, то переглядывались между собой, то смотрели вслед свите Мефреса, исчезнувшей в желтом облаке пыли.

— Не могу поверить, — сказал верховный жрец-хранитель, — чтобы в наши дни нашелся человек, который мог пробраться в подземелье...

— Вы забываете, ваше преосвященство, что сегодня нашлось трое таких, — заметил один из младших жрецов, поглядев на него искоса.

— А ведь ты прав! — ответил верховный жрец. — Неужели боги помutilи мой разум? — прибавил он, потирая лоб и сжимая висевший на груди амулет.

— И двое из них бежали, — подсказал младший жрец, — комедиант Ликон и святой Мефрес.

— Почему же ты не сказал мне об этом там, в подземелье? — рассердился начальник.

— Я не знал, что так получится.

— Пропала моя голова!.. — вскричал верховный жрец. — Не начальником мне следовало здесь служить, а привратником. Предупреждали нас, что кто-то пытается проникнуть в Лабиринт, а я не принял никаких мер. Да и сейчас упустил двух самых опасных людей, людей, которые могут привести сюда кого им вздумается!.. Горе мне!..

— Не отчаивайся, — успокоил его другой жрец, — закон наш ясен. Отправь в Мемфис четверых или шестерых людей и снабди их приговорами. Остальное уже их дело.

— У меня помutilся разум, — повторял верховный жрец.

— Что случилось, то случилось, — прервал его с легкой иронией молодой жрец. — Одно ясно: изменники, которые не только попали в подземелье, но даже расхаживали по нему, как у себя дома, — должны умереть.

— Так назначьте шестерых из нашей охраны!

— Конечно! Надо с этим покончить! — подтвердили жрецы-хранители.

— Кто знает, не действовал ли Мефрес по соглашению с достойнейшим Херихором? — шепнул кто-то.

— Довольно! Если мы найдем Херихора в Лабиринте, мы и с ним поступим по закону, — ответил верховный жрец. — Но подозревать кого-нибудь, не имея улик, мы не можем. Пусть писцы приготовят приговоры Мефресу и Ликону, пусть наши люди поспешат за ними следом, а стража пусть удвоит караулы. Надо осмотреть также все входы в здание и узнать, каким образом проник Самонту. Хотя я уверен, что он не скоро найдет подражателей.

Спустя несколько часов шесть человек отправились в Мемфис.

15

Уже 18 паопи в Египте воцарился хаос. Сообщение между Нижним и Верхним Египтом было прервано, торговля прекратилась, по Нилу плавали только сторожевые суда, сухопутные дороги были заняты войсками, направлявшимися к городам, в которых находились знаменитые храмы. На полях работали только крестьяне жрецов, в имениях же знати, номархов и особенно фараона лен был не убран, клевер не скошен, виноград не собран. Крестьяне ничего не делали, гуляли, пели песни, ели, пили и грозили то жрецам, то финикиянам.

В городах лавки были заперты, и незанятые ремесленники и работники целыми днями толковали о государственных реформах. Это печальное явление, уже не новое в Египте, на этот раз проявлялось в столь угрожающих размерах, что сборщики податей и даже судьи стали прятаться, тем более что полиция смотрела на все происходившее сквозь пальцы.

Между прочим, обращало на себя внимание обилие еды и вина. В трактирах и харчевнях, особенно финикийских, в самом Мемфисе, а также в провинции, мог есть и пить кто хотел и сколько хотел за очень низкую плату или совсем даром.

Говорили, что фараон устраивает для своего народа пиршество, которое будет продолжаться целый месяц. Так как сообщение было затруднено, а местами даже прервано, то один город не знал, что творится в другом. И только фараону, а еще лучше жрецам было известно общее положение в стране.

Положение это характеризовалось прежде всего расколом между Верхним, или Фиванским, и Нижним, или Мемфисским, Египтом. В Фивах преобладала партия жрецов, в Мемфисе — партия фараона. В Фивах говорили, что Рамсес XIII сошел с ума и хочет продать Египет финикиянам; в Мемфисе утверждали, что жрецы хотят отравить фараона и наводнить страну ассирийцами.

Простой народ как на севере, так и на юге симпатизировал Рамсесу. Но народ этот представлял собою пассивную и неустойчивую силу. Когда говорил агитатор правительства, крестьяне готовы были броситься на храмы и бить жрецов, а когда проходила процессия — падали ниц и дрожали, слушая предсказания о каких-то бедствиях, угрожающих Египту еще в этом месяце.

Перепуганная знать и номархи почти все съехались в Мемфис, умоляя фараона защитить их против бунтующих крестьян. Но так как Рамсес XIII рекомендовал им терпение и не усмирял бунтующих, то магнаты вступили в переговоры со жреческой партией.

Правда, Херихор молчал или тоже рекомендовал терпение, но другие жрецы доказывали вельможам, что Рамсес XIII — сумасшедший, и намекали на необходимость отстранить его от власти.

В самом Мемфисе бок о бок существовало два лагеря: безбожники пьянствовали, шумели и забрасывали грязью стены храмов и даже статуи богов, а верующие, преимущественно старики и женщины, молились на улицах, предвещая во всеуслышание всякие несчастья и моля богов о спасении. Безбожники что ни день совершали какой-нибудь незаконный поступок, среди благочестивых же ежедневно исцелялся какой-либо больной или калека. Но, странное дело, и те и другие, несмотря на разгоревшиеся страсти, мирно уживались друг с другом и не прибегали ни к каким насильственным действиям. Это происходило оттого, что те и другие действовали под руководством и по плану, исходившему из высших сфер.

Фараон, не собрав еще всех воинских частей и не располагая всеми уликами против жрецов, воздерживался от сигнала к решительному нападению на храмы; жрецы же, казалось, выжидали чего-то. Было видно, однако, что сейчас они уже не чувствуют себя такими слабыми, как в первые дни после голосования делегатов. Да и сам Рамсес XIII задумывался, когда ему со всех сторон сообщали, что крестьяне в жреческих поместьях почти совсем не участвуют в смуте и работают.

«Что это значит? — спрашивал себя фараон. — Думают ли они, что я не посмею тронуть храмы, или у них есть какие-то неизвестные мне средства защиты?»

Девятнадцатого паопи полиция довела до сведения фараона, что прошлой ночью народ начал разрушать стены, окружавшие храм Гора.

— Это вы им приказали? — спросил фараон начальника.

— Нет, это они сами...

— Сдерживайте их... Не очень строго, но сдерживайте, — сказал фараон. — Через несколько дней они могут делать все, что им заблагорассудится. А пока пусть не прибегают к насилию.

Рамсес XIII, как полководец и победитель у Содовых озер, знал, что раз толпа двинется на штурм, ее уже ничто не удержит, — она должна разбить противника или сама быть разбитой. Хорошо, если храмы не окажут сопротивления, а если они захотят защищаться?..

В таком случае народ разбежится, придется вместо него послать войска, которых было, правда, много, но, по расчетам фараона, недостаточно. Кроме того, Хирам еще не вернулся из Бубаста с письмами, уличавшими Мефреса и Херихора в измене. А главное, сочувствовавшие фараону жрецы обещали оказать ему помощь лишь 23 паопи. Как же предупредить их в стольких храмах, удаленных друг от друга на большие расстояния? Простая осторожность повелевала избегать с ними сношений, которые могли бы их выдать. Поэтому Рамсес XIII не желал преждевременного нападения народа на святилища.

Между тем, вопреки желанию фараона, смута росла. У храма Исиды было убито несколько богомольцев, пророчивших Египту бедствия или чудесным способом исцеленных. У храма Птаха чернь бросилась на процессию, избивала жрецов и изломала священную ладью, в которой разъезжала статуя бога. Почти одновременно явились гонцы из городов Сехема и Она, сообщавшие, что мятежники пытались вторгнуться в храмы, а в Херау они даже ворвались и осквернили святилище.

Вечером, чуть ли не украдкой, явилась к фараону депутация жрецов. Почтенные пророки с плачем упали к ногам повелителя, умоляя защитить богов и храмы.

Это неожиданное обстоятельство преисполнило сердце Рамсеса большой радостью и еще большей гордостью. Он велел делегатам встать и милостиво ответил, что его полки готовы оберегать храмы, если только будут туда пропущены.

— Я не сомневаюсь, — заявил он, — что сами разрушители отступят, увидав, что прибежища богов заняты войсками.

Делегаты колебались.

— Тебе известно, — сказал старейший из них, — что войскам нельзя входить даже за ограду храма. Нам придется спросить мнения верховных жрецов.

— Пожалуйста, спросите, — сказал фараон. — Я не умею творить чудеса и из моего дворца не могу защитить отдаленные святыни.

Делегаты с огорчением ушли от фараона, который после их ухода собрал тайный совет. Рамсес был уверен, что жрецы подчинятся его воле, ему и в голову не приходило, что делегация — не что иное, как комедия, придуманная Херихором, чтобы ввести его в заблуждение.

Когда в комнате фараона собрались гражданские и военные сановники, Рамсес, преисполненный гордости, взял слово.

— Я хотел, — сказал он, — занять мемфисские храмы двадцать третьего. Считаю, что лучше сделать это завтра.

— Наши войска еще не собрались, — сказал Тутмос.

— И у нас нет еще в руках писем Херихора к Ассирии, — прибавил верховный писец.

— Это не важно, — ответил фараон, — пусть народ завтра узнает, что Херихор и Мефрес изменники, а номархам и жрецам мы предъявим доказательства через несколько дней, когда Хирам вернется из Бубаста.

— Новый твой приказ в значительной степени меняет первоначальный план, — сказал Тутмос. — Лабиринта мы завтра не займем. А если в Мемфисе храмы решатся оказать сопротивление, то у нас нет даже таранов, чтобы пробивать ворота...

— Тутмос, — ответил фараон, — мои приказы не нуждаются в разъяснениях. Но я хочу вас убедить, что правильно оцениваю ход событий... Если народ, — продолжал он, — уже сегодня нападет на храмы, то завтра он захочет ворваться в них. Надо его поддержать, иначе он будет отбит, и через три дня у него, пожалуй, пройдет охота к решительным действиям. Если жрецы уже сегодня посылают к нам делегацию, очевидно, они слабы. Между тем через несколько дней число их сторонников в народе может возрасти. Энтузиазм и страх — как вино в кувшине: чем больше его разливают, тем его становится меньше, и только тот может напиться, кто вовремя подставит свой кубок. Поскольку народ сегодня готов к нападению, а враг запуган, воспользуемся этим, ибо, как я говорю, счастье может нас покинуть, а то и обратиться против нас.

— И продовольствие подходит к концу, — заметил казначей. — Через три дня все должны приступить к работе, потому что больше кормить их даром мы не сможем.

— Вот видишь, — обратился фараон к Тутмосу. — Я сам отдал приказ начальнику полиции, чтобы он сдерживал народ. Но если сдержать его невозможно, то надо воспользоваться воодушевлением. Опытный мореплаватель не воюет с течением или ветром, а предпочитает нестись по их воле.

В этот момент вошел гонец с донесением, что народ нападает на иноземцев: греков, сирийцев и особенно финикийн. Разгромлено много лавок и несколько человек убито.

— Вот вам доказательство, — вскричал возмущенный фараон, — что толпу не следует отвлекать от раз намеченной цели! Завтра пусть войска будут поблизости от храмов. И пусть немедленно займут их, если народ начнет врываться туда или отступать под натиском жрецов... Правда, виноград следует снимать в месяце паопи, но найдется ли садовник, который оставит гроздь на лозах, если они поспеют месяцем раньше? Повторяю — я хотел задержать движение толпы до окончания нашей подготовки, но раз это ее охладит — воспользуемся попутным ветром и распустим паруса! Завтра Херихор и Мефрес должны быть арестованы и приведены во дворец, а с Лабиринтом покончим в несколько дней.

Члены совета признали, что решение фараона правильно, и разошлись, поражаясь его решительности и мудрости. Даже военачальники заявили, что лучше воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств, чем копить силы к тому времени, когда благоприятный случай минет.

Была уже ночь. Прибежал второй гонец из Мемфиса с донесением, что полиции удалось отстоять иноземцев. Но народ разъярен, и неизвестно, до чего дойдет завтра.

Теперь гонцы являлись один за другим. Одни приносили вести, что многолюдные толпы крестьян, вооруженных топорами и дубинками, направляются со всех сторон к Мемфису. Другие сообщали, что в окрестностях Пеме, Сехема и Она население убегает в поля, крича, что завтра будет конец света. Третий гонец

привез от Хирама извещение о скором прибытии его в Мемфис. Четвертый доносил, что полки жрецов тайком пробираются к Мемфису, а из Верхнего Египта двигаются мощные толпы народа и солдаты, враждебно настроенные против финикийян и даже против его святейшества.

«Пока те подойдут, — подумал фараон, — верховные жрецы будут уже у меня в руках и подспеют полки Нитагора. Святые опоздали на несколько дней...»

Кроме того, сообщали, что солдаты поймали переодетых жрецов, пытавшихся проникнуть во дворец фараона, наверно, с недобрыми намерениями.

— Пусть приведут их ко мне, — ответил, смеясь, фараон, — хочу видеть тех, кто злоумышлял против меня!

Около полуночи досточтимая царица Никотриса попросила аудиенции у его святейшества. Царица-мать была бледна и вся дрожала. Она велела офицерам выйти из комнаты фараона и, оставшись с ним наедине, сказала со слезами:

— Сын мой, у меня очень дурные предзнаменования.

— Я предпочел бы услышать точные сведения о силе и планах моих врагов.

— Сегодня вечером статуя божественной Исиды в моей молельне повернулась лицом к стене, а вода в священной цистерне покраснела, как кровь...

— Это доказывает, — ответил фараон, — что у нас во дворце есть предатели. Но они не так уж; опасны, если умеют только загрязнять воду и поворачивать статуи.

— Вся наша прислуга, весь народ убежден, что если твои войска вступят в храм, то на Египет обрушится великое бедствие.

— Еще большее бедствие, — ответил фараон, — это наглость жрецов.

Допущенные моим вечно живущим отцом во дворец, они думают теперь, что стали его хозяевами... Но, боги мои, при чем же я тогда останусь? Неужели я должен отказаться от своих царских прав?!

— Но, по крайней мере, — сказала царица, — будь великодушен... Да, права свои ты должен защищать. Но не позволяй твоим солдатам совершать насилия над священными прибежищами богов или оскорблять жрецов. Помни, что милосердные боги ниспосылают Египту радость, а жрецы, несмотря на свои ошибки, — у кого их нет? — оказывают неоценимые услуги нашей стране... Подумай только, если ты их разгонишь и ввергнешь в нищету, ты уничтожишь мудрость, возвысившую наше государство над всеми другими.

Фараон взял мать за обе руки, поцеловал ее и ответил, смеясь:

— Женщины всегда преувеличивают. Ты, матушка, говоришь со мной так, как если бы я был предводителем диких гиксосов, а не фараоном. Разве я враг жрецам? Разве я ненавижу их мудрость? Хотя бы даже такую бесплодную, как наблюдение за звездами, которые и без нас движутся по небу, а пользы от этого ни на дебен. Меня раздражает не их ум или благочестие, а нищета Египта,

который истощается от голода и боится малейшей угрозы Ассирии. Жрецы же, несмотря на свою мудрость, не только не хотят помочь мне в моих планах, но оказывают сопротивление самым наглым образом. Позволь же мне убедить их, что не они, а я хозяин моего наследства. Я не мог бы мстить смирившимся, но собственной ногой раздавлю гордецов! Они это знают, но еще не верят и, не имея настоящих сил, хотят запугать меня, предвещая какие-то бедствия. Это их последнее оружие и прибежище... Когда же они поймут, что я недоступен страху, они смирятся. И тогда не падет ни один камень с их храмов, ни одного перстня не лишатся их сокровищницы. Знаю я этих людей!.. Сегодня делают важный вид, потому что я далеко от них. Но когда я занесу над ними свой бронзовый кулак, они упадут ниц, и весь этот хаос окончится миром и всеобщим благополучием.

Царица обняла ноги фараона и ушла успокоенная, все же на прощанье заклиная Рамсеса, чтобы он относился почтительно к богам и был великодушен к их слугам.

После ухода матери фараон призвал Тутмоса.

— Итак, значит, завтра, — сказал он ему, — мои войска займут храмы. Объяви, однако, военачальникам, пусть они знают, что я хочу сохранить святыне прибежища нетронутыми и чтобы никто не поднял руки на жрецов.

— Даже на Мефреса и Херихора? — спросил Тутмос.

— Даже на них. Они будут достаточно наказаны, когда, отстраненные от всех своих постов, поселятся с мудрецами в храмах, чтобы беспрепятственно молиться и учиться мудрости.

— Будет так, как ты приказываешь, хотя...

Рамсес поднял кверху палец, давая понять, что не хочет слушать никаких возражений. Затем, чтобы переменить тему разговора, проговорил, улыбаясь:

— Помнишь, Тутмос, маневры? Прошло уже два года. Когда я в тот раз возмущался дерзостью и алчностью жрецов, мог ли ты подумать, что я так быстро расквитаюсь с ними? О бедная Сарра! О мой маленький сын! Какой он был красивый!

Слеза скатилась по лицу фараона.

— Право, — сказал он, — если бы я не был сыном богов, милосердных и великодушных, врагам моим пришлось бы завтра пережить тяжелые часы... Сколько они мне причинили унижений! Сколько раз по их вине слезы застилали мне глаза!

16

Двадцатого паопи Мемфис имел торжественный, праздничный вид. Приостановились все дела, и даже носильщики не носили тяжестей. Все население высыпало на площади и улицы или толпилось вокруг храмов, главным образом у капища Птаха, наиболее укрепленного. Там собрались духовные и

светские сановники с Херихором и Мефресом во главе. Неподалеку от храмов войска стояли вольным строем для того, чтобы солдаты могли переговариваться с народом.

Среди простонародья и солдат ходили многочисленные разносчики с корзинами хлеба, с кувшинами и кожаными мехами с вином. Угощали всех даром. Если же кто спрашивал, почему не берут платы, некоторые отвечали, что фараон угощает своих подданных. Другие же говорили:

— Ешьте и пейте, правоверные египтяне! Кто знает, доживем ли мы до завтрашнего утра.

Это были разносчики, нанятые жрецами.

Здесь шныряло много всяких подосланных лиц. Одни убеждали своих слушателей, что жрецы бунтуют против фараона и даже хотят отравить его за то, что он обещал народу седьмой день отдыха. Другие нашептывали, что фараон сошел с ума и вступил в заговор с иноземцами на погибель храмам и Египту. Первые подстрекали народ напасть на храмы, где жрецы и номархи совещаются о том, как больше поприжать работников и крестьян. Вторые высказывали опасение, что если нападут на храмы, то случится великое бедствие...

Неизвестно откуда у стен храма Птаха появилось несколько толстенных бревен и груды камней.

Степенные мемфисские горожане, расхаживавшие в толпе, ни на минуту не сомневались, что народное волнение вызвано искусственно. Мелкие писцы, полицейские, офицеры рабочих полков и переодетые десятники даже не скрывали ни своего официального положения, ни того, что хотят заставить народ завладеть храмами. С другой стороны, парасхиты, нищие храмовые служки и низшие жрецы, хотя и старались не выдать себя, однако каждый видел, что и они подстрекают народ к насилию.

Горожане были удивлены таким поведением жреческой партии, и вчерашний энтузиазм народа начинал остывать. Родовитые египтяне не могли понять, в чем тут дело и кто в действительности вызывает беспорядки. Хаос увеличивался благодаря юродивым святошам, которые, бегая нагишом по улицам, терзали до крови свое тело и оглашали воздух воплями:

— Горе Египту! Безбожие перешло всякую меру, и близится час суда! Боги покарают гордыню беззакония!

Солдаты держали себя спокойно, ожидая, пока народ начнет врываться в храмы. Во-первых, такой приказ пришел из царского дворца; во-вторых, офицеры опасались засады в храмах и предпочитали, чтобы погибал простой народ, а не солдаты. Солдатам и так предстояло много дела.

Но толпа, несмотря на призывы агитаторов и раздаваемое даром вино, колебалась; крестьяне думали, что начнут ремесленники, ремесленники — что крестьяне, и все чего-то ждали.

Вдруг около часа пополудни из переулков хлынула к храму Птаха пьяная толпа, вооруженная топорами и дубинами. Это были рыбаки, греческие матросы, пастухи, ливийские бродяги, даже каторжники из рудников Турры. Во главе шел человек исполинского роста с факелом. Он остановился у ворот храма и громовым голосом обратился к народу:

— А знаете вы, правоверные, о чем совещаются тут верховные жрецы и номархи? Они хотят заставить его святейшество фараона Рамсеса лишить работников еще одной ячменной лепешки в день, а крестьян обложить новыми податями по драхме на душу. Верьте мне, говорю вам, вы поступаете глупо и подло, когда стоите здесь сложа руки. Пора наконец выловить храмовых крыс и отдать их в руки фараона, господина нашего, против которого сговариваются безбожники. Если нашему повелителю придется смириться перед советом жрецов, кто тогда заступится за честной народ?

— Он правильно говорит! — раздались голоса в толпе.

— Фараон велит дать нам седьмой день отдыха!

— И наделить нас землей!

— Он всегда сочувствовал простому народу! Помните, как два года назад он освободил крестьян, отданных под суд за нападение на усадьбу еврейки?

— Я сам видел, как он тогда избил писца, взымавшего с крестьян незаконные поборы.

— Да живет вечно повелитель наш, Рамсес Тринадцатый, покровитель угнетенных!

— Смотрите! — послышался голос издалека. — Скотина сама возвращается с пастбищ, как будто близится вечер...

— Какое нам дело до скотины! Валяй на жрецов!

— Эй вы! — крикнул исполин у ворот храма. — Лучше откройте нам добром; мы хотим знать, о чем совещаются жрецы с номархами.

— Откройте, а то мы высадим ворота!

— Странное дело, — говорили поодаль, — птицы садятся на деревья, словно готовятся ко сну. А ведь сейчас только полдень...

— В воздухе чуется что-то недоброе...

— Боги! Уж ночь надвигается, а я еще не нарвала салата к обеду, — спохватилась какая-то девушка.

Но все эти замечания заглушил крик пьяной банды и стук бревен, ударяющих в бронзовые ворота храма.

Если б толпа меньше глазела на громил, она успела бы заметить, что в природе происходит что-то необыкновенное: солнце сияло, на небе не было ни единой тучки, но, несмотря на это, яркий день стал меркнуть, и повеяло холодом.

— Давайте еще бревно! — кричали осаждавшие храм. — Ворота поддаются!

— Ну-ка крепче! Еще раз!

Стоявшая кругом толпа ревела, как буря. Кое-где отрывались от нее небольшие группы и присоединялись к осаждающим, пока, наконец, вся она не придвинулась к храму.

Несмотря на полдень, тьма сгущалась. В садах храма Птаха запели петухи. Но ярость толпы была уже так велика, что мало кто замечал эти перемены.

— Смотрите, — взывал какой-то нищий, — вот приближается день суда. Боги... — Он хотел продолжать, но, получив удар дубинкой по голове, упал на месте.

На стены храма стали карабкаться голые, но вооруженные фигуры. Офицеры отдали команду приготовиться к атаке в уверенности, что скоро придется поддержать штурм толпы.

— Что это значит? — перешептывались солдаты, поглядывая на небо. — Нет ни одной тучки, а кругом — точно гроза?

— Бей! Ломай! — кричали у ворот храма.

Удары бревен в ворота участились.

В эту минуту на террасе, возвышавшейся над воротами, появился Херихор, окруженный свитой жрецов и светских сановников. Верховный жрец был в золотом облачении и в митре Аменхотепа, обвитой царским уреем.

Херихор посмотрел на необозримую толпу народа, окружавшую храм, и, обращаясь к ней, сказал:

— Кто бы вы ни были, истинно верующие или язычники, именем богов призываю вас оставить храм...

Шум толпы внезапно стих, и слышны были только удары бревен о бронзовые створы, но вскоре и они прекратились.

— Откройте ворота! — крикнул снизу великан. — Мы хотим проверить, не замышляете ли вы там измены против нашего государя!

— Сын мой! — ответил Херихор. — Пади ниц и моли богов, чтобы они простили тебе кощунство.

— Это ты моли богов, чтобы они тебя защитили! — крикнул предводитель толпы и, схватив камень, бросил его вверх, метя в жреца.

Из окна пилона брызнула в лицо великана тонкая струйка какой-то жидкости. Он зашатался, замахал руками и упал.

У стоявших поблизости вырвался крик ужаса; задние ряды, не зная, что случилось, ответили на него смехом и проклятиями.

— Ломайте ворота! — кричали сзади, и град камней полетел в сторону Херихора и его свиты.

Херихор поднял обе руки. Когда же толпа снова стихла, верховный жрец громко воскликнул:

— Боги! Под вашу защиту отдаю святые храмы, против которых выступают изменники и святотатцы.

Внезапно где-то над храмом прозвучал голос, который, казалось, не мог принадлежать человеку:

— Отвращаю лик свой от проклятого народа, и да низойдет на землю тьма!

И свершилось что-то ужасное. С каждым словом солнце утрачивало свою яркость... При последнем же стало темно, как ночью. В небе зажглись звезды, а вместо солнца стоял черный диск в кольце огня.

Неистовый крик вырвался из многих тысяч грудей. Штурмовавшие ворота бросили бревна, крестьяне пали наземь...

— Настал день суда и смерти! — слышался стонущий голос в конце улицы.

— Боги! Пощадите! Святой муж, отведи от нас беду! — завопила толпа.

— Горе солдатам, исполняющим приказание безбожных начальников! — возгласил громкий голос из храма.

В ответ на это весь народ пал ниц, а в двух полках, стоявших перед храмом, возникло замешательство. Ряды расстроились, солдаты бросили оружие и без памяти кинулись к реке. Одни натыкались в темноте на стены домов и разбивали головы, другие падали на мостовую под ноги своих же товарищей. Спустя несколько минут вместо сомкнутых колонн на площади остались лишь брошенные в беспорядке копья и секиры, а у входов в переулки лежали груды раненых и трупов.

Ни одно проигранное сражение не кончалось еще такой катастрофой.

— Боги! Боги! — стонал и плакал народ. — Пощадите невинных!

— Осирис! — воскликнул с террасы Херихор. — Яви лик свой несчастному народу.

— В последний раз внимлю я мольбе моих жрецов, ибо я милосерд, — ответил неземной голос из храма.

В ту же минуту тьма рассеялась, и солнце обрело прежнюю яркость.

Новый крик, новые Вопли, новые молитвы прозвучали в толпе. Опьяненные радостью люди приветствовали воскресшее солнце. Незнакомые падали друг другу в объятия. И все на коленях ползли к храму приложиться к его благословенным стенам.

Над воротами стоял достойнейший Херихор, устремив взор к небесам; двое жрецов поддерживали его святые руки, которыми он разогнал тьму и спас народ от гибели.

Такие же сцены происходили по всему Нижнему Египту. Во всех городах 20 паопи народ с утра собирался у храмов. Во всех городах около полудня толпа штурмовала священные ворота. Повсюду около часу дня над воротами появлялся верховный жрец храма с причтом, проклинал безбожников и низводил на землю тьму. Когда же толпа разбегалась в смятении или падала ниц, верховные жрецы молились Осирису, чтоб он явил свой лик, и яркость дня снова возвращалась на землю.

Таким образом, благодаря затмению солнца премудрая жреческая партия уже и в Нижнем Египте поколебала авторитет Рамсеса XIII. За несколько минут правительство фараона, само того не зная, очутилось на краю пропасти. Спасти его мог только великий ум и точное знание положения. Но этого-то и недоставало в царском дворце, где в самую трудную минуту начал всевластно господствовать случай.

Двадцатого паопи фараон встал с восходом солнца и, чтобы быть поближе к театру военных действий, перебрался из главного дворца в небольшую усадьбу, расположенную недалеко от Мемфиса. С одной стороны усадьбы находились казармы азиатских войск, с другой — павильон Тутмоса и его супруги, красавицы Хеброн. Рамсеса сопровождали туда верные ему вельможи и первый гвардейский полк, к которому фараон питал безграничное доверие.

Рамсес XIII был в прекрасном расположении духа. Он принял ванну, с аппетитом позавтракал и стал выслушивать гонцов, каждые четверть часа прибегавших из Мемфиса. Их сообщения были однообразны до скуки: верховные жрецы и несколько номархов с Херихором и Мефресом во главе заперлись в храме Птаха. Армия преисполнена бодрости, народ волнуется. Все благословляют фараона и ожидают приказа к нападению.

Когда в девять часов четвертый гонец повторил то же самое, фараон нахмурился. — Чего они ждут? — спросил он. — Пускай немедленно начинают штурм.

Гонец ответил, что еще не собрались вожак толпы, которая должна напасть на храм и выломать бронзовые ворота.

Это объяснение не понравилось фараону. Он покачал головой и отправил в Мемфис офицера с приказанием ускорить штурм.

— Почему они медлят? — сказал он. — Я думал, что мои солдаты разбудят меня известием о взятии храмов... В подобных случаях быстрота действий — неперемное условие успеха.

Офицер уехал, но у храма Птаха ничего не изменилось.

Народ ожидал чего-то, а главарей все еще не было на месте.

Можно было подумать, что чья-то чужая воля задерживает исполнение приказов.

В десять часов утра прибыли носилки с царицей Никотрисой. Досточтимая царица-мать почти насильно ворвалась в комнату сына и со слезами упала к его ногам.

— Что случилось, матушка? — спросил Рамсес, с трудом скрывая раздражение. — Ты забыла, что женщинам не место в лагере?

— Сегодня я не уйду отсюда и не оставлю тебя ни на минуту! — воскликнула она. — Правда, ты сын Исиды и пользуешься ее покровительством. Но, несмотря на это, я умру от беспокойства.

— А что мне угрожает? — спросил фараон, пожимая плечами.

— Жрец, наблюдающий звезды, — ответила со слезами царица, — сказал одной из прислужниц, что если сегодня... если этот день пройдет для тебя благополучно, ты будешь жить и царствовать сто лет.

— Вот как? Где же этот человек, так хорошо осведомленный о моей судьбе?

— Бежал в Мемфис.

Фараон задумался и сказал, улыбнувшись:

— Как у Содовых озер мы не боялись стрел и камней ливийцев, так сегодня нам не страшны угрозы жрецов... Будь покойна, матушка... Пустая болтовня, даже жрецов, менее опасна, чем стрелы и камни.

Из Мемфиса прибежал новый гонец с донесением, что все обстоит благополучно, но... толпа еще не выступила...

На красивом лице фараона появились признаки гнева.

Тутмос успокоил повелителя:

— Народ — не армия. Он не умеет собираться в назначенный час и не слушается команды. Если бы полкам было поручено занять храмы, они были бы уже там...

— Ты забыл, — заметил Рамсес, — что по моему приказу армия должна была не нападать, а защищать храмы от толпы.

— Из-за этого и запаздывают действия, — не без раздражения ответил Тутмос.

— Вот они — царские советники! — вырвалось у царицы. — Фараон поступает мудро, беря под свою защиту богов, а вы поощряете его к насилию!

Кровь ударила Тутмосу в голову. К счастью, адъютант вызвал его из комнаты и сообщил, что у ворот задержан пожилой человек, который желает говорить с его святейшеством.

— У нас сегодня, — ворчал адъютант, — каждый хочет попасть прямо к фараону, как будто фараон хозяин харчевни...

Тутмос подумал, что про Рамсеса XII никто не посмел бы так сказать... Но сделал вид, что не заметил этого.

Пожилым человеком, которого задержала стража, оказался финикийский князь Хирам. На нем был запыленный солдатский плащ; видно было, что он устал и раздражен.

Тутмос велел пропустить его, и когда они остались одни в саду, сказал ему:

— Я думаю, достойнейший, что, пока ты примешь ванну и переоденешься, я испрошу для тебя аудиенцию у его святейшества.

Хирам сдвинул седые брови, глаза его еще сильнее налились кровью.

— После того, что я видел, — ответил он резко, — я могу обойтись без аудиенции.

— У тебя ведь с собой письма верховных жрецов к ассирийцам?

— На что вам эти письма, когда вы помирились со жрецами?

— Что ты говоришь, достойнейший? — удивился Тутмос.

— Я знаю, что говорю! — ответил Хирам. — Вы взяли десятки тысяч талантов у финикийян будто бы для того, чтобы освободить Египет от власти жрецов, а теперь грабите нас и убиваете! Посмотри, что творится от моря до первых порогов: повсюду ваша чернь преследует финикийян, как собак, — и это приказ жрецов...

— Ты с ума сошел, финикийянин! В эту самую минуту наш народ осаждает храм Птаха в Мемфисе.

Хирам махнул рукой.

— Вам не взять его! — ответил он. — Вы обманываете нас или сами обмануты. Вы предполагали захватить Лабиринт и его сокровищницу двадцать третьего паопи. А тем временем растрачиваете силы у храма Птаха, а дело с Лабиринтом у вас пропало... Что тут творится? Где тут рассудок? — продолжал, волнуясь, финикийянин. — Зачем штурмовать пустые здания? Это может привести только к тому, что будет усилена охрана Лабиринта!

— Возьмем и Лабиринт! — воскликнул Тутмос.

— Ничего вы не возьмете! Ничего! Лабиринт мог взять только один человек, которому помешает ваш сегодняшний провал в Мемфисе.

Тутмос остановился посреди аллеи.

— Так скажи же, в чем дело? — спросил он Хирама.

— В беспорядке, который у вас тут царит. В том, что вы уже не правительство, а кучка офицеров и вельмож, которых жрецы гонят, куда хотят. Вот уже три дня во всем Нижнем Египте царит такое смятение, что чернь громит нас, финикийян, ваших единственных друзей. А почему? Потому что бразды правления выпали из ваших рук и уже подхвачены жрецами.

— Ты говоришь так, потому что не знаешь положения, — ответил Тутмос. — Жрецы восстали и натравливают народ на финикийян, но власть в руках фараона, и все происходит по его приказу.

— И сегодняшний штурм храма Птаха? — спросил Хирам.

— Да, — сказал Тутмос, — я сам присутствовал на тайном совете, на котором фараон отдал приказ завладеть храмами сегодня вместо двадцать третьего.

— Ну, — воскликнул Хирам, — тогда я заявляю тебе, начальник гвардии, что вы пропали! Ибо мне достоверно известно, что сегодняшней штурм был решен на заседании верховных жрецов и номархов, состоявшемся в храме Птаха тринадцатого паопа.

— Зачем же им было договариваться о нападении на самих себя? — спросил с насмешкой Тутмос.

— Должно быть, это им нужно. А что они лучше ведут свои дела, чем вы, — в этом я убедился.

Дальнейший разговор прервал адъютант, позвавший Тутмоса к фараону.

— Ах да! Чуть не забыл. Ваши солдаты задержали жреца Пентуэра, который хочет сообщить фараону что-то важное, — сказал Хирам.

Тутмос схватился за голову и тотчас же послал адъютанта разыскать Пентуэра. Затем пошел к фараону и, вернувшись, предложил финикиянину следовать за ним.

Войдя к фараону, Хирам застал там царицу Никотрису, главного казначея, верховного писца и нескольких военачальников. Рамсес XIII нервно ходил по комнате.

— Вот оно — несчастье фараона и Египта! — воскликнула царица, указывая на финикиянина.

— Высокочитимая государыня, — ответил, не смутившись и кланяясь ей, Хирам, — время покажет, кто был верным, а кто дурным слугой фараона.

Рамсес XIII вдруг остановился перед Хирамом.

— У тебя с собой письма Херихора к Ассирии?

Финикиянин достал из-под одежды пакет и молча отдал его фараону.

— Вот это мне и нужно было! — воскликнул, торжествуя, фараон. — Надо немедленно объявить народу, что верховные жрецы предали государство.

— Сын мой! — взмолилась царица. — Тенью отца, нашими богами, заклинаю тебя — воздержись на несколько дней с этим объявлением. Надо быть очень осторожным с дарами финикиян.

— Государь, — вставил Хирам, — можешь даже сжечь эти письма. Для меня они не имеют никакой ценности.

Фараон подумал и спрятал пакет на груди.

— Ну, что ты слышал в Нижнем Египте? — спросил он Хирама.

— Повсюду громят финикиян, — ответил тот. — Дома наши разрушают, имущество расхищают, и убито уже много людей.

— Я слышал! Это дело жрецов.

— Лучше скажи, мой сын, что это возмездие финикиянам за их безбожие и алчность, — вмешалась царица.

Не глядя на царицу, Хирам продолжал:

— Вот уже три дня, как в Мемфис прибыл начальник полиции Бубаста с двумя помощниками. Они напали на след убийцы и мошенника Ликона...

— Воспитанного в финикийских храмах, — съязвила царица Никотриса.

— Ликона, — продолжал Хирам, — которого верховный жрец Мефрес похитил у полиции и суда... Ликона, который в Фивах, выдавая себя за ваше святейшество, бегал голым по саду, как сумасшедший.

— Что ты говоришь? — вскричал фараон.

— Спросите, государь, у вашей досточтимой царицы-матери. Она его видела, — ответил Хирам.

Рамсес растерянно посмотрел на мать.

— Да, — сказала царица, — я видела этого негодяя, но не говорила тебе ничего, чтобы не огорчать тебя. Но кто докажет, что Ликон был подослан верховными жрецами; это могли с таким же успехом сделать финикияне...

Хирам иронически улыбнулся.

— Мать! Мать! — с горечью воскликнул Рамсес. — Неужели твоему сердцу жрецы ближе, чем я?

— Ты мой сын и господин, дороже которого у меня нет никого на свете! — с пафосом воскликнула царица. — Но я не могу допустить, чтобы чужой человек, язычник, клеветал на священную касту жрецов, от которой мы оба ведем род! О Рамсес! — вскричала она, падая на колени. — Прогони дурных советников, толкающих тебя на осквернение храмов, на оскорбление преемника твоего деда Аменхотепа! Еще есть время примириться... чтобы спасти Египет...

Вдруг в комнату вошел Пентуэр в разодранной одежде.

— Ну, а ты что скажешь? — спросил с необычайным спокойствием фараон.

— Сегодня, может быть, сейчас, — ответил, волнуясь, жрец, — произойдет солнечное затмение...

Фараон даже отпрянул от неожиданности.

— А какое мне дело до солнечного затмения? Тем более в такую минуту?

— Господин, — ответил Пентуэр, — я тоже так думал, пока не прочитал в древних летописях описание затмения... Это такое грозное, устрашающее явление, что необходимо предупредить о нем весь народ.

— Непременно, — вставил Хирам.

— Почему же ты раньше не оповестил нас? — спросил жреца Тутмос.

— Два дня меня держали в темнице солдаты... Народ мы уже не успеем предостеречь. Но сообщите, по крайней мере, караулам при дворце, чтобы хоть они не поддались переполоху.

Фараон хлопнул в ладоши.

«Какая неудача», — прошептал он, а затем сказал вслух:

— Как же это произойдет и когда?..

— День превратится в ночь... — ответил жрец. — Это продлится столько времени, сколько нужно, чтоб пройти пятьсот шагов. А начнется в полдень. Так сказал мне Менес.

— Менес? — повторил фараон. — Мне знакомо это имя...

— Он писал тебе об этом, государь! Так объявите же войскам!..

Немедленно прозвучали рожки. Гвардия и азиаты построились в полном вооружении, и фараон, окруженный штабом, сообщил солдатам о затмении, прибавив, чтоб они не боялись, ибо тьма скоро исчезнет и он сам будет с ними.

— Живи вечно! — возгласили стройные шеренги.

Одновременно было отправлено несколько всадников в Мемфис.

Военачальники стали во главе колонн, фараон задумчиво шагал по двору, сановники тихонько переговаривались с Хирамом. Царица же, оставшись одна, пала ниц перед статуей Осириса.

Был второй час, когда солнечный свет и в самом деле стал тускнеть.

— Действительно настанет ночь? — спросил фараон Пентуэра.

— Да. Ненадолго.

— А куда же денется солнце?

— Скроется за луной.

«Надо будет вернуть милость жрецам, наблюдающим звезды», — подумал фараон.

Сумрак быстро сгущался. Лошади азиатов проявляли беспокойство, стаи птиц спускались вниз и с громкими криками облепили все деревья сада.

— Эй, песенники! — скомандовал Калипп грекам.

Затрещали барабаны, взвизгнули флейты, и под этот аккомпанемент греческий полк запел веселую песню про дочку жреца, которая так всего боялась, что могла спать только в казармах.

На желтые ливийские холмы пала зловещая тень и с молниеносной быстротой закрыла Мемфис, Нил и дворцовые сады. Тьма окутала землю, а на небе появился черный, как уголь, шар, окруженный огненным венцом.

Неимоверный крик заглушил песни греческого полка. Это азиаты издали военный клич и пустили к небу тучи стрел, чтобы спугнуть злого духа, который хотел пожрать солнце.

— Ты говоришь, что этот черный круг — луна? — спросил фараон у Пентуэра.

— Так утверждает Менес.

— Великий же он мудрец! И темнота сейчас прекратится?

— Непременно.

— А если луна оторвется от неба и упадет на землю?

— Этого не может быть. А вот и солнце! — радостно воскликнул Пентуэр.

По полкам пронесся клич в честь Рамсеса XIII.

Фараон обнял Пентуэра.

— Воистину, — сказал фараон, — мы видели удивительное явление. Но я не хотел бы видеть его еще раз. Я чувствую, что, если бы я не был солдатом, страх овладел бы моим сердцем.

Хирам подошел к Тутмосу и прошептал:

— Пошли сейчас же гонцов в Мемфис. Я боюсь, как бы верховные жрецы не затеяли что-нибудь недоброе.

— Ты думаешь?

Хирам кивнул головой.

— Они не управляли бы так долго страной, — сказал он, — не передоили бы восемнадцать династий, если бы не умели пользоваться такими случаями, как сегодня.

Поблагодарив солдат за проявленную ими выдержку, фараон вернулся к себе. Он все время впадал в задумчивость, говорил спокойно, даже мягко, но на красивом лице его была какая-то неуверенность. В душе Рамсеса происходила мучительная борьба. Он начинал понимать, что жрецы располагали силами, которые он не только не принимал в расчет, но даже отвергал, не хотел о них и слышать.

Жрецы, наблюдавшие за движением звезд, сразу выросли в его глазах. И фараон подумал, что надо непременно познать эту удивительную мудрость, которая так чудовищно путает человеческие планы.

Гонец за гонцом отправлялись из царского дворца в Мемфис, чтоб узнать, что там произошло во время затмения. Но гонцы не возвращались, и над фараоновой свитой простерлись черные крылья неизвестности. Что у храма Птаха произошло что-то недоброе — в этом никто не сомневался, но никто не решался строить догадки о том, что же именно случилось. Казалось, будто и фараон, и его доверенные люди рады каждой минуте, протекшей без известий.

Тем временем царица, подсев к фараону, шептала ему:

— Разрешите мне действовать, Рамсес. Женщины оказали нашему государству не одну услугу. Вспомни только царицу Никотрису[187] из шестой династии или Макару[188], создавшую флот на Красном море. У нашего пола достаточно и ума и энергии. Так разрешите мне действовать... Если храм Птаха не занят и жрецы не подверглись оскорблениям, я помирю тебя с Херихором. Ты возьмешь в жены его дочь, и царствование твое будет преисполнено славы... Помни, твой дед, святой Аменхотеп, был тоже верховным жрецом и наместником фараона. И кто знает — царствовал ли бы ты сейчас, если бы священная каста не пожелала видеть на троне своего отпрыска. И так ты их благодаришь за власть?

Фараон слушал ее и думал, что все-таки мудрость жрецов огромная сила и борьба с ними трудна.

Лишь в начале четвертого явился первый вестник из Мемфиса — адъютант полка, стоявшего у храма. Он рассказал фараону, что храм не взят из-за гнева богов; народ разбежался, жрецы торжествуют, и даже среди солдат началось смятение во время этой ужасной, хотя и столь короткой ночи.

Потом, отведя в сторону Тутмоса, адъютант заявил ему без обиняков, что войско деморализовано, что из-за беспорядочного бегства полки насчитывают столько раненых и убитых, сколько бывает только после сражения.

— Что же с полками? — спросил в ужасе Тутмос.

— Разумеется, — ответил адъютант, — нам удалось собрать и построить солдат, но о том, чтобы двинуть их против храмов, не может быть и речи, особенно теперь, когда жрецы занялись оказанием помощи раненым. При виде бритой головы и шкуры пантеры солдаты готовы пасть ниц, и много времени пройдет, прежде чем кто-нибудь из них осмелится шагнуть за ограду храма.

— А что же жрецы?

— Благословляют солдат, кормят их, поят и делают вид, что солдаты неповинны в нападении на храм, что все это козни финикийян.

— И вы допускаете эту растерянность? — воскликнул Тутмос.

— Его святейшество приказал нам защищать жрецов от толпы, — ответил адъютант. — Если б нам было разрешено занять храмы, мы были бы в них уже в десять утра, и жрецы сидели бы в подвалах.

В это время дежурный офицер сообщил Тутмосу, что еще какой-то жрец, прибывший из Мемфиса, хочет говорить с его святейшеством.

Тутмос окинул взглядом посетителя. Это был еще довольно молодой человек с лицом, как бы изваянным из дерева. Он сказал, что явился к фараону от Самонту.

Рамсес тотчас же принял жреца, который, пав на землю, подал повелителю перстень, при виде которого фараон побледнел.

— Что это значит? — спросил фараон.

— Самонту нет больше в живых, — ответил посланец.

Рамсес с минуту не мог вымолвить ни слова. Наконец, он спросил:

— Как это случилось?

— Кажется, — ответил жрец, — Самонту был найден в одной из зал Лабиринта и сам отравился, чтобы избежать пыток... И, кажется, его обнаружил Мефрес при помощи какого-то грека, который якобы очень похож на ваше святейшество.

— Опять Мефрес и Ликон! — вскричал возмущенно Тутмос. — Государь, неужели ты никогда не освободишься от этих предателей?

Фараон снова созвал у себя тайный совет, пригласив на него Хирама и жреца, явившегося с перстнем Самонту. Пентуэр не хотел принимать участия в совете, а почтенная царица Никотриса пришла без приглашения.

— Боюсь, — шепнул Хирам Тутмосу, — как бы после жрецов у вас не стали править бабы!

Когда вельможи собрались, фараон дал слово посланцу Самонту.

Молодой жрец не хотел ничего говорить о Лабиринте, зато стал рассказывать о том, что храм Птаха совсем не охраняется и что достаточно нескольких десятков солдат, чтобы захватить всех, кто в нем укрылся.

— Этот человек — предатель! — вскричала царица. — Сам жрец, а учит нас насилию над жрецами.

Но на лице посланца не дрогнул ни один мускул.

— Досточтимая государыня, — возразил он. — Мефрес погубил моего учителя и покровителя Самонту, и я был бы псом, если бы не искал мести. Смерть за смерть!

— Этот юноша мне нравится! — шепнул Хирам.

Действительно, среди собравшихся повеяло как бы свежим воздухом. Военачальники подтянулись, гражданские чиновники смотрели на жреца с любопытством, даже лицо фараона оживилось.

— Не слушай его, сын мой! — молила царица.

— Как ты думаешь, — обратился вдруг фараон к молодому жрецу, — что сделал бы сейчас святой Самонту, если бы был жив?

— Я уверен, — решительно ответил жрец, — что Самонту проник бы в храм Птаха, воскурил бы богам благовония, но покарал бы изменников и убийц.

— А я повторяю, что ты злейший изменник! — не унималась царица.

— Я только исполняю свой долг, — ответил невозмутимо жрец.

— Воистину этот человек — ученик Самонту, — вмешался Хирам. — Он один ясно видит, что нам остается делать.

Военные и штатские вельможи согласились, что Хирам прав, а верховный писец добавил:

— Поскольку мы начали борьбу с жрецами — надо ее довести до конца, тем более сегодня, когда у нас есть письма, уличающие Херихора в переговорах с ассирийцами, что является изменой государству.

— Херихор продолжает политику Рамсеса Двенадцатого, — вмешалась царица.

— Но я — Рамсес Тринадцатый, — ответил фараон с раздражением.

Тутмос встал с места.

— Государь мой, — сказал он, — разреши мне действовать. Опасно затягивать состояние неуверенности, и было бы преступлением и глупостью не воспользоваться случаем. Поскольку этот жрец говорит, что храм не защищен, разреши мне отправиться туда с отрядом, который я сам подберу.

— Я с тобой! — вызвался Калипп. — Я знаю по опыту, что торжествующий враг — это слабый враг. И если мы сейчас же ворвемся в храм Птаха...

— Вам незачем врываться силой. Вы можете войти туда как исполнители приказа фараона, поручившего вам арестовать изменника, — заявил верховный писец. — Для этого не требуется даже силы... Как часто один полицейский бросается на целую шайку воров и хватает их, сколько хочет...

— Сын мой уступает, подчиняясь вашим советам, — сказала царица. — Но он не хочет насилия, запрещает вам...

— Гм! Если так, — заявил молодой жрец Сета, — то есть еще одно обстоятельство, о котором я доложу его святейшеству. — Он несколько раз глубоко перевел дух и сказал, понизив голос: — На улицах Мемфиса жреческая партия объявляет, что...

— Что? Что? Говори смело, — ободрял его фараон.

— Что ты, государь, сошел с ума. Что ты не посвящен в сан верховного жреца и даже еще не коронован на царство... Что можно тебя... низвергнуть с престола...

— Вот этого-то я и боюсь, — прошептала царица.

Фараон вскочил с места.

— Тутмос! — воскликнул он, и в голосе его почувствовалась вернувшаяся энергия. — Бери сколько хочешь солдат, иди в храм Птаха и приведи ко мне Херихора и Мефреса, обвиняемых в измене государству. Если они оправдаются, я верну им свою милость. В противном случае...

— Ты понимаешь, что ты говоришь? — остановила его царица.

На этот раз возмущенный фараон не ответил ей, присутствовавшие же члены совета закричали:

— Смерть предателям! С каких это пор в Египте фараон должен жертвовать верными слугами, чтобы вымолить себе милость у негодяев?

Рамсес XIII вручил Тутмосу пакет с письмами Херихора к Ассирии и торжественно обратился ко всем:

— До усмирения бунта жрецов я передаю свою власть начальнику гвардии Тутмосу. Теперь слушайте его, а ты, досточтимая матушка, обращай к нему со своими замечаниями.

— Мудро и правильно поступаешь, государь! — воскликнул верховный писец. — Фараону не подобает бороться с бунтом, а отсутствие энергичной власти может нас погубить.

Все члены совета склонились перед Тутмосом. Царица с воплем упала к ногам сына.

Тутмос в сопровождении военачальников вышел во двор, велел первому гвардейскому полку построиться и обратился к солдатам:

— Мне нужно несколько десятков человек, готовых погибнуть во славу нашего государя.

Желающих оказалось больше, чем нужно было, и во главе их Эннана.

— Вы готовы на смерть? — спросил Тутмос.

— Умрем, господин, с тобой во имя его святейшества! — воскликнул Эннана.

— Вы не умрете, а победите подлых преступников, — ответил Тутмос. — Солдаты, участвующие в этой вылазке, будут произведены в офицеры, а офицеры будут повышены на два чина. Так заявляю вам я, Тутмос, волею фараона главнокомандующий.

— Живи вечно!

Тутмос велел запрячь двадцать пять двуколок тяжелой кавалерии и посадить в них добровольцев. Сам же он, а также Калипп сели на коней, и вскоре весь отряд, держа направление на Мемфис, скрылся в облаке пыли.

Наблюдая это из окна царского дворца, Хирам склонился перед фараоном и тихо проговорил:

— Теперь только я верю, что ты, государь, не был в заговоре с верховными жрецами.

— Ты с ума сошел! — вспыхнул фараон.

— Прости государь, но сегодняшнее нападение на храмы было подстроено жрецами. Каким образом они вовлекли в свой план ваше святейшество — не понимаю.

Было уже пять часов пополудни.

Как раз в это же время жрец, дежуривший на пилоне храма Птаха в Мемфисе, сообщил заседавшим в зале верховным жрецам и номархам, что дворец фараона подает какие-то сигналы.

— Кажется, государь собирается просить у нас мира, — сказал, усмехаясь, один из номархов.

— Сомневаюсь, — ответил Мефрес.

Херихор взошел на пилон.

Это ему сигнализировали из дворца. Вскоре он вернулся и обратился к собравшимся:

— Наш молодой жрец справился очень хорошо... Сюда едет Тутмос, с несколькими десятками добровольцев, чтобы арестовать нас или убить.

— А ты еще позволяешь себе заступаться за Рамсеса! — крикнул Мефрес.

— Заступаться я должен и буду, потому что дал в этом торжественную клятву царице... Если бы не досточтимая дочь святого Аменхотепа, наше положение не было бы таким, как оно есть.

— Ну, а я не давал клятвы! — отозвался Мефрес и покинул залу.

— Что это он задумал? — спросил один из номархов.

— Старик окончательно впал в детство, — ответил Херихор, пожимая плечами.

Около шести часов вечера гвардейский отряд, не задерживаемый никем, подъехал к храму Птаха, и начальник его постучался в ворота, которые ему тотчас же открыли. Это был Тутмос со своими добровольцами.

Когда главнокомандующий вошел во двор храма, он удивился, видя, что навстречу ему шествует Херихор в митре Аменхотепа, окруженный одними жрецами.

— Что тебе надо, сын мой? — спросил верховный жрец главнокомандующего, несколько смущенного такой обстановкой. Но Тутмос быстро овладел собой и ответил:

— Херихор! Верховный жрец Амона Фиванского! На основании писем, которые ты писал Саргону, ассирийскому наместнику, — эти письма сейчас со мной, — ты обвиняешься в государственной измене и должен дать ответ перед фараоном.

— Если молодой царь, — спокойно ответил Херихор, — хочет уяснить себе цели, которыми руководился в своей политике вечно живущий Рамсес Двенадцатый, пусть явится в нашу верховную коллегия; он получит там объяснения.

— Предлагаю тебе немедленно следовать за мною, если ты не хочешь, чтобы тебя заставили! — крикнул Тутмос.

— Сын мой, молю богов, чтобы они охранили тебя от совершения насилия и от наказания, какого ты заслуживаешь.

— Ты идешь? — спросил Тутмос.

— Я жду Рамсеса сюда, — ответил Херихор.

— Тогда оставайся и жди, обманщик! — воскликнул Тутмос. И с этими словами извлек меч и бросился на Херихора. В ту же минуту стоявший за ним Эннана поднял секиру и изо всех сил ударил Тутмоса между шеей и правой ключицей так, что кровь брызнула во все стороны. Любимец фараона пал на землю, рассеченный почти надвое.

Несколько солдат со склоненными копьями бросились на Эннана, но после короткой борьбы со своими однополчанами пали. Из добровольцев три четверти были подкуплены жрецами.

— Да живет вечно святейший Херихор — наш повелитель! — воскликнул Эннана, размахивая окровавленной секирой.

— Да живет он вечно! — повторили солдаты и жрецы, и все пали ниц. Достоинейший Херихор воздел руки и благословил их.

Покинув двор храма, Мефрес спустился в подземелье, где содержался Ликон. Верховный жрец сразу же у входа вынул хрустальный шарик, при виде которого грек впал в ярость.

— Чтоб вас земля поглотила! Чтоб ваши трупы не знали покоя! — бормотал Ликон. Наконец он стих и заснул.

— Возьми это оружие, — сказал Мефрес, подавая греку кинжал с узким лезвием, — возьми этот кинжал и иди в дворцовый сад... Стань в чаще смоковниц и поджидай того, кто отнял у тебя и соблазнил Каму...

Ликон в бессильной злобе заскрежетал зубами.

— А когда увидишь его — проснись, — закончил Мефрес.

Он быстро накинул на грека офицерский плащ с капюшоном, шепнул ему на ухо пароль и вывел его из подземелья через потайную калитку храма на безлюдную улицу.

Затем Мефрес с быстротою юноши взобрался на верхушку пилона и, взяв в руки несколько разноцветных флажков, стал подавать сигналы в направлении дворца фараона. Его, очевидно, заметили и поняли, ибо на пергаментном лице верховного жреца появилась мерзкая улыбка. Мефрес сложил флажки, покинул террасу пилона и медленно стал спускаться вниз. Когда он был уже на втором этаже, его внезапно окружило несколько человек в коричневых плащах, которыми они прикрывали кафтаны в черную и белую полосу.

— Вот он, достоинейший Мефрес, — сказал один из них; все трое опустили на колени перед верховным жрецом, который машинально поднял руку для благословения, но вдруг опомнился и спросил:

— Кто вы такие?

— Хранители Лабиринта.

— Отчего же вы преградили мне дорогу? — сказал он, и у него задрожали руки и тонкие губы.

— Нам незачем тебе напоминать, святой муж, — сказал один из хранителей, не вставая с колен, — что несколько дней назад ты был в Лабиринте и знаешь путь туда так же хорошо, как мы, хотя ты и не посвящен... Но ты слишком мудр, чтобы не знать наших прав в подобных случаях.

— Что это значит? — вскричал, повышая голос, Мефрес. — Вы разбойники, подсланные Херихо...

Он не закончил. Один схватил его за руку, другой накинул ему платок на голову, а третий брызнул в лицо прозрачной жидкостью.

Мефрес зашатался и упал. Его обрызгали еще раз, и, когда он испустил дух, сторожа Лабиринта отнесли его в нишу, уложили там, воткнули в мертвую руку какой-то папирус и скрылись в коридорах пилона.

Трое так же одетых людей гнались за Ликоном почти с той же самой минуты, как, выпущенный Мефресом из храма, он очутился на безлюдной улице. Люди эти скрывались недалеко от калитки, из которой вышел грек, и сперва пропустили его вперед. Но вскоре один из них заметил в его руке что-то подозрительное, и все пошли за ним.

Странное дело: усыпленный Ликон как будто чувствовал погоню; он свернул вдруг на оживленную улицу, потом на площадь, где ходило взад и вперед множество людей, а потом переулками, где жили рыбаки, побежал к Нилу. Тут в каком-то затоне он нашел небольшую лодку, прыгнул в нее и с небывалой быстротой стал переправляться на другой берег. Он был уже в нескольких сотнях шагов от берега, когда следом за ним отчалила лодка с одним лодочником и тремя пассажирами. Не успели они выплыть на середину реки, как показалась еще лодка с двумя лодочниками и тоже тремя пассажирами. Обе лодки упорно гнались за Ликоном.

В лодке с одним гребцом сидели хранители Лабиринта и пристально всматривались в своих соперников, насколько позволяли сумерки, быстро надвигавшиеся после заката солнца.

— Кто такие те трое? — перешептывались между собой хранители Лабиринта. — Они уже третий день бродят вокруг храма, а сейчас гонятся за Ликоном... Не хотят ли они защитить его от нас?

Маленькая лодка Ликона причалила к другому берегу. Усыпленный грек выпрыгнул из нее и быстро направился к дворцовым садам. Иногда он пошатывался, останавливался и хватался за голову, но затем шел дальше, как бы увлекаемый какой-то неведомой силой. Хранители Лабиринта тоже высадились на другом берегу, но их уже успели предупредить соперники. Началось единственное в своем роде состязание. Ликон бежал по направлению к царскому

дворцу с быстротой скорохода, за ним трое неизвестных, а позади трое хранителей Лабиринта.

В нескольких сотнях шагов от сада обе группы преследователей поравнялись. Была уже ночь, но светлая.

— Кто вы такие? — спросил неизвестных один из хранителей Лабиринта.

— Я начальник полиции Бубаста. Я преследую с двумя моими сотниками важного преступника.

— А мы — хранители Лабиринта, мы тоже преследуем этого человека.

Обе группы присматривались одна к другой, держа руки на рукоятках мечей или ножей.

— Что вы хотите с ним сделать? — спросил, наконец, начальник полиции.

— У нас есть приговор ему...

— А труп вы бросите?

— Вместе со всем, что на нем, — ответил старший из хранителей.

Полицейские пошептались между собой.

— Если вы говорите правду, — заявил, наконец, начальник полиции, — то мы не будем вам мешать. Напротив, предоставим его на время вам, если он попадет в наши руки.

— Клянётесь?

— Клянемся.

— Тогда мы можем пойти вместе.

Обе группы соединились, но грек уже скрылся из виду.

— Проклятый! — вскричал начальник полиции. — Он опять скрылся.

— Никуда он не уйдет! — ответил один из хранителей Лабиринта. — И, наверное, той же дорогой вернется назад.

— А что ему нужно в царском саду? — спросил начальник.

— Верховные жрецы посылают его куда-то по своим делам. Но он вернется обратно, — ответил хранитель.

Все решили ждать и действовать сообща.

— Третью ночь мучаемся, — пробормотал один из полицейских, зевая. Они закутались в бурнусы и легли на траву.

Тотчас же после отъезда Тутмоса царица молча встала и направилась к выходу. Когда же Рамсес хотел ее успокоить, она резко перебила его:

— Прощай, фараон... Молю богов, чтобы они позволили мне завтра приветствовать тебя еще как фараона.

— Ты в этом сомневаешься, мать?

— Как не сомневаться, когда человек слушается советов безумцев и предателей.

Они разошлись, негодую друг на друга.

Вскоре к его святейшеству вернулось хорошее настроение, и он продолжал весело разговаривать с вельможами. Но уже в шесть часов его стало терзать беспокойство.

— С минуты на минуту должен прибыть гонец от Тутмоса, — сказал он своим приближенным. — Я уверен, что дело так или иначе уже разрешилось.

— Трудно сказать, — ответил главный казначей. — Они могли не найти лодок у переправы... Могли наткнуться на сопротивление в храме...

— А где молодой жрец? — спросил вдруг Хирам.

— Жрец? Посланец умершего Самонту? — повторили растерянно вельможи. — В самом деле — куда он девался?

Послали солдат обыскать сад. Они обегали все дорожки, но жреца нигде не оказалось.

Это привело членов совета в дурное настроение. Все сидели молча, погруженные в тревожные думы.

На закате в комнату вошел один из слуг фараона и шепнул ему, что госпожа Хеброн тяжело заболела и умоляет, чтобы его святейшество соблаговолил заглянуть к ней.

Придворные, зная отношения, связывавшие фараона с красавицей Хеброн, переглянулись, но когда Рамсес сказал, что идет в сад, никто его не стал удерживать. В саду благодаря густо расставленной страже было так же безопасно, как и во дворце, и никто не считал удобным хотя бы издали наблюдать за фараоном, зная, что Рамсес этого не любит.

Когда фараон исчез в коридоре, верховный писец обратился к казначею:

— Время тянется, как колесница в пустыне. Может быть, у Хеброн есть известия о Тутмосе?

— Говоря по правде, — ответил казначей, — его вылазка с несколькими десятками солдат против храма Птаха кажется мне сейчас совершенным безумием.

— А разве благоразумнее поступил фараон у Содовых озер, когда всю ночь гнался за Техенной? — вмешался Хирам. — Все решает смелость.

— Где же молодой жрец? — спросил казначей.

— Он пришел, не спросясь, и ушел, никому не сказавшись... Все ведут себя здесь, как заговорщики.

Казначей сокрушенно покачал головой.

Рамсес быстро добежал до павильона Тутмоса. Когда он вошел в дом, Хеброн со слезами бросилась ему на шею.

— Я умираю от страха! — воскликнула она.

— Ты боишься за Тутмоса?

— Какое мне дело до него! — ответила Хеброн с презрительной гримасой. — Ты один интересуешь меня, о тебе я думаю... за тебя боюсь.

— Да будет благословен твой страх; он хоть на минуту рассеял мою скуку! — сказал, смеясь, фараон. — Боги! Какой тяжелый день... Если б ты была на нашем совещании!.. Если б видела физиономии наших советников! И вдобавок ко всему досточтимейшая моя матушка вздумала почтить наше собрание своим присутствием. Я никогда не представлял себе, что высокое звание фараона может мне так надоесть!

— Не говори об этом так громко, — остановила его Хеброн. — Что ты будешь делать, если Тутмосу не удастся овладеть храмом?

— Лишу его командования, спрячу корону в сундук и надену офицерский шлем. Я уверен, что, если я сам выступлю во главе моей армии, бунт сразу будет подавлен.

— Который? — спросила Хеброн.

— Ах да! Я забыл, что у нас два бунта: народ против жрецов, жрецы против меня...

Он сжал Хеброн в объятиях и, усадив ее на диван, стал шептать ей:

— Какая ты сегодня красивая!.. Всякий раз, когда я вижу тебя, ты кажешься мне иной и все прекраснее!

— Оставь меня! Иногда я боюсь, что ты меня укусишь.

— Укусить, нет... но мог бы зацеловать тебя до смерти... Ты даже не знаешь, как ты прекрасна...

— По сравнению с министрами и военачальниками... Ну,пусти...

— Я хотел бы быть гранатовым деревом! Хотел бы иметь столько рук, сколько у него ветвей, чтобы обнять тебя! Столько ладоней, сколько у него листьев, и столько уст, сколько у него цветов, чтобы целовать сразу твои глаза, волосы, губы, грудь!..

— Для государя, которому грозит потеря трона, ты удивительно легкомыслен.

— На ложе любви я не забочусь о троне, — возразил Рамсес. — Покуда со мной меч, я сохраню и власть.

— Но ведь войска твои разбиты, — говорила Хеброн, вырываясь из его объятий.

— Завтра придут свежие полки, а послезавтра соберутся и те, что разбежались. Говорю тебе, не думай о пустяках... Мгновенье любви дороже целого года власти...

Спустя час после заката фараон покинул жилище Хеброн и не спеша возвращался к себе, погруженный в свои мысли, усталый.

Он думал о том, что жрецы только по глупости мешают его планам. С тех пор, как существует Египет, не было такого властителя, каким был бы он...

Вдруг из чащи смоковниц вышел человек в темном плаще и загородил фараону дорогу.

Рамсес, чтобы лучше его разглядеть, подошел к нему ближе и вдруг крикнул:

— А, это ты, негодяй?! Наконец-то я нашел тебя!

Это был Ликон. Рамсес схватил его за шею. Грек взвизгнул и упал на колени. В ту же минуту фараон почувствовал жгучую боль в левой стороне живота.

— Так ты еще кусаться? — закричал Рамсес и обеими руками сжал шею грека. Услышав хруст позвонков, он с отвращением отбросил его. Ликон упал, корчась в предсмертных судорогах.

Фараон, сделав несколько шагов, схватился за больное место и нащупал рукоять кинжала.

— Я ранен!

Рамсес вытащил из раны узкий клинок и зажал ее.

«Интересно, есть у кого-нибудь из часовых пластырь?» — подумал он и, чувствуя, что теряет сознание, ускорил шаг.

Почти у самого крыльца дома навстречу ему выбежал один из офицеров с криком:

— Тутмос убит! Его убил предатель Эннана!

— Эннана? — повторил фараон. — А как остальные?

— Почти все добровольцы, вызвавшиеся ехать с Тутмосом, были подкуплены жрецами...

— Довольно! Пора положить этому конец! — воскликнул фараон. — Трубите сбор азиатским полкам...

Затрубил рожок; азиаты стали выбегать из казарм, ведя за собой лошадей.

— Подайте и мне коня, — сказал фараон. Но, почувствовав сильное головокружение, прибавил: — Нет... подайте мне носилки... Я не хочу утомлять себя...

И вдруг пошатнулся и упал на руки офицеров.

— Ах, чуть не забыл... — произнес он слабеющим голосом. — Принесите мне шлем и меч... стальной меч... что был со мной в Ливийском походе... Идем на Мемфис.

Из дворца выбежали вельможи и прислуга с факелами.

Лицо у фараона, которого поддерживали офицеры, стало серым, глаза заволокло туманом. Он протянул руку, словно ища оружия, пошевелил губами и среди общего молчания испустил дух, он — повелитель обоих миров: преходящего и вечного.

18

Со дня смерти Рамсеса XIII до его погребения правил государством верховный жрец храма Амона Фиванского и наместник почившего фараона — достойнейший Сен-Амон-Херихор.

Кратковременное правление наместника благоприятно отразилось на состоянии страны. Херихор усмирил бунтовщиков и приказал установить для всего работающего населения отдых в каждый седьмой день, как это было в старые времена. Кроме того, он ввел строгий устав для жрецов, оказывал покровительство чужеземцам, в особенности финикиянам, и заключил договор с Ассирией, не уступая ей, однако, Финикии, которая продолжала платить Египту дань.

В течение этого недолгого правления судьи решали дела без проволочек, избегая жестоких наказаний. Никто не имел права бить крестьянина, и он мог жаловаться на всякую обиду в суд, если у него находилось время и было достаточно свидетелей.

Херихор занялся также погашением долгов, отягощавших имущество фараона и государства. Он добился у финикийян частичного отказа от тех сумм, которые им задолжала египетская казна, а для покрытия оставшегося долга потребовал от Лабиринта огромного ассигнования в тридцать тысяч талантов.

Благодаря всем этим мерам уже через три месяца государство благоденствовало, и люди говорили:

— Да будет благословенно правление наместника Сен-Амон-Херихора! Поистине боги предназначили его быть властителем, чтобы он спас Египет от разорения, в которое ввергнул его Рамсес Тринадцатый — шалопай и волокита!..

Итак, прошло всего лишь несколько месяцев, а народ уже успел забыть, что дела Херихора были лишь исполнением благородных намерений молодого фараона.

В месяце тоби (октябрь — ноябрь), когда мумию Рамсеса XIII опустили в царские пещеры, в храме Амона Фиванского состоялось большое совещание знатнейших лиц. Тут были почти все верховные жрецы, номархи и командующие армиями и в их числе покрытый славой престарелый полководец восточной армии — Нитагор.

В том же огромном зале, где за полгода перед тем жрецы обсуждали земные дела Рамсеса XII и выказывали неприязнь к Рамсесу XIII, — в этом самом месте сейчас собрались вельможи, чтобы под председательством Херихора разрешить важнейшие государственные вопросы.

И вот 25 тоби, ровно в полдень, Херихор в митре Аменхотепа воссел на трон, а остальные в кресла, и состоялся совет.

Он закончился чрезвычайно быстро, словно результат его был предрешен заранее.

— Верховные жрецы, номархи и вожди! — начал Херихор. — Мы собрались здесь по весьма печальному и важному поводу. Со смертью вечно живущего Рамсеса Тринадцатого, недолгое, но бурное царствование которого окончилось столь злополучно... — тут Херихор вздохнул, — ...со смертью Рамсеса Тринадцатого угас не только фараон, но и славная двадцатая династия.

Среди собравшихся пробежал ропот.

— Династия не угасла, — заметил довольно резко номарх мемфисский. — Жива ведь достопочтенная царица Никотриса. Следовательно, трон принадлежит ей.

Помолчав минуту, Херихор ответил:

— Достоянейшая супруга моя, царица Никотриса...

Теперь в собрании раздался уже не ропот, а крик, не смолкавший в течение нескольких минут. Когда он утих, Херихор спокойно и отчетливо продолжал:

— Моя достойнейшая супруга, царица Никотриса, в безутешном горе после смерти сына отреклась от престола.

— Позвольте! — вскричал номарх мемфисский. — Достоянейший наместник именуется царицу своей супругой. Это известие совершенно новое, которое нужно прежде всего проверить.

По знаку, данному Херихором, верховный судья Фив извлек из золотой шкатулки и громко зачитал акт о бракосочетании, состоявшемся за два дня до того между достойнейшим жрецом Амона Сен-Амон-Херихором и царицей Никотрисой, вдовой Рамсеса XII, матерью Рамсеса XIII.

После этого разъяснения наступила гробовая тишина.

Херихор продолжал:

— Поскольку моя супруга и единственная наследница престола отреклась от своих прав и поскольку, таким образом, прекратилось царствование двадцатой династии, нам необходимо избрать нового повелителя. Этим повелителем, — продолжал Херихор, — должен быть человек зрелый, энергичный и опытный в делах управления. Поэтому я рекомендую вам, уважаемые вельможи, избрать на этот верховный пост...

— Херихора! — крикнул кто-то.

— ...избрать на этот верховный пост достославного Нитагора, главнокомандующего восточной армией.

Нитагор долго сидел, прищурился и улыбаясь. Наконец, он встал и сказал:

— Никогда, я думаю, не будет недостатка в людях, которые пожелали бы носить титул фараона. Пожалуй, их нашлось бы даже больше, чем нужно. К счастью, сами боги, устранив опасных соперников, указали нам человека, наиболее достойного верховной власти. И кажется мне, что я поступлю благоразумно, если, вместо того, чтобы принять любезно предложенную мне корону, отвечу: «Да живет вечно его святейшество Сен-Амон-Херихор, первый фараон новой династии!»

Присутствующие, за небольшим исключением, повторили этот возглас, и верховный судья принес на золотом подносе две короны: белую — Верхнего и красную — Нижнего Египта. Одну из них взял верховный жрец Осириса, другую — верховный жрец Гора и вручили их Херихору, который, поцеловав золотую змею, возложил их себе на голову.

После этого началась церемония воздаяния почестей присутствующими, которая продолжалась несколько часов. Затем был составлен соответствующий акт, участники собрания приложили к нему свои печати, и с этого момента Сен-Амон-Херихор стал действительно фараоном, повелителем обоих миров, а также жизни и смерти своих подданных.

К вечеру его святейшество вернулся утомленный в свои покои, где застал Пентуэра. Жрец исхудал, и на его изможденном лице видны были усталость и грусть.

Когда Пентуэр пал ниц, повелитель поднял его и сказал, улыбаясь:

— Ты не подписал моего избрания, не воздал мне почестей, и я боюсь, как бы мне не пришлось когда-нибудь подвергнуть тебя осаде в храме Птаха. Что же, ты решил не оставаться при мне? Предпочитаешь Менеса?

— Простите, ваше святейшество, но придворная жизнь до того меня утомила, что единственное желание мое — это учиться мудрости.

— Не можешь забыть Рамсеса? А ведь ты знал его очень недолго. У меня же ты работал несколько лет.

— Не осуждайте меня, ваше святейшество, но... Рамсес Тринадцатый был первым фараоном, которому были близки страдания египетского народа.

Херихор улыбнулся.

— Эх вы, ученые, — сказал он, покачав головой. — Ведь это ты, ты сам обратил внимание Рамсеса на положение черни, и, хотя он так ничего для нее и не сделал, ты в душе все еще скорбишь о нем. Ты это сделал — не он. Странные вы люди, несмотря на большой ум! — продолжал он. — Вот так же и Менес... Мудрый жрец почитается самым мирным человеком в Египте, а между тем — это он свергнул династию и открыл мне дорогу к власти!

Если бы не его письмо о том, что 20 паопи произойдет затмение солнца, мы с покойным Мефресом, возможно, гнули бы сейчас спины в каменоломнях... Ну, иди теперь, иди и поклонись от меня Менесу. И знай, что я умею быть благодарным, в этом — великая тайна власти. Скажи Менесу, что я готов исполнить любую его просьбу, за исключением одной — отречься от престола. А ты, отдохнув, возвращайся ко мне. Я на этот случай сохраню для тебя достойный пост.

И Херихор коснулся рукой покорно склоненной головы жреца.

ЭПИЛОГ

В месяце мехир (ноябрь — декабрь) Пентуэр прибыл в храм под Мемфисом, где Менес продолжал свой упорный труд, изучая землю и небо.

Старый мудрец, погруженный в свои мысли, опять не сразу узнал Пентуэра. Однако, опомнившись, он обнял его и спросил:

— Ты что же, снова отправляешься мутить крестьян во славу фараона?

— Я пришел, чтобы остаться с тобой и служить тебе, — ответил Пентуэр.

— Ого-го!.. — воскликнул Менес, внимательно посмотрев на него. — Ого-го!.. Значит, с тебя довольно придворной жизни и почестей? Если так, да будет благословен этот день! Когда с верхушки моего пилона ты взглянешь на мир, ты сам увидишь, как он мал и безобразен.

Пентуэр ничего не ответил, и Менес возвратился к своим прерванным занятиям. Спустя несколько часов он вернулся и застал своего ученика на том же месте. Глаза его были устремлены вдаль, в сторону Мемфиса, где виднелся дворец фараонов.

Менес поставил перед ним кринку молока, положил ячменную лепешку и больше его не тревожил.

Прошло несколько дней. Пентуэр мало ел, еще меньше говорил, по ночам метался без сна, а днем сидел неподвижно, глядя в одну точку.

Менеса огорчало такое душевное состояние Пентуэра. И вот однажды он сел рядом с ним на камень и спросил:

— Ты что, совсем потерял разум, или духи тьмы только на время овладели твоим сердцем?

Пентуэр обратил к нему затуманенный взгляд.

— Посмотри-ка вокруг, — продолжал старик. — Ведь сейчас прекраснейшее время года. Ночи стоят долгие и звездные, дни — прохладные, земля покрыта травой и цветами. Вода в реке прозрачна, как хрусталь, пустыня молчит, зато в воздухе звон, писк, жужжание...

Если весна сотворила такое чудо с мертвой землей, то как же окаменела душа твоя, что тебя это не трогает! Очнись, говорю тебе! Ведь ты точно мертвец среди живой природы. Под этим солнцем ты похож на кучу сухой грязи, которая может заглушить своим зловонием аромат нарциссов и фиалок.

— Душа у меня болит.

— Да что это с тобой?

— Чем больше я думаю, тем яснее вижу, что если бы я не покинул Рамсеса Тринадцатого, если бы продолжал служить ему, — этот благороднейший из фараонов не погиб бы. Он был окружен предателями, и ни один друг не указал ему пути к спасению.

— И тебе кажется, что ты мог бы спасти его? О, самомнение недоучившегося мудреца! Разум всего мира не в силах спасти сокола, залетевшего в стаю воронья, а ты, словно какой-то захудалый бог, воображаешь, что мог изменить судьбу человека!

— Значит, Рамсес должен был погибнуть?

— Несомненно. Хотя бы уже потому, что он был фараоном-воителем, а в нынешнем Египте воины не в чести. Египтяне предпочитают золотые запястья мечу, даже стальному, певца или танцора — бесстрашному солдату, богатство и благоразумие — войне.

Если бы маслина созрела в месяце мехир или в месяце тот распустилась фиалка, они погибли бы, как гибнет все, что появляется на свет слишком рано или слишком поздно. А ты хочешь, чтобы в век Аменхотепов и Херихоров на троне удержался фараон, рожденный для времен гиксосов. Всему сущему определены своя пора цветения и свой час смерти. Рамсес Тринадцатый родился в неблагоприятную для себя пору — и должен был уступить место другому.

— И ничто не могло спасти его?

— Я не знаю такой силы. Мало того, что он не отвечал требованиям своего времени и своего положения, он вступил на престол, когда государство находилось в упадке. Рамсес был молодым побегом на гниющем дереве.

— И ты так спокойно говоришь об упадке государства? — воскликнул Пентуэр.

— Я наблюдаю этот упадок уже десятки лет, а до меня его видели мои предшественники в этом храме. Можно было уже привыкнуть!

— Это дар ясновидения?

— Во все нет, — сказал Менес, — но у нас есть испытанные приметы. По движению флажка мы угадываем направление ветра; уровень воды в нильском колодце указывает на подъем или спад воды в реке; о слабости же государства сообщает нам с незапамятных времен вот этот сфинкс.

И он протянул руку в направлении пирамид.

— Я никогда не слышал об этом, — прошептал Пентуэр.

— Прочти старые летописи нашего храма, и ты убедишься, что всякий раз, когда Египет переживал пору своего расцвета, его сфинкс стоял несокрушимо, возвышаясь над пустыней. Когда же государство клонилось к упадку, сфинкс покрывался трещинами, осыпался, и пески пустыни доходили до его подножия. В последние же двести лет сфинкс постепенно разрушается. И чем больше заносит его пески, чем глубже бороздят трещины его тело, тем больше оскудевает страна.

— И она погибнет?

— Ни в коем случае! — возразил Менес. — Как за ночью следует день, так после упадка снова наступает расцвет. Вечный круговорот жизни!.. С некоторых деревьев листва опадает в месяце мехир, только для того, чтобы возродиться в месяце пахон.

Египет — это тысячелетнее дерево, а династии — только его ветви. На наших глазах появился сейчас росток двадцать первой ветви, — о чем же печалиться? Не о том ли, что, теряя ветви, дерево продолжает жить?

Пентуэр задумался, но взор его как будто оживился.

Прошло еще несколько дней, и Менес сказал Пентуэру:

— У нас кончаются припасы. Надо сходить в сторону Нила запастись чем-нибудь на время.

На следующий день, рано утром, жрецы взвалили на плечи большие корзины и отправились в прибрежные деревни. Здесь они останавливались у крестьянских жилищ и пели божественные гимны, а затем Менес стучал в дверь и говорил:

— Милосердные люди, правоверные египтяне, подайте милостыню служителям богини Мудрости!

Им выносили (чаще всего женщины) горсть пшеницы или ячменя, лепешку или маленькую сушеную рыбку. Иногда же на них набрасывались злые собаки или дети иноверцев швыряли в них камнями и грязью.

Странное зрелище представляли эти смиренные нищие, из которых один в течение нескольких лет влиял на судьбы государства, а другой, проникнув в глубочайшие тайны природы, оказал воздействие на ход истории.

В более богатых селениях их принимали лучше, а однажды в доме, где праздновалась свадьба, жрецов накормили, напоили пивом и разрешили им переночевать в сарае.

Ни бритые лица и головы, ни облезлая шкура пантеры не внушали местному населению уважения к ним. Обитатели Нижнего Египта, живя среди иноверцев, вообще не отличались благочестием, а к жрецам богини Мудрости, которым даже государство отказывало в поддержке, относились совсем пренебрежительно.

Лежа в хлеву на подстилке из свежесрезанного тростника. Менес и Пентуэр прислушивались к свадебной музыке, пьяным возгласам, а иногда и перебранке веселящихся гостей.

— Как это ужасно! — вырвалось у Пентуэра. — Всего несколько месяцев назад умер государь — благодетель этих крестьян, — и вот они уже забыли о нем. Воистину недолговечна людская благодарность!

— А тебе хотелось бы, чтобы люди посыпали головы пеплом до конца своих дней? — возразил Менес. — Уж не думаешь ли ты, что, когда крокодил хватается женщину или ребенка, волны Нила прекращают свой бег? Нет, они катятся, не замечая ни трупов, ни даже подъема и спада воды. То же происходит и с жизнью народа. Сменяются ли династии, страдает ли государство от войн и восстаний, или, наоборот, страна наслаждается мирной и счастливой жизнью, — независимо от этого люди продолжают есть, пить, спать, вступать в браки, трудиться. Так дерево растет, несмотря на дождь и зной. Пусть же пляшут и прыгают те, у кого здоровые ноги, пусть поет и плачет тот, чья грудь переполнена чувством.

— Но сознайся, странно смотреть на их веселье, когда вспомнишь, что ты говорил об упадке государства, — прервал его Пентуэр.

— Нисколько. Ведь эти люди и есть государство, а жизнь их — жизнь государства. Всегда и везде одни люди радуются, другие предаются печали. Нет такого мгновения, когда бы не лились слезы и не звучал смех. Этим и определяется ход истории. И когда среди людей преобладает радость, мы говорим, что государство процветает, а когда чаще льются слезы, мы называем это упадком. Не надо придираться к словам, надо вникать в жизнь народа. В этой хижине царит радость, — значит, здесь цветет народная жизнь, и ты уже не вправе вздыхать об упадке. Твоя задача — стремиться к тому, чтобы счастливых хижин было все больше и больше.

Когда мудрецы, собрав подаяния, вернулись в храм, Менес повел Пентуэра на верхушку пилона. Здесь он показал ему огромный мраморный шар, на котором золотыми кружочками было обозначено расположение сотен звезд, и поручил наблюдать до полуночи за движением луны.

Пентуэр охотно согласился. В эту ночь он впервые в жизни убедился воочию, что в течение нескольких часов небесный свод как бы передвинулся на запад, в то время как луна, пробираясь меж звезд, двигалась на восток. До сих пор о таких простых явлениях Пентуэр знал лишь понаслышке. И вот теперь, когда он в первый раз увидел движение неба и медленный бег луны, его охватил такой восторг, что он упал ниц и зарыдал.

Душе Пентуэра открылся новый мир, и он мог оценить его красоту тем более, что владел уже мудростью.

Несколько дней спустя богатый арендатор обратился к жрецам с предложением наметить и прорыть канал. Он обязался кормить их во время работы и в вознаграждение за труд обещал дать козу с козленком.

Так как обитатели храма нуждались в молоке. Менес согласился, и они вдвоем с Пентуэром отправились на работу. Выровняв грунт, жрецы наметили направление и стали рыть.

Тяжелый физический труд живительно подействовал на Пентуэра, и когда он оставался наедине с Менесом, то даже охотно разговаривал с ним. Общение же с другими людьми приводило его в мрачное настроение. Их смех и песни, казалось, усиливали его страдания.

Менес не уходил на ночь в деревню, а вместе с Пентуэром ночевал в поле. Они любовались цветущими лугами и ловили отзвуки человеческой радости, не принимая в ней участия.

Однажды вечером полевые работы были прерваны раньше обычного — в деревню по просьбе крестьян пришел странствующий жрец и с ним небольшой мальчик. Собирая подаяния, они переходили от одного дома к другому. Мальчик наигрывал на флейте грустную мелодию, а когда она замолкала, жрец мощным голосом пел песню полурелигиозного, полусветского характера.

Менес и Пентуэр, лежа на пригорке, смотрели в пламенеющее небо, на золотистом фоне которого вырисовывались черные треугольники пирамид и коричневые стволы пальм с темно-зелеными кронами. А жрец брел с песней от порога к порогу, все дольше отдыхая после каждой строфы.

— «Как спокоен этот справедливый государь! Наконец-то исполнилось чудесное предсказание. Со времен Ра все старое исчезает и на смену ему приходит то, что молодо. Каждое утро солнце восходит и каждый вечер скрывается на западе. Мужчина оплодотворяет, женщина зачинает, свежим ветром дышит каждая грудь. Но все рожденные, все без исключения, идут к месту, которое им уготовано».[189]

— Но зачем это?.. — раздался вдруг голос Пентуэра. — Если б, по крайней мере, было правдой то, что жизнь сотворена во славу богов и добродетели! Но это ложь!.. Коварный злодей, мать, берущая в супруги убийцу своего сына, возлюбленная, в минуту ласк обдумывающая предательство, — вот кто преуспевает и властвует. Мудрецы же влачат свою жизнь в бездействии, а благородный, полный сил человек гибнет, не оставляя даже памяти о себе.

— «Наполни весельем этот день, о государь, — пел жрец, — ибо не много их дано тебе. Окружи себя ароматами и воскури фимиам, венками лотоса укрась стан сестры, что, владея твоим сердцем, сидит рядом с тобой. Пусть играют и поют в вашу честь! Отриньте заботы и предайтесь веселью, ибо блеснет внезапно тот день, когда уйдете вы в страну молчания».

— Ароматные масла для носа... венки из лотоса для стана, а потом молчание!.. — вырвалось у Пентуэра. — Поистине шут, разыгрывающий из себя рыцаря, разумнее, нежели этот мир, где мы все кого-то изображаем без всякой для себя пользы. Так неужели это земное прозябание можно представить себе непрерывным праздником? Где там!.. У кого не сводит от голода желудок, у того

сердце отравлено тревогой и вожделием. А когда наступает минута покоя, она несет с собой мысль о царстве вечного молчания и терзает человеческую душу.

— «Так празднуй же день веселья, о Неферхотеп [190], муж; с чистыми руками! Мне ведома судьба твоих предков. Их крепости разрушились, города исчезли, а их самих точно и не бывало. Из страны, куда они ушли, никто не возвратился и не рассказал, как им там живется, утешив нас. И так будет до тех пор, пока вы сами не уйдете туда, куда ушли они».

— Случалось ли тебе видеть спокойное море? — спросил Менес. — Не правда ли, какое оно скучное — словно сон без сновидений. И лишь когда вихрь взбороздит его гладь, когда один вал ринется в пучину, а другой вздыбится над ней, когда на поверхности заиграют молнии, а из глубины зазвучат то грозные, то трепетные голоса, — море становится прекрасным. То же мы наблюдаем на реке. Она кажется мертвой, пока течет в одном направлении, — очарование придают ей извивы и повороты. Так и в горах. Сплошная возвышенность скучна. Но причудливые зубцы вершин, глубокие ущелья — прекрасны.

— «Возлей миро на главу твою. Облеки тело твое в тончайшие одежды и умастись дарами богов, — пел жрец. — Надень на себя пышные уборы и не дай унынию овладеть тобой. Пока ты на земле, живи для наслаждения и не омрачай сердца, доколе не наступил для тебя день печали».

— Такова и жизнь человека, — продолжал Менес. — Наслаждения — это волны и гребни гор, а страдания — пучины и ущелья, и только тогда прекрасна жизнь, когда в ней сочетается то и другое, когда она подобна зубчатой цепи восточных гор, которыми мы любимся.

— «Ведь тот, чье сердце уже не бьется, — пел жрец, — не услышит жалобных песен, его не опечалит чужое горе. Поэтому с ясным челом празднуй дни веселья и умножай их число».

— Слышишь? — сказал Пентуэр, указывая в сторону деревни. — Тот, чье сердце перестало биться, не только не печалится чужим горем, но и не радуется собственной жизни, как бы прекрасна она ни была. К чему же эта красота жизни, за которую приходится расплачиваться мукой и кровавыми слезами?

Спускалась ночь; Менес завернулся в свой плащ и сказал:

— Каждый раз, когда тебя будут осаждать такие мысли, ступай в один из наших храмов и всмотришь в его стены, где, сплетаясь, теснятся изображения людей, животных, растений, рек, светил, — совсем как в этом мире, где мы живем.

В глазах невежды эти картины лишены значения, и, вероятно, не один из них задавал вопрос: «К чему они? Зачем так кропотливо трудились над ними резец и кисть?» Но мудрец приближается к ним с благоговением: он изучает по ним историю прошлых веков и постигает тайны мудрости.

